

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЦЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Сборник статей

Москва 1991

042(02)I

Редакционная коллегия:

Р.В. Овчинников (ответственный редактор),
Ю.Я. Рыбаков, А.Н. Медушевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск нашего издания, как и предсказуемые, посвящен актуальным проблемам современного источниковедения и знакомит читателя с новейшими результатами исследований в этой области. В современном источниковедении, как известно, весьма подробно обсуждаются проблемы классификации источников как по проблемному так и по видовому принципам. Большое значение при этом имеет раскрытие структуры источниковой базы, характера ретроспективной информации, выяснение роли и функций различных видов документов. Для этого, в свою очередь, важно определить видовую специфику источников, их характерные особенности, информативность. Достаточно много внимания в современной науке уделяется проблемному анализу информации источников: раскрывается ее значение для понимания экономики, социальных отношений, политики и права. Напротив, сами источники не часто становятся предметом изучения. Особенностью данного сборника статей является как раз то, что здесь специально рассматриваются практически все основные виды источников по истории России XVII—XIX вв., а также методы их исследования и результаты их применения к новому архивному материалу. Среди них — законодательство и делопроизводство центральных учреждений, летописание и провинциальная историография, наконец, периодическая печать. Таким образом, статьи сборника, взятые в совокупности, в какой-то мере иллюстрируют модернизацию самой источниковой базы, показывая переход от традиционных разновидностей документов к более совершенным, порожденным новым временем.

Важным достижением современного источниковедения становится систематическое обращение к делопроизводственным документам — материалам центральных государственных учреждений, отражающим реальное положение дел в различных областях управления. Этот вид источников, как показано во многих статьях сборника, позволяет получить новую ценную информацию по таким вопросам как финансы и система нало-

гообложения в Московском государстве XVI—начала XVII в., организация и материальное обеспечение военно-служилого сословия и бюрократии, функционирование важнейших государственных учреждений — Боярской думы и приказов, внутренняя и внешняя политика русского государства XVI—XVII вв. В центре внимания авторов сборника оказались следующие разновидности делопроизводственных документов: писцовые, приправочные и дозорные книги, соответствующая переписка, показывающие функционирование сошного письма (Н.П. Воскобойникова); десяти служилых людей, другие учетные документы Разрядного приказа, отражающие источники комплектования, материального содержания (верстания поместными и денежными окладами), состава служилых корпораций XVII в. (В.Н. Козляков); грамоты Боярской думы, отложившиеся в документах Посольского приказа и показывающие основные направления внутренней и внешней политики государства (С.Н. Богатырев, Н.И. Воскобойник); записки иностранцев, посольские дела, являющиеся ценным источником по истории отношений России со странами Западной Европы (Н.А. Казакова) и Востока (Р.В. Овчинников), а также торговых миссий (А.В. Демкин). Некоторые из этих источников, как например, писцовые книги, имеют давнюю традицию исследования, восходящую к русской дореволюционной историографии. В этом отношении весьма поучительно обращение к научному наследию и издательской деятельности выдающегося русского историка-архивиста Н.Н. Ардашева (Л.И. Шохия).

Делопроизводственные источники становятся гораздо более информативными при сопоставлении их с законодательным материалом. Такой подход, позволяющий лучше раскрыть соотношение нормы и действительности, прослеживается в работе А.Н. Медушевского, посвященной сравнительно-историко-ведческому анализу петровской Табели о рангах. В статье показаны, во-первых, новые методы исследования такого рода, во-вторых, введен в научный оборот новый комплекс однотипных источников, отражающий сходство социальных процессов в России и целом ряде государств Западной Европы,

наконец, в-третьих, рассмотрена делопроизводственная подготовка одного из важнейших законодательных актов Петра. Вопросы датировки Угличской таможенной уставной грамоты с привлечением для этого других документов таможенного делопроизводства рассмотрел М.Б. Булгаков.

Важным направлением источниковедческих исследований является летописание, особенно на позднем его этапе, когда под влиянием значительных социальных изменений, летописцы начинают менять свое содержание и форму, уступая со временем место научной историографии XVIII в. Данная проблематика получила отражение в статьях А.П. Богданова о Кратком московском летописце и А.А. Севастьяновой, избравшей предметом своего исследования источники в сочинениях провинциальной историографии России второй половины XVIII в.

Периодическая печать — источник довольно традиционный и широко используемый в исторических исследованиях. Тем не менее, обращение к нему с новой точки зрения В.А. Иванова позволило получить ценные сведения о государственном аппарате России XIX в., таком его звене как губернаторы и генерал-губернаторы, наконец, установить социально-психологический образ чиновничества кануна и проведения реформ.

Таким образом, статьи сборника анализируют источники о социальных структурах русского общества, механизмах их функционирования, отражают тенденции эволюции власти и права в России при переходе от феодализма к новому времени.

Настоящий сборник открывается статьей об С.О. Шмидте — видном исследователе истории России эпохи феодализма, много сделавшем для развития отечественного источниковедения.

А.Н. Медушевский

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ С.О. ШМИДТА

Развитие исторической науки всегда связано с общественным сознанием эпохи, жизнью поколения и теми проблемами, которые перед ним стоят. Поэтому обращение к творчеству ученых позволяет увидеть некоторые общие тенденции движения науки, выступающие за разнообразием конкретных научных исследований. Начало научной деятельности С.О. Шмидта относится к тому времени, когда источниковедение не принадлежало к числу дисциплин, занимавших видное место в кругу других общественных наук. Напротив, оно было мало известно за пределами весьма узкого круга специалистов. Многие историки, особенно занимающиеся идеологически актуальной проблематикой, не подозревали о существовании источниковедения, а точнее не стремились о нем узнать. Глубокое убеждение в том, что данная ситуация должна быть изменена сформировалось среди специалистов по истории древнейшего периода, которые, продолжая традиции отечественной науки прошлого, стремились передать своим ученикам высокий профессионализм источниковедческих исследований. Особую роль сыграла в этом отношении, как известно, школа М.Н. Тихомирова. Глубоко восприняв принципы Тихомирова, С.О. Шмидт рассматривает источниковедение как необходимую основу развития исторической науки и культуры вообще.

Круг научных интересов С.О. Шмидта весьма широк. Его перу принадлежат труды по истории России эпохи феодализма, нового времени, по истории культуры, криведению, архивному делу, археографии, охране памятников истории и культуры, русской книжности¹. Исключительное внимание уделяется им проблемам преподавания истории, формированию исторического сознания в средней и высшей школе. Источниковедческий подход пронизывает все направления его деятельности. Уже в первых работах молодого исследователя мы находим ясное указание на необходимость критического от-

ношения к источникам. Среди тем его исследований анализ источников по истории русского абсолютизма, правящего класса, бюрократии. Обращает на себя внимание анализ такого нетрадиционного и необычного источника, как миниатюра Царственной книги². Анализ текстов источников в их взаимосвязи с данными других документов позволил раскрыть информационные возможности миниатюр для освещения истории Московского восстания 1547 г. Уже в этой работе прослеживается междисциплинарный подход к исследованию прошлого, получивший развитие в последующих трудах. Он состоит в изучении источника с помощью методов его рассмотрения в определенной социальной и культурной среде, приверженности его создателя к известным традициям документообразования, словесного и художественного изображения. Развивая этот подход в своих новейших работах, ученый стремится приблизиться к пониманию современной источникам XVI в. системы передачи информации и восприятия ее людьми той поры — создателями источников и их читателями. Автор отстаивает мысль о том, что существует определенная связь между методами науки и искусства, а путь создания исследовательского подхода есть междисциплинарный подход, объединение методов, разработанных в разных областях познания. Это позволяет не только пополнить конкретные знания о государственно-политической истории, истории общественного сознания России XVI в., истории древнерусской литературы и искусства, но, как пишет Шмидт, также проверить методику научных поисков, определить направления и возможные перспективы дальнейших исследований, стимулировать новые поиски источников и размышления над ними³.

Большой интерес к проблеме источниковедения вызвала серия дискуссий, прошедших в ряде научных учреждений, прежде всего в Историко-архивном институте, а также на страницах ведущих исторических журналов в конце 50-начале 60-х гг. Это было время подъема исторической науки, обозначившегося после XX съезда. Как справедливо заметил С.С. Шмидт в одной из своих статей этого времени «есталинизация бла-

готоворно страдала на развитии гуманитарных наук вообще и способствовала, прежде всего, исследованию источников как объективному условию развития исторической науки⁴. В новых условиях создавалась возможность распространения накопленного источниковедением истории феодальной эпохи опыта на источники нового и новейшего времени. Этой проблеме были посвящены дискуссии о преподавании источниковедения новой и новейшей истории и источниковедения истории партии. Приняв участие в этих дискуссиях, Шмидт поднял ряд принципиальных вопросов теоретического и методического характера. Он писал о месте источниковедения в системе исторического образования, о необходимости введения исторических, историографических и источниковедческих лекционных курсов и спецкурсов в университетах и педагогических институтах страны⁵. Уже в то время он поставил некоторые вопросы теории и терминологии источниковедения, получившие затем дальнейшую разработку. Особое внимание было обращено на методы источниковедческого анализа специфических, нетрадиционных источников, как, напр., картографические, фоно-фото-документы, изобразительные, а также источники личного происхождения. Новой явилась постановка вопроса о так называемых "этнографических", а точнее - социологических источниках, позволяющих получить обобщенную информацию об образе жизни, жилищах, общении и т.п. людей как прошлого так и нынешнего времени. В этой связи было обращено внимание на методы работы с источниками Ф. Энгельса, который изучал положение рабочего класса в Англии с помощью как письменных источников, так и непосредственного наблюдения. Расширяя круг источников нового и новейшего времени, С.О. Шмидт рассмотрел вопрос о художественной литературе как историческом источнике. Художественные произведения выступают как памятники культуры своей эпохи, которые оказывают определенное воздействие на современников, они же являются отражением социально-экономических и политических отношений, дают психологические типы эпохи, становящиеся иногда нарицательными, как Тартюфы и Тартарены. Так, цен-

ными источниками своей эпохи становятся романы Бальзака, Флобера, произведения английских романистов XIX в., а также книги Франса, Мопассана, Барбюса, Ремарка, многих других. Проводя источниковедческий анализ необходимо различать, как отмечал исследователь, два основных временных пласта — когда авторы выступают как современники событий и когда они комментируют историческое прошлое.

Выступая по вопросам преподавания источниковедения истории партии, Шмидт подчеркивал мысль о том, что без исследования источников различного происхождения и направлений, и без профессионального их анализа никакая наука объективно существовать не может. В этой связи им был высказан ряд теоретических и методических предложений, направленных на повышение уровня исследований современности. Речь шла здесь также о соотношении общих принципов источниковедения и их применения к конкретным областям знаний.

Самостоятельное направление источниковедения составляет анализ источников по истории самой науки. Эта проблема специально рассмотрена в ряде работ Шмидта. Постановка вопроса относится к 1965 г., когда были подробно рассмотрены различные виды источников, методы их выявления и изучения⁶. В дальнейшем эта тема развивалась по ряду направлений. Особенно подробно освещаются им источники по истории исторической науки — источниковедение историографии. Считая, что необходимо установить объективную картину развития методов источниковедческого исследования, раскрыть значение идей А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова, А.Е. Преснякова, автор обращался к новым материалам — документам личных фондов историков. В ряде работ раскрываются исследовательские приемы М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, В.И. Шункова, других ученых⁷. Важно отметить, что опыт работы по проблемам источниковедения и историографии был использован и в преподавании. Ряд учеников и последователей С.О. Шмидта активно разрабатывает проблемы личных архивов историков, материалы выдающихся коллекционеров и издателей документов, историю создания отдельных крупных

публикаций ⁸.

В особое направление выделилась поставленная Шмидтом проблема источников по истории краеведения. В ряде статей и выступлений им показано, что труды краеведов, многообразные по тематике, оказали несомненное воздействие на развитие науки. Особенно велико их значение для становления специальных исторических дисциплин, формирование (в описаниях коллекций, экспедиционных отчетах) научной терминологии. Отечественное краеведение до его разгрома в конце 20-х гг. создавало характерные для науки новейшего времени приемы выявления и описания источников и извлечения из них данных о структуре повседневности, о влиянии не только природы на человека, но и человека на природу, о возможной типологизации исторических источников. Велик вклад краеведов в разработку методики исторической, музейной, архивной работы (анкеты, устная история, экспедиционная практика). Источниковедческий подход позволяет определить место краеведческих трудов в истории науки и творчестве ученых, в развитии культуры ⁹. Данное направление развито в трудах учеников С.О. Шмидта, рассмотревших источники об отношении государства и общества к историческим памятникам, о краеведении отдельных культурных центров страны.

Источниковедение и история науки рассматриваются в их взаимоотношении не только специалистами гуманитарного профиля, но и представителями естественных наук и техники ¹⁰. У специалистов в этих областях знаний ощущается большая необходимость в обращении к проблемам источниковедения истории науки и техники ¹¹. Особенно много проблем связано, как показал С.О. Шмидт, с выяснением роли географии в развитии общества и соответственно, источников, отразивших связь природных и социальных фактов в жизни общества.

Еще в начале 60-х гг. стала ясна необходимость издания сборника статей по теоретическим и методическим проблемам источниковедения. Эта мысль была реализована в из-

вестном издании — "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы" (1969 г.), ответственным редактором которого был С.О. Шмидт¹². В издании были представлены работы историков и философов разных поколений и разных научных центров страны, посвященные спорным и малозученым проблемам источниковедения в широких хронологических и региональных рамках. Сборник открывает обобщающая работа С.О. Шмидта, посвященная современным проблемам источниковедения. В ней рассмотрены такие вопросы как объем понятия источниковедения, предмет теоретического источниковедения, уровни источниковедческого познания; анализируется объем понятия "исторический источник" и проблема классификации источников; рассматриваются методы источниковедческого исследования и пути выявления в источнике данных об историческом факте¹³. В статье выявлялось соотношение источниковедения и других областей знания, по новому ставились задачи изучения историографического наследия. Автор стремился соотнести традиционные подходы источниковедения с новыми проблемами, порожденными интеграцией и дифференциацией современного знания, расширением источниковой базы и новыми задачами исторической науки. Предлагая по каждому из поднятых вопросов свою точку зрения, автор в то же время сосредотачивал внимание на возможностях их дальнейшего исследования. Обобщив значительную литературу по теоретическим проблемам источниковедения и исторического познания, Шмидт подчас предлагает не одно, а несколько вариантов их решения. Примером может служить его подход к одной из наиболее интересных и в то же время совершенно еще не разработанных проблем — концепции сравнительного источниковедения. Констатируя, что предмет и методика его четко не определились, Шмидт привел ряд интересных наблюдений и обобщений. Речь по существу идет о различных направлениях, в которых могут реализоваться сравнения¹⁴.

Отметим, что размышляя о различных путях сравнительного анализа разнообразных видов источников, Шмидт исхо-

дит из системного подхода к информации и ее носителям. Исходной позицией при этом служит представление о том, что для каждой исторической эпохи существует определенный и достаточно стабильный информационный фон, со своей системой коммуникаций и носителей информации. Совокупность этих носителей информации (или источников) составляет, согласно терминологии автора, источниковую базу. Источниковая база есть, таким образом, интегрирующее понятие, которое, обобщая различные виды информации, обеспечивает потенциальную возможность их сопоставления и синтеза в ходе исторического исследования¹⁵. Данная идея положена С.О. Шмидтом в основу его монографических исследований по русской истории, задачу которых он видит в том, чтобы реконструировать прошлое во всем многообразии его проявлений, воссоздать целостную систему общественных отношений и социальной психологии.

Наиболее четко эти принципы выражены во введении к книге "Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного" (1973 г.)¹⁶. Прослеживая здесь возможности восстановления исторической действительности того времени с помощью имеющихся, далеко не полных источников, автор следующим образом формулирует свой подход: "Известно, что историку в отличие от естествоиспытателя не дано экспериментальным путем восстановить изучаемые им факты. Но он обязан стремиться дать правильное объективное представление об исторических фактах. Историк, не имея возможности экспериментальным путем воссоздать историческое явление, а следовательно, проверить абсолютную точность его определения и описания и не обладая обычно знанием всех фактов, относящихся к этому явлению, а лишь фрагментами таких знаний, вынужден прибегать к приему исторической реконструкции, чтобы "дорисовать" затененные стороны и вскрыть взаимосвязи изучаемых им явлений"¹⁷. Источниковед обязан, поэтому, подчеркивает автор, - освоить современные источники системы коммуникаций, попытаться расшифровать

и оценить его с точки зрения современников и в то же время понять, как изменяется во времени смысловая и эмоциональная нагрузка источника.

Исследование социально-политической истории времени Грозного автор понимает как освещение не только деяний этого исторического деятеля и его воздействия на современные ему события, но прежде всего — истории русского общества того времени и его политической организации, формирования истоков российского абсолютизма. Как отмечает сам Шмидт, собственно источниковедческая тематика занимает при этом не меньшее место, чем историческая. Формулированию выводов и наблюдений исторического характера предшествует анализ состояния источниковой базы: в поле зрения автора находятся как сведения источников опубликованных и изученных, так и новых, позволяющих понять, насколько типичны и в какой мере сопоставимы факты, в какой мере обосновано обращение к тем или иным методическим приемам источниковедческого исследования.

Ключевым для понимания авторского подхода к проблеме является понятие структуры источниковой базы. Определенное влияние современного структурализма сказывается в том, что Шмидтом сделана попытка вычленения, с одной стороны, различных информационных пластов, а с другой — установления временной последовательности их проявления в разнообразных видах источников. Таким образом раскрывается сложная инфраструктура источниковой базы. При таком подходе удается получить ценную информацию даже в таких ситуациях, когда сами источники утрачены, а их сведения дошли до нас лишь в отраженном свете других, последующих документов. Так, например, в наиболее ранних из дошедших описей главных архивов государства XVII в. — Царского архива и архива Посольского приказа XVII в. — сохранились лишь упоминания о документах, значительная часть которых известна только по названиям¹⁸. Приказная документация сохранилась лишь частично¹⁹, а повествовательные и, особенно, публицистические памятники, имеющие принципиальное

значение для данной темы (сочинения самого Грозного, князя Курбского, Ивана Пересветова) известны лишь в позднейших списках. Особенно мало уцелело документов из архивов частных лиц, что очень затрудняет изучение общественного сознания. Вывод о становлении российского самодержавства, иначе говоря - становлении абсолютизма на Руси, завершающий данную монографию, не исчерпывает результатов источниковедческого исследования, проведенного автором. Продолжением этого направления исследований источников о российской государственности стала другая монография С.О. Шмидта - "Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного" (1984 г.)²⁰. Раскрывая замысел этой книги, автор пишет, что в наши дни исторический источник привлекает внимание ученых не только как посредник, сохраняющий данные об исторических фактах, но и как историко-культурный феномен, специфический носитель информации. В центре внимания при таком подходе оказывается сам процесс научного поиска, способ добывания исторических сведений, их надежность. Очерки, помещенные в книгу, посвящены архивным описям российского государства XVI в. и царским летописям, а также миниатюрам, включенным в их состав. Таким образом, в данной книге, в отличие от предыдущей, принят другой подход: в ней рассматривается не исторический процесс как таковой, а собственно источники его изучения в лице важнейших их видов. Они представляют собой, как отмечает сам автор, непосредственные фрагменты эпохи, отражающие типологические черты документальных памятников определенного типа. Они рассматриваются как памятники истории политической борьбы и истории культуры, как источники о событиях государственно-политической истории, а также о системе делопроизводства, общественном сознании, художественном мышлении, языкотворчестве²¹. Для источниковедческого подхода автора характерно исследование комплекса вопросов происхождения, оодержания, внешних и художественных особенностей рукописей, истории обращения к ним в XVI в. и

последующее время. Читатель получает реальное представление о том, как в конкретном исследовании и источниковедческом анализе могут применяться методы смежных гуманитарных наук, приемы археографии, истории архивного дела, истории государственных учреждений и даже литературоведения и искусствоведения²². Это позволяет читателю, в том числе и не историку, понять, как работают исследователи с источниками, какие трудности приходится им преодолевать, в какой мере те или иные послужения вообще могут быть доказаны, как возникают гипотезы, как они проверяются и каков должен быть характер аргументации. Формулировка ряда выводов книги в виде вопросов и предположений стимулирует дальнейшие размышления и исследования.

Обращение к молодым исследователям всегда было характерно для научной и общественной деятельности С.О.Шмидта. Широко известен в этом отношении руководимый им студенческий научный кружок источниковедения в Историко-архивном институте²³. На протяжении своей длительной истории кружок стал школой источниковедческого мастерства для многих поколений научных работников. Задачей историка, считает Шмидт, является не только ведение исследовательской работы, но и содействие выработке у молодежи критического подхода к расхожим историческим представлениям, умения оценивать степень исторической объективности современных источников информации, оказывающих массовое воздействие²⁴. Одним из средств для достижения этой цели он считает качественное преподавание истории в средней школе, его связь с краеведением, с делом охраны и использования памятников истории и культуры²⁵.

В новых исторических условиях периода демократических преобразований значение гуманитарных знаний вообще и источниковедческих, в частности, приобрело особую актуальность²⁶. Анализируя в своих статьях последнего времени данную ситуацию, Шмидт обращает внимание на следующие проблемы. В исследовательской и преподавательской деятельности должны быть реализованы изменения во времени состава

ва и типологии источниковой базы нового и новейшего времени; увеличение численности источников в целом и их видов и разновидностей (прежде всего словесных, особенно письменных), появление новых видов (фонограммы, фото- и кинодокументы, перфокарты и др.) и разновидностей традиционных типов источников, учетно-статистические данные, газеты-многотиражки в учреждениях и стенные газеты, интервью и записанные устные воспоминания, памятники массовой культуры - открытки, шлягеры и т.д., изменения формы и содержания ряда разновидностей источников (в частности, стандартизация массовых источников как официального, так и индивидуального происхождения). Исследователь подчеркивает также необходимость обращения к изучению природных явлений для познания общества, более глубокого анализа естественно-географической, а также космографической среды и физико-био-психических свойств самого человека. Ученые-гуманитарии обращаются к данным, установленным специалистами естественных наук, что расширяет междисциплинарные связи и выдвигает специфические источниковедческие аспекты этих проблем ²⁷. Источники по истории науки и техники необходимы для исследования актуальных проблем научно-технического прогресса и его соотношения с нравственно-политическими и социальными факторами общественного развития.

С распространением интереса к истории как духовной, так и материальной культуры, не только к государственно-политической истории, но и к истории социально-экономической, к истории масс, стала ощущаться потребность выявления, изучения и сохранения всего того, что свидетельствует о повседневной жизни, образе жизни населения ²⁸. Широкая общественная деятельность С.О. Шмидта в области сохранения памятников истории и культуры представляет собой практическое выражение научных принципов подхода к источникам.

- I Шмидт С.О. Библиографический указатель. М., 1937.
- 2 Шмидт С.О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 265-284.
- 3 Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений: Опыт изучения описи Царского архива // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 260-278; Он же. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые рукописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- 4 Шмидт С.О. К вопросу о преподавании источниковедения истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1963. № 2. С. 101-104.
- 5 Шмидт С.О. Вопросы преподавания источниковедения // Новая и новейшая история. 1962. № 4. С. 112-119; Он же. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1962. № 1. С. 94-104; Он же. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 59-70.
- 6 Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 3-49.
- 7 Шмидт С.О. К 60-летию проф. М.Н. Тихомирова // Вестник Московского университета. История. 1963. № 4. С. 74-81; Он же. Виктор Иванович Шунков // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 210-212; Он же. К 80-летию проф. С.Н. Валка // История СССР. 1968. № 2. С. 220-221.
- 8 Шмидт С.О. Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // Археологический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 316-318; Он же. Опыт работы со студентами по проблеме источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 170-181.
- 9 Шмидт С.О. Некоторые задачи исторического краеведения и изучения его источниковой базы // Проблемы источниковедения и историографии истории Восточной Сибири: тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск, 1982. С. 16-17; Он же. Труды краеведов и развитие источниковедения // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 37-38.
- 10 Шмидт С.О. Проблемы взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа. М., 1981. С. 262-275.
- 11 Илизаров С.С. Материалы к историографии истории науки и техники. М., 1989. С. 253.
- 12 Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

- 13 Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 7-58.
- 14 Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI. С. 3-24.
- 15 Шмидт С.О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 153-163.
- 16 Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.
- 17 Шмидт С.О. Указ. соч. С. 10.
- 18 Шмидт С.О. Материалы делопроизводства государственных учреждений XV-XVII вв. // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 93-106.
- 19 Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985.
- 20 Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые рукописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- 21 Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 358-363.
- 22 Шмидт С.О. Источниковедение в кругу других дисциплин и вопросы классификации источников. Постановка вопроса. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983. С. 3-13.
- 23 Шмидт С.О. Н.л кружок // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 137-157.
- 24 Шмидт С.О. О подготовке историков-архивистов в МГИИ: Размышления в связи с реформой высшей школы // Советские архивы. 1987. № 4. С. 55-63.
- 25 Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 264-274.
- 26 Круглый стол: проблемы преподавания источниковедения новой и новейшей истории // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 175-176.
- 27 Люблинская А.Д. Источники в смежных с историей науках (по материалам зарубежной медиэвистики) // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979.
- 28 Тихвинский С.Л., Шмидт С.О. Историки и сохранение культурного наследия человечества. М., 1990.

ГРАМОТЫ БОЯРСКОЙ ДУМЫ XVI ВЕКА
В ДОКУМЕНТАХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

На протяжении всего XVI столетия Боярская дума активно участвовала в международной и внутренней жизни Московского государства. Однако изучение ее деятельности затрудняется из-за отсутствия архива Думы в современных хранилищах, поэтому каждый источник о внутреннем устройстве и порядке работы Боярской думы приобретает самостоятельное значение. Как отмечал А.А. Зимин, эти источники делятся на две группы: материалы, отложившиеся в делах внешнеполитического ведомства, и поземельные акты из архивов монастырей-вотчинников¹. Документы первой группы входят в состав приказной документации, играющей, по наблюдению В.О. Ключевского, первостепенную роль при изучении истории боярского совета².

В настоящей статье рассматриваются грамоты, составляющие зарубежную и внутреннюю переписку Боярской думы, которая сохранилась среди материалов Посольского приказа. Адресатами и корреспондентами этих грамот были думные люди, поэтому изучаемый источник связан с Боярской думой гораздо теснее, чем какие-либо другие приказные документы.

В зависимости от адресата корреспонденция Думы делится на грамоты, направляемые за границу и посвященные соответственно внешнеполитическим делам, а также на грамоты, адресованные царю или административным органам. Послания второй группы, как правило, отражают вопросы, связанные с приемом иностранных делегаций.

Обращаясь к зарубежной переписке, следует учитывать, что Боярская дума ведала приемом иностранных послов, вела с ними переговоры, а также руководила подготовкой соответствующих документов³. Будучи законосовещательным органом при монархе, Дума обладала определенными полномочиями в выработке внешнеполитического курса страны. Эти пол-

номочия сужались или расширялись в зависимости от политической ситуации, но тем не менее они всегда демонстрировались перед иностранцами. Причем делалось это двояким образом: во-первых, в формулах приговоров подчеркивалась единая воля государя и его приближенных⁴. Во-вторых, Дума обладала правом вести самостоятельную переписку с зарубежными государственными советниками, среди которых главными "друзьями по переписке" были радные паны Польско-Литовского государства. Поэтому самый обширный комплекс корреспонденции Боярской думы содержится в настоящее время в ЦГАДА (ф. № 79 "Сношения России с Польшей" и материалы литовской метрики).

На эту особенность русско-литовских отношений обратил внимание С.А. Белокуров в работе "О Посольском приказе". По его данным, переписка Рады и Думы велась интенсивно на протяжении всего XVII столетия. Как правило, в переписке речь шла об обмене посольствами, о пограничных делах, и судьбе пленников, захваченных в ходе военных действий⁵, так что грамоты Рады и Думы относились к важной дипломатической документации и копировались в посольские книги.

По наблюдениям С.А. Белокурова, в большинстве случаев Рада присылала грамоту первой, а затем следовало ответное послание Думы⁶. Инициативная грамота помещалась в посольской книге после описания приема посла, доставившего ее, а ответ бояр располагался среди отпусков русского посольства. В том случае, если переписку начинали бояре, ответная грамота из-за границы вносилась в группу документов, привезенных русскими послами, вслед за грамотой короля⁷. Таким образом, переписка Думы размещалась в соответствии с порядком расположения документов, принятым в книгах Посольского приказа, и рассредоточивалась среди материалов различных посольств.

Русская сторона очень внимательно относилась к бумагам, получаемым боярами из-за границы. Например, в 1562 г. пристав специально расспрашивал литовского пос-

ланца о том, какая Рада и к каким боярам направила его и сколько с ним грамот. Во время дипломатических приемов посольские дьяки (изредка — подьячие) забирали у гонцов панские грамоты и передавали им письменные ответы Думы⁸. Грамоты королевской Рады к государевым боярам, относящиеся, по мнению А.А. Зимина к 1560-м гг., хранились в 193-м ящике Царского архива⁹.

В исследованиях Н.П. Загоскина и В.О. Ключевского, посвященных Боярской Думе, зарубежная переписка думных людей используется очень мало¹⁰. Впервые посольские книги как источник по истории государственных учреждений систематически исследовал В.И. Савва¹¹. Он обнаружил описание сношений Рады и Думы, относящееся к 1589 г.: "Паны радные к боярам посылают гонцов, а бояре к панам радным против посылают своих гонцов, и меж собой гонцы ссылаются: то не новое дело, изначала велось"¹². С.А. Белокуров считал, что переписка Рады и Думы началась в 1502 г., но В.И. Савва отметил, что первое послание литовского пана Я.Ю. Забержского к боярину Якову Захарьичу было отправлено еще в 1492 г. Сопоставление боярских грамот с другими документами позволяет рассмотреть вопрос о степени самостоятельности думных людей в международных делах. В отличие от С.А. Белокурова, В.И. Савва подчеркивал, что сношения бояр с панами Рады велись "с ведома великого князя, указавшего боярам, как им отвечать от себя"¹³. В 1502 г. Иван III направил сыну Дмитрию под Смоленск текст ответной грамоты бояр к литовцам и наказ, в котором великий князь давал сыну такие поручения: "Что прислала Рада литовская к нашим бояром грамоту, и яз против той грамоты от своих бояр написал к литовской Раде грамоту..., и ты бы ту грамоту и боярам нашим сказал, а к той ести грамоте князю Данилову (Шени — С.Б.) печать здесе велели приложить, а ты бы велел к той грамоте князю Василию Колмскому построить князь Даниловны печати приложить свою печать, а Якову Захарьину на другой стороне княжи Даниловны печати вели приложить свою печать..." Указанная грамота направлялась в Литву "от всех князей и от бояр и от окольных", однако

по распоряжению монарха печати к ней прикладывали только ведущие члены боярского совета. По мнению В.И.Саввы, тот факт, что "великий князь" написал" ответ Раде от бояр, не исключает их участия в "написании" грамоты" ¹⁴.

В.И. Савва также указывает приговор великого князя 1520 г.: "Да приговорил великий князь от которого боярина послати з грамотою к которому пану к литовскому задрати их" ¹⁵. Аналогичные распоряжения часто отдавал Иван Грозный. Например, в 1583 г он приговорил отправить грамоту от боярина Н.Р. Юрьева, оружничего Б.Я. Бельского и думного дьяка А.Я. Щелкалова витебскому воеводе Ст. Пацу ¹⁶. Отсюда можно видеть, что на протяжении всего XVI столетия монарх определял содержание боярских грамот, а также устанавливал их адресаты и способ удостоверения. Сопоставление грамот Боярской думы с великокняжескими наказами и с записями составителей посольских книг показывает, что "московский и литовский государи прикрывались желанием своих бояр и рад" ¹⁷.

Большой интерес представляет инскрипция грамот панов Рады к московским боярам. В 1589 г. польский пристав укорял гонца А.Иванова: "Для чего пана канцлера Льва Сопеги в грамоте не писали, а без канцлера посольское дело чикоторое не бывает". В ответ русский гонец стал оправдываться ссылками на устоявшуюся традицию: "Великого государя нашего бояре писали по прежнему обычаю: Ближня дума государская к переднеишим панам радам, а дело их вопчее всех, а только было писать канцера Льва Сопегу, ино было писати и всех панов рад. И преж севс бывало также: ратных панов два - три писывали к великого государя нашего бояром также не ко многим, к двум или к трем, а дело всех их вопчее" ¹⁸. Отсюда видно, что инскрипция грамот,

оставляющих переписку Боярской думы и Рады, не отражает полный персональный состав этих органов. Это дополнительно подтверждает тот вывод А.А. Зимина, что при изучении состава Боярской думы посольская документация может служить лишь дополнительным источником по отношению к раз-

рядным книгам ¹⁹. Среди адресатов грамот, направленных к боярам, указывались имена самых видных членов боярского совета. Следовательно, эти грамоты раскрывают состав Ближней думы государя. 30 декабря 1585 г. паны Рады направили грамоту "боярам и дьякам Ближней думы", имея в виду дьяков братьев Щелкаловых ²⁰. Ответная грамота посылалась от бояр и от "больших дьяков" Щелкаловых ²¹.

В текстах боярских грамот Щелкаловы также именовались "думными дьяками" и "большими дьяками Ближней думы", в то время как в записях составителей посольских книг знаменитые чиновники назывались как и обычные приказные люди "дьяками" ²². Таким образом, переписка Боярской думы позволяет выделить думных дьяков, занимающих ведущее положение в боярском совете.

Имена думных людей располагались в инскрипциях польских и литовских грамот в соответствии с правилами местничества. По наблюдениям В.И. Саввы, даже в период регентства Бориса Годунова, когда он фактически был главой государства, в грамотах к боярам первым писался И.Ф. Мстиславский, а после его удаления - Ф.И. Мстиславский ²³. В 1502 г. литовские паны специально объясняли отсутствие и имен московских бояр в своей грамоте: "А потому ваших милостей мы не писали по именам, что не ведам на тот час местец ваших, где кто сидит подле кого в раде государя вашего" ²⁴. Инскрипция посланий панам Рады несла определенную политическую окраску. Когда в 1587 г. (во время польского "бескоролья") русское правительство делало особую ставку на позицию литовских панов при выдвижении кандидатуры Федора Ивановича на вакантный престол, грамоты царя и бояр посылались всем высшим сенаторам Великого княжества Литовского, украинским магнатам и только двум польским представителям - гнезнийскому архиепископу и коронному подканцлеру. В инскрипции русской грамоты к польским панам Рады не упоминался канцлер и коронный гетман Ян Замойский, возглавлявший в то время экспансионистскую партию польских феодалов ²⁵.

Тексты грамот, составляющих переписку Думы, иногда помогают восстановить эпизоды из деятельности боярского совета, о которых умалчивают записи составителей посольских книг. В послании думцев к папам Рады от 15 апреля 1586 г. сказано, что "бояре, князья, думные всякие люди и дьяки Ближней Думы и вся Дума" слушали речи и грамоты польских послов. Следовательно, между 10 апреля (днем подачи послами своих документов) и 15 апреля (днем направления цитируемой грамоты) Дума заседала своим широким составом и обсуждала ответ полякам, но дьяки не отметили этого заседания при составлении посольской книги ²⁶.

Среди бумаг, входящих в переписку Боярской думы, можно выделить особую группу посланий, которыми отдельные думцы обменивались со своими зарубежными коллегами. По содержанию такие послания как правило совпадали с грамотами монарха и Боярской думы. В отличие от грамот Боярской думы персональные грамоты думцев направлялись не только в Польско-Литовское государство, но и в другие европейские страны (Англию, Данию, Империю), а также посылались ногайским и крымским князьям, так что переписка отдельных думцев представлена в документах Посольского приказа, шире, чем корреспонденции Думы в целом. Следует учитывать, что персональная зарубежная переписка знатных бояр (например, кн. Д.М. Вельского, кн. И.Ф. Мстиславского) относится скорее к их личной документации, чем к корреспонденции Боярской думы как государственного учреждения. Поэтому здесь можно остановиться только на персональных грамотах неродовитых думных людей.

В первой половине XVI в. персональными грамотами обменивались бояре и окольные, но с формированием низших думных чинов в дипломатической переписке стали участвовать и думные дьяки главных московских приказов. Первый начальник Посольского приказа И.М. Висковатый при сношениях с королевским писарем О.Воловичем еще не вел официальную переписку ²⁷. Однако преемник Висковатого — думный дьяк А.Васильев, уже получал специальные послания от

ногайцев, адресованные ему персонально как человеку, близкому к государю ²⁸. Самую интенсивную международную корреспонденцию имели братья Щелкаловы, достигшие огромного влияния в политической жизни страны. Будучи думными посольскими дьяками, они в разное время переписывались с литовским подканцлером, королевскими советниками Англии и Дании, эрцгерцогом Максимилианом ²⁹. В 1587 г. "большой дьяк Ближней думы" В.Я. Щелкалов, возглавлявший тогда Разрядный приказ, отправил грамоту к государственному писарю Литвы ³⁰. Следовательно, правом международной переписки обладали не только руководители Посольского приказа, но и другие думные дьяки, приближенные к государю, что еще раз свидетельствует о возросшем значении думного дьячества во второй половине XVI в. Сопоставление коллективных посланий Боярской думы и персональных грамот думных людей показывает, что в грамотах сохранилось больше сведений о личностях их адресатов и корреспондентов. Грамоты ногайского князя Тинехмата к А.Васильеву свидетельствуют о значительном влиянии этого думного дьяка на отношения с Ногайской Ордой. В переписке А.Щелкалова и Л.Сапеги есть интересные упоминания о посылке литовскому подканцлеру царского жалования и об ответном подарке Сапеги дьяку Щелкалову - карете с шестью лошадьми ³¹.

Большая часть внутренней корреспонденции Боярской думы состоит из переписки Думы с государем. Впервые она была исследована в работе Н.П. Лихачева, посвященной документам посольства А.Поссевино. Среди столбцовых материалов этого посольства сохранилось шесть грамот на имя кн. И.Ф.Мстиславского с товарищами, в которых государь обсуждал с думцами организацию приема посольства ³².

В интитуляции этих грамот Грозный опускал свой царский титул, оставаясь только "великим князем всея Руси" ³³. По наблюдению Н.П. Лихачева, адреса грамот, помещенные с обратной стороны листа, надписывались не подьячими, писавшими текст, а лицом, "далеким от профессиональной переписки документов" ³⁴. Тем самым Н.П. Лихачев подводит

читателя к мысли о том, что автором этих надписей мог быть сам государь. Инскрипция царских грамот довольно широко варьировалась, но в ней всегда присутствовало имя И.Ф. Мстиславского с указанием его княжеского титула и боярского чина, а также упоминались его младшие "товарищи" по Боярской думе³⁵. В некоторых случаях в адресации царских посланий подчеркивалось товарищество бояр и думных дьяков.

В.И. Савва обратил внимание на тот факт, что ответные послания на грамоты, адресованные кн. И.Ф. Мстиславскому, а также дьякам А. Щелкалову и АФ. Демьянову, направлялись от имени И.Ф. Мстиславского с товарищами, А.Я. Щелкалова и А.И. Демьянова с товарищами, т.е. от имени Боярской думы³⁶. Очевидно, что в инскрипциях царских грамот, посылаемых Думе, назывался более узкий круг думных людей, чем даже в грамотах литовских и польских панов. Вероятно, упоминание имени главного боярина (в данном случае - И.Ф. Мстиславского) и суммарное обозначение его товарищей означали, что грамота направлялась в целом Боярской думе.

В "деле" о приезде А.Поссевино сохранилось три послания Боярской думы царю, два из которых были ответом на царские грамоты, а третье было направлено по инициативе бояр в виде сопроводительного письма к документам, пересылаемым в Старгду. Нужно сказать, что в интитуляции боярских грамот опускались княжеские титулы, боярские и дьяческие чины, а также использовались уменьшительно-уничижительные личные имена³⁷. Изучение переписки царя и Боярской думы продолжил В.И. Савва. На основе польских книг он рассмотрел связи царя с Думой в период весны-лета 1569 г. и переписку думцев с государем в начале 1570 г., сохранившуюся в столбцах Посольского приказа³⁸. Одна из боярских грамот посланных царю в феврале 1570 г., имеет очень интересную облигаторную санкцию: "А дела твои государские ведаем по твоему государеву крестному цтованию безо всякие хитрости"³⁹. Принимая во внимание указания Н.П. Загоскина о присяге служилых людей при получении думного чина по особым записям (сохранились от 1626, 1637 и

1653 г.), на основании вышеуказанной грамоты можно утверждать, что такая присяга практиковалась и в XVI столетии⁴⁰.

Комплекс документов, составляющих переписку царя с Думой в 1567 г. и в начале 1570 г., может быть дополнен неопубликованными столбцовыми материалами о размене пленных между Московией и Речью Посполитой в декабре 1569 г., когда возникла надежда на заключение мира между воюющими сторонами. Как показывает посольская книга, на необходимость такого размена обращал внимание королевский гонец А.Халецкий во время приема в Посольском приказе в сентябре 1569 г.⁴¹ Однако в посольских книгах по сношениям с Польшей отсутствуют записи за два последних месяца 1569 г., поэтому о дальнейших действиях русской администрации можно узнать только из переписки Думы с государем. 16 декабря в Посольский приказ поступили грамота смоленского воеводы, вестовые списки русских пленников и разведчиков, а также лист оршанского воеводы о готовящемся польском посольстве. Все эти материалы бояре переслали государю, сопроводив их собственной отпиской⁴². 27 декабря царь послал в Москву грамоту к "боярам нашим князю Ивану Дмитриевичу Бельскому да князю Ивану Федоровичу Мстиславскому да князю Михаилу Ивановичу Воротынскому и всем нашим боярам"⁴³. Инскрипция грамоты совпадает с адресатом царской грамоты от 7 февраля 1570 г., отправленной в Москву из Новгорода и содержащейся в переписке, изученной В.И. Саввой⁴⁴.

В отличие от царских грамот 1581 г., в посланиях государя 1569 и 1570 гг. среди адресатов не называются думные дьяки. Следовательно, упоминание дьяков А.Я. Щелкалова и А.И. Демьянова в грамотах 1581 г. связано больше с их личными административными заслугами, чем со служебным положением⁴⁵. В основной части грамоты от 27 декабря 1569 г. царь сообщал о получении направленных к нему документов и давал указания о проведении с "великим бережением" обмена пленными по "разменному списку". В случае прибытия литовских послов государь указывал направить к ним прис-

тавов и снабдить их кормами. Текст заканчивается двумя интересными статьями, имеющими указной и уведомительный характер: "А в Дорогобуже б есте их (послов - С.Б.) велели подержати дни три или четыре, а в опришнину есте к боярину нашему, к Ивану Чеботову, да к Путилу послали память, чтоб они по тому ж в опришнинных городах на станях литовским послом корм велели давати по прежнему нашему указу и велели послов держати в Вязьме... А мы о том к Ивану и к Путилу писали" ⁴⁶. Таким образом, наррация и диспозиция царских грамот к Думе показывают, как государь координировал действия земской и опричной администрации ⁴⁷. Указание Думе послать память в другое ведомство не было редким случаем. Это подтверждает память, направленная в 1594 г. в Разряд дьяку Сапуну Аврамову по аналогичному вопросу - обмену детей боярских, боярынь и казаков на служилых татар ⁴⁸. Важно заметить, что Аврамову предписывалось передать 751 рубль в Посольский приказ дьяку Василию Целкалову. Если Посольский приказ фигурирует в памяти как постороннее учреждение, а именно Дума должна была послать память в 1569 г., следовательно, можно предположить, что документ 1594 г. вышел непосредственно из Боярской думы ⁴⁹.

Среди столбцов Посольского приказа сохранилось неопубликованное дело, связанное с реализацией царского указа 1579 г. о запрещении пограничным воеводам притеснять польских подданных. Как показывают посольские книги, 26 октября 1579 г. московские бояре сообщили панам рад об обращении Думы к государю с просьбой остановить военные действия на границе. О своем распоряжении поддерживать на границе мир и "покой" Иван Грозный написал Ст. Баторию в послании, направленном с гонцом Е.Благим ⁵⁰. Таким образом, в посольских книгах остались только упоминания об указе 1579 г. Сам же указ сохранился в царской грамоте к кн. А.П. Курьяну, окольному И.Т. Петрову и дьякам Целкаловым и Ст. Иванову, которая находится в рассматриваемом деле ⁵¹. Грамота предписывала разослать в пограничные "северские" города распоряжение избегать каких-

либо конфликтов с литовцами.

Интересно, что московские приказные люди точно отметили время получения царской грамоты: "83 года ноября в 9 день в час ночи"⁵². В деле содержатся отпуски грамот, посланных из Москвы в Смоленск, Чернигов, Стародуб, Рославль, а также черновики отписок, которые русские воеводы должны были направить в Киев, Мстиславль и Кричев с извещением о вышеприведенном царском указе. Со специальной отпиской царю был послан отчет комиссии о рассылке грамот⁵³. Среди рассматриваемых документов содержится список с царской грамоты, находящейся в Разряде. В ней Иван Грозный одобрил действия московской администрации по отношению к осведомителям из Стародуба⁵⁴. В Разрядный приказ, судя по пометам, должны были направляться и другие документы, содержащиеся в деле, а именно: отписка из Почепа о приезде литовских купцов и отписка брянского воеводы о военных действиях на границе⁵⁵. Князь А.П. Куракин с товарищами направил из Москвы царю еще две отписки. В первой, датированной 15 декабря, они сообщали о решении думской комиссии по сношениям черниговской администрации с державцем гор. Остра: "А пововоря, государь, писали есмь от тебя, государя, в Чернигов ко князю Ивану Долгорукому да к Луке Хрущову: то они учинали негораздо, что они тое грамоты, которая прислана из Остры в Черников, к Москве не прислали. И князь Иван бы и Лука вперед присылали к тебе, к государю, те грамоты, которые учнут присылати ис которого города..."⁵⁶.

Московская администрация вообще очень ревниво отстаивала перед местными властями свое право на исключительное обладание всей информацией, причем к чему приводит Н.П. Дыхачев в исследовании о материалах посольства А.Поссевино⁵⁷. Таким образом, в 1579 г. думцы приняли самостоятельное решение и известили о нем государя. Правда, это решение было довольно тривиальным и не могло вызвать существенных нареканий со стороны царя. Вторая отписка из Стародуба — Северского⁵⁸. С марта 1580 г. началась пере-

писка между царем, находящимся в Старице и Боярской думой о положении на русско-польской границе. Судя по сохранившемуся черновику, 12 марта И.Ф. Мстиславский с товарищами и дьяки Щелкаловы сообщали Ивану Грозному о присылке из Смоленска грамот и вестовых росписей. Одновременно они спрашивали указа царя о том, как поступить с торговыми людьми ⁵⁹. Грамота царя от 13 марта, адресованная "боярам нашим, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому с товарищами, да дьяком нашим Ондреем да Василию Щелкаловым" содержала указания "помыслить" о пограничных делах в Полоцком повете и требовала от бояр "отписать свою мысль" в Александровскую Слободу ⁶⁰. Ответная грамота из Москвы сообщала о решении Думы приостановить торговлю в районе Полоцка до возвращения из Польши гонца Ел. Благого, а также о проведенном в Москве "объске" по обмену пленными ⁶¹. Следующая отписка Думы к царю была послана, очевидно, 21 марта. Она сообщала о направлении в Слободу грамот из Себежа, которые "приносил" к думным людям дьяк А.В. Шерефединов. В это время А.В. Шерефединов был разрядным дьяком ⁶². Летом 1579 г. он участвовал в ливонском походе как дворцовый дьяк ⁶³. Итак, возглавляя дворцовый Разряд, А.В. Шерефединов имел право вносить вопросы на рассмотрение земской Боярской думы, но одновременно он должен был исполнять распоряжение Думы, что следует из факта приговора Думы с указанием А.В. Шерефединову послать на Себеж грамоты "о береженье".

Думцы также извещали государя о попытках узнать судьбу гонца Ел. Благого и мерах по сооружению военных укреплений. Как следует из отписки, царь направил с дьяками Щелкаловыми распоряжение о постройке города и острога "наспех, не мешкая", Щелкаловы передали указ А.В. Шерефединову; тот же переадресовал его с ужилом, человеку Матвею Воейкову. Как видно из пометы на боярской отписке, грамоты в Себеж, написанные А.В. Шерефединовым по приговору Думы, были посланы с его подьячим Иваном Максимовым ⁶⁴. Следовательно, Дума могла использовать для выполнения секретар-

ских и курьерских поручений дворовый приказной аппарат. Судя по документам рассматриваемого дела, в период март-апрель 1580 г. из Думы было послано царю еще несколько отписок в сопровождении к пересылаемым материалам. Среди них можно выделить отписку, полученную государем 30 марта, где думцы, проявляя известную самостоятельность, обращались к царю с просьбой не придавать значения "малым делам" (очевидно, пограничным конфликтам) при сношениях со Стефаном Баторием⁶⁵.

Пересылая царю документы, полученные Думой, бояре сопровождали их специальными грамотами, в которых они раскрывали обстоятельства получения документов и предлагали свои решения по разбираемым вопросам. Следовательно, боярские грамоты необходимо рассматривать вместе с сопутствующими материалами. При этом следует учитывать делопроизводственные пометы, сделанные в приказах. В целом внутренняя переписка Боярской думы представляет собой более обширный документальный комплекс, чем ее зарубежная корреспонденция.

Грамоты Боярской думы являются ценным источником по истории государственных учреждений и прежде всего по истории самой Думы. Иностранная и, вероятно, большая часть внутренней переписки Думы готовилась в приказах, но тем не менее корреспонденция думных людей отражает внутреннюю работу Думы и ее взаимодействие с государем, Посольским приказом, Разрядом, дворовыми и опричными учреждениями и местной администрацией. В целом переписка Боярской думы является интересным и многоплановым источником по истории внутренней и внешней политики Российского государства XVI в.

-
- 1 Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988. С. 16.
 - 2 Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1909. С. 406.
 - 3 См.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI

- столетия. М., 1981. С. 107; Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI-XVIII веков. М., 1989. С. 16.
- 4 См.: Око всей великой России... С. 15.
 - 5 Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 12.
 - 6 Там же.
 - 7 О расположении документов в посольских делах см.: Рогожин Н.М., Чистякова Е.В. Посольский приказ // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 121.
 - 8 Сборник Русского исторического общества (далее Сборник РИО). Т. 71. С. 89, 307, 310. ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 10. Л. 210; Д. 22. Л. 363 об., 399 об. См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник. Соот. В.И. Савва. М., 1983. С. 198, 201, 351.
 - 9 Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. В. I. С. 83; В.П. С. 410; Шмидт С.О. Российское государство. С. III.
 - 10 См.: Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1879. Т. II. С. 127; Ключевский В.О. Боярская дума. С. 273.
 - 11 См.: Рогожин Н.М. Дьяки и подьячие посольского приказа в XVI в. (рец.) // Советские архивы. 1977. № 5. С. 74-75.
 - 12 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 20. Л. 29; См.: Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. I. С. 8.
 - 13 Савва В.И. Указ. соч. С. 8; Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 12.
 - 14 Сборник РИО. Т. 35. С. 335-336. По данным пространной редакции разрядных книг, В.Д. Холмский впервые появляется с боярским званием в 1504 г. (см.: Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV-XVI вв. // Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 48). Факт прикладывания печати В.Д. Холмского к грамоте вместе с двумя другими видными думцами служит косвенным подтверждением показаний Шереметевского списка о его боярстве с 1499/1500 г.
 - 15 Сборник РИО. Т. 35. С. 548; См.: Савва В.И. Указ. соч. С. 35.
 - 16 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 14. Л. 710, 730 об.; См.: Савва В.И. Указ. соч. С. 125.
 - 17 Савва В.И. Указ. соч. С. 17. А.К. Леонтьев считает, что после 1549 г. неофициальные сношения бояр с литовскими паннами находились под контролем И.М. Висковатого, однако источники, на которые он ссылается, не дают оснований для такого вывода (см.: Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 147).

- 18 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 20. Л. 72-72 об.
- 19 Зимин А.А. Состав. ... С. 43.
- 20 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 16. Л. 60 об.-61.
- 21 Там же. Л. 104 об.
- 22 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 18. Л. I, 4 об., 6, 221 об.; О значении переписки Боярской думы для изучения терминологии, применяемой к дьякам см. подготовленную к печати нашу статью "Как называлась приказная элита в посольских книгах XVI - начала XVII в".
- 23 Савва В.И. Указ. соч. С. 236.
- 24 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. С. 239, 246; См.: Ключевский В.О. Боярская дума. С. 273; Маркевич А.И. История местничества. Одесса, 1838. С. 229.
- 25 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 17. Л. 36-56 об., 68-106, 61-62; См.: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI - начале XVII в. М., 1978. С. 142-143.
- 26 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 16. Л. 33, 72.
- 27 См.: Сборник РИО. Т. 59. С. 550-551, 622; Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 120. Став печатником, И. М. Висковатый в 1569 г. послал от своего имени грамоту к правителю Кафы (Государственный архив России. В. I. С. 46, 179).
- 28 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. I. Д. 7. Л. 7 и 7 об., 66 об.-67; Продолжение Древней Русской Вивлиофики (далее ПДРВ). Ч. XI. С. 77-78, 136-137; См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 152-153; См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 152-153.
- 29 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 17. Л. 96-97; Д. 18. Л. 5 об. - 9, 221 об.; Сборник РИО. Т. 38. С. 187-195; Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1850. Кн. VIII. Отд. II. С. 14; ЧОИДР, 1893. Кн. I. Отд. I. С. 145, № 522; ПДСР. Т. I. Ст. 972; См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 152, 153, 203, 204, 205, 212, 265.
- 30 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 17. Л. III об.; См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 244.
- 31 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. 18. Л. 139 об.-190, 223.
- 32 Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевиана. СПб. 1903. (Оттиск из Летописи занятий Археографической комиссии. Вып. XI), С. 107.
- 33 Там же. С. 108.
- 34 Там же. С. 105.
- 35 Там же. С. 106.

- 36 Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 170-171.
- 37 Лихачев Н.П. Указ. соч. С. 109.
- 38 Савва В.И. Указ. соч. С. 98-108.
- 39 Там же. С. 101. На основании этих грамот В.Г. Гейман писал об униженном положении Думы перед царем. Гейман В.Г. Новая попытка исследования вопроса о Боярской думе // Русский исторический журнал. Пг., 1927. Кн. 7. С. 173-174; См.: также: Шмидт С.О. Указ. соч. С. 102.
- 40 Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 61. Упоминание о необходимости крестоцелования бояр и думных людей для подтверждения обязательства возвести на русский трон С. Батория в случае смерти царя Федора см. в польских условиях заключения "вечного мира" в 1535 г. (Флоря Б.Н. Русско-польские отношения. С. 131).
- 41 Сборник РИО. Т. 71. С. 615.
- 42 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2 за 1569. Л. 1-6.
43. Там же. Л. 7.
- 44 Савва В.И. Указ. соч. С. 102.
- 45 А.Я. Шелкалов был членом Ближней думы еще в 1571 г. (Сборник РИО. Т. 129. С. 215-216). А.И. Демьянов с 1571 г. состоял в опричнине (Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 37). Следовательно, оба дьяка пользовались личным расположением государя. См. также: Шмидт С.О. Указ. соч. С. 104.
- 46 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2 за 1569 г. Л. 9. Под Путилой следует подразумевать известно о думного дьяка Путилу Михайлова, возглавлявшего до 1567 г. Поместный приказ (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVI вв. М., 1975. С. 333-334). Его сын Никита в опричнине с 1567 г. (Кобрин В.Б. Состав... С. 83). Источники показывают тесную связь Путилы Михайлова с ведомством казначеев (см.: Описание архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 65; ЦГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. II. Л. 305). В отписках Боярской думы на челобитные литовских купцов, поданные в 1583 г., говорится, что П. Михайлов занимал пост казначая "тому 13 лет", т.е. в 1570 г. (Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского с 1573 по 1580 г. М., 1845. С. 278). В ведении П. Михайлова с 1556 г. находилась Двинская земля, которая с конца 1570 г. управляется опричным казначеем У.Л. Ливовым (см.: Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1951. С. 233, 244). В 1583 г. Дума сообщила, что Путила умер "лет з 12", что подтверждает показание копиями книги Богоявленского монастыря о его смерти в 1570/71 г. (Кобрин В.Б. Состав... С. 68). Изложенный материал позволяет считать П. Михайлова опричным казначеем в 1569-1571 гг., а также подтверждает существование связи Помест-

ного приказа 1560-х гг. и Казенного двора, о которой писали С.А. Шумаков и А.А. Зимин (Шумаков С.А. К истории Московских приказов // Юридические записки Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1911. Вып. 2-3. С. 524; Зимин А.А. О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1954. В.3. С. 168). См. также: Леонтьев А.К. Образовании приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 118-119.

- 47 Аналогичные сведения содержатся в грамоте царя к А.Я. Щелкалову. 1571 г., где сообщается о попытке к шведским гонцам кормовщика из опричнины, у которого им следовало брать чорм (Сборник РИО. Т. 129. С. 204.).
- 48 Лихачев Н.П. Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. Приложение. С. 51-52.
- 49 Дело, в котором находится память сапуна Аврамову, скрепил думный дьяк Василий Щелкалов. Посольская книга сообщает, что в 1586 г. он был зятем сотника Лихарева (Дьяки и подьячие Посольского приказа, С. 252). Имя супруги В.Щелкалова узнаем из записной книги Чудова монастыря того же 1586 г., где упоминается "Васильева жена Щелкалова Настасья" (ЦГАДА. Ф. 196. Оп. I. Д. 278. Л. 304.).
- 50 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. II. Л. 159-163 об., 223 об. О грамотах, посланных с Е.Благим, см.: Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою, СПб., 1904. С. 123.
- 51 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. I за 1579 г. Л. I.
- 52 Там же. Л. 2 об.
- 53 Там же. Л. 16-17. Получив послание от смоленского Воеводы, оршанский староста, Ф. Кмита известил о царском указе Ст. Батория. См.: Новодворский В. Борьба за Ливонию. С. 119.
- 54 Там же. Л. 18. На эту грамоту обратил внимание Н.П. Лихачев (Лихачев Н.П. Указ. соч. С. 146).
- 55 Там же. Л. 98-99; 127-129.
- 56 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. I за 1579 г. Л. 29, 30-37.
- 57 Лихачев Н.П. Указ. соч. С. 144-145.
- 58 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. I за 1579 г. Л. 38.
- 59 Там же. Л. 110-111.
- 60 Там же. Л. 141.
- 61 Там же. Л. 147.
- 62 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1838. С. 466-468.
- 63 Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 292, 295.
- 64 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. I. Д. I за 1579 г. Л. 180
- 65 Там же. Л. 182-183 190-191, 207, 227. Отписка о сношениях с Баторием на л. 182-183.

УГЛИЧСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА

Известно, что уставные таможенные грамоты являются важнейшим источником по истории внутренней и внешней торговли государства, таможенной политики и организации таможенной службы на местах.

Благодаря роанским советским историкам и прежде всего А.Т. Николаевой¹ и Ю.А. Тихонова², а также С.В. Бахрушина, П.А. Садикова, А.А. Зимина и др.³, удалось создать перечень уставных таможенных грамот городов, посадов, слобод, торговых сел и монастырей конца XV – первой половины XVII в. Большинство этих грамот относится к городам и посадкам, поскольку основная торговля государства сосредоточивалась именно там. Перечень включал в себя 32 города и посада – обладателей таможенных грамот. К этому числу мы смогли добавить еще 7 городов⁴. После опубликования нами дополнительных сведений об уставных грамотах мы обнаружили упоминания еще о 5 новых грамотах (Луки Великие – 1623 г., Мезень – 1631 г., Пустоозеро – 1631 г., Романов (на Волге) – 1633 г. и Ростов Великий – 1637 г.)⁵ и о трех слободских грамотах (Устьцелимская, Ижемская и Тирновская)⁶.

Учитывая, что на сегодняшний день мы имеем упоминания о том, что 20 % всех городов и посадов России (всего к концу XVI в. их насчитывалось 220 без Сибири)⁷ имели уставные таможенные грамоты, не будет ошибкой сделать предположение, что каждый русский город или посад до середины XVII в. обязательно имел грамоту, на основании которой производился сбор пошлин с участников торговли.

Естественно, что для исследователей важно располагать полными списками грамот, а не выписками из них и тем более лишь упоминаниями о них. Поэтому вовлечение в научный оборот как можно большего количества текстов таможенных грамот имеет большое значение.

Несмотря на то, что список Угличской уставной тамо-

женной грамоты опубликован угличским коллекционером И.П. Серебрянниковым в середине XIX в.⁸, он не был известен исследователям (Ю.А. Тихонов знал о грамоте лишь по упоминанию)⁹. Как явствует из публикации, выдача новой таможенной грамоты со списка старой датируется ноябрем 7123 (1614) г. Это было сделано по челобитной посадского старосты и всех угличан — "у прежних у целовальников уставная грамота была, да в прошлом де во 120 г. (1612 г.), как шел из Ростова Панька Мельский с литовскими и русскими людьми и город де Углич выжег, и тамженную избу и книги и грамоту сожгли, .. а осталось де у них с тое уставные грамоты список, и государь бы их пожаловал — велел им с того списка дати свою государеву новую уставную грамоту, по чему им на Угличе таможенные пошлины собирать"¹⁰.

В практике таможенного делопроизводства было принято при невозможности пользоваться подлинником таможенной грамоты из-за ее ветхости, возобновлять ее текст в московских приказах. Скрепленная государевой печатью и подписями приказных дьяков и подъячих возобновленная грамота посыладалась посадским старостам¹¹. При утере подлинника новая таможенная грамота делалась с ее списка, который предусмотрительно готовился земскими посадскими властями (что имело место с Угличской грамотой). Когда не было даже списка с грамоты, то она делалась московскими приказными по образцу грамот других городов¹². В этом случае терялись местные особенности грамоты и происходила как бы стихийная унификация грамот.

И.П. Серебрянников опубликовал эту грамоту 1614/15 г. по списку первой половины XVII в., который находился в сборнике указов XVII в. Угличской воеводской канцелярии. Сборник указов, наряду с другими документами, входил в состав коллекции публикатора, впоследствии попавшей в собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова¹³.

Углич был крупнейшим городом Верхнего Поволжья. Через него проходила важная торговая сухопутно-водная дорога из Москвы через Дмитров на Белоозеро и водно-сухо-

путная через Ярославль на Вологду. Город являлся также торговым центром местной округи. Помимо старинных больших дорог; Московской, Ярославской, Рыбинской и Кашинской, к нему стягивались малые дороги из окрестных сел и монастырей: Ефремовская, Шабровская, Ермоловская, Мироносицкая, Покровская, Павловская, Клементьевская, Фоминская и Упаковская¹⁴. Окрестные крестьяне привозили в Углич на продажу продукты сельского хозяйства, а покупали там "в рядах" предметы ремесленной выделки¹⁵. Все торговые сделки в городе облагались торговыми пошлинами, сбор которых регламентировался уставной таможенной грамотой.

Изучение текста Угличской грамоты позволило И.П. Серебрянникову приблизительно датировать ее первоначальный текст (старую грамоту) концом XV в. на основании следующего аргумента. В некоторых статьях грамоты содержатся намеки на тот период Русского государства, когда процесс его централизации был еще не завершен, т.е. до 1521 г. Торговцы из городов и волостей Московской земли противопоставлялись в некоторых статьях грамоты торговцам из городов и волостей других русских земель - "... а кто привезет изо всех городов и из волостей Московские земли и из волостей и Тверские земли, и Псковитин, и Рязанец ..." ¹⁶.

Отметим, что в точно датированной 1497 г. Белозерской откупной уставной таможенной грамоте также присутствует, правда, менее выраженное, но тем не менее такое же "противопоставление" торговцев Московской, Новгородской и Тверской земель. "А всем торговцам... изо всей Московские земли и из Тверские земли и из Новгородские земли Велико-го Новгорода являти товар свой..." ¹⁷.

Казалось бы, такой аргумент является достаточно убедительным для приблизительной датировки грамоты концом XV в., но ряд соображений не позволяет с ним согласиться.

Если мы возьмем тексты более поздних датированных грамот других городов, то в отношении "противопоставления" видим такую картину. В отрывке из Дмитровской таможенной грамоты 1521 г. дмитровского удельного князя Юрия

Ивановича читаем: "А кто приедет изо всех городов и из волостей Московские земли и Новгородец, и Псковитин, и Тверитин, и Казанец и Рязанец..."¹⁸. Здесь обращает на себя внимание схожесть некоторых "формулярных штампов" документов великокняжеской и удельнокняжеской канцелярий с вероятием подражательства великокняжеским канцелярским образцам. В грамоте Устюжны Железнопольской 1543 г. написано: "... а кто приедет изо всех городов и из волостей Московские земли. и Великого Новгорода, и Тверитин, и Псковитин, и Казанец, и Рязанец..."¹⁹. В грамоте Веси Егонские 1563 г. написано: "... Кто приедет из иных городов и волостей Московские земли, и Тверитин, и Новгорода Великого, и Псковитин..."²⁰.

Число примеров можно продолжать. Во всех приведенных выдержках есть элемент "противопоставления". Однако это не означает, что первоначальный текст грамот был написан до образования Русского централизованного государства. Скорее всего, в приведенных статьях были отражены успехи централизации с фиксацией следов феодальной раздробленности. Формулярная традиционность статей содержала уже не политический, а просто географический смысл.

К этому добавим, что Угличская грамота не содержит в себе явных следов и отголосков XV в. В ней нет, например, упоминаний о церковной и ставленной (за покушку полонянника) пошлинах, которые присутствуют в Белозерской грамоте 1497 г., а также нет упоминаний о восьмичей пошлине, о которой есть сведения в Дмитровской грамоте 1521 г. Последняя пошлина бралась с сыдучего немерного товара — с каждой осьмины меры. После финансовой реформы 1535 г. в связи с некоторой унификацией пошлин, она была заменена на общую тамгу, взимаемую с цены всякого товара, с каждого рубля, кроме жита, с которого бралась померная пошлина²¹.

Далее. В Угличской грамоте нет упоминания о "вотчинах братаничев Великого князя", присутствующее в Белозерской грамоте 1497 г. (констатация существования удельной

системы), а также нет сведений о наместниках великого князя, в чью пользу шла половина штрафов за нарушение правил торговли, присутствующих во многих таможенных грамотах, датированных до 1556 г. (до указа об отмене кормлений). Наконец, в грамоте нет намека на то, что Угличская таможня отдавалась на откуп. Известно, что первые таможенные грамоты были именно откупными, т.к. правительство стремилось ограничить власть кормленщиков в финансово-таможенном управлении ²². После земской реформы 1550 г. таможенный сбор в городах стал в основном отдаваться "на веру" посадским головам и целовальникам, но и откупная система продолжала практиковаться.

Констатируя отсутствие следов XV в. в Угличской грамоте, можно, конечно, принять во внимание редакторскую работу московских приказных подьячих при подтверждении грамот новыми "государями", когда все устаревшие понятия убрались из текста. (Образец такой редакторской работы представлен в грамоте Устюжны Железнопольской 1543 г., подтвержденной Борисом Годуновым в 1599 г., Василием Шуйским в 1607 г. и Михаилом Романовым в 1618 г., где нет упоминаний о наместниках и об устаревших пошлинах). Однако наличие в Угличской грамоте следов некоторой унификации пошлины после реформы 1535 г. и заметная идентичность ее текста с некоторыми другими датированными таможенными грамотами дает основание для датировки грамоты в пределах 40-80-х гг. XVI в. Так, в грамотах Устюжны Железнопольской 1543 г., Белоозера 1551 г. (второй ее части, т.к. первая часть дословно повторяет грамоту 1497 г.), Новгорода 1577 г. и др. почти все статьи, за исключением некоторых вариаций, похожи на статьи грамоты Углича. Это свидетельствует о том, что еще до отмены кормлений, очевидно, сразу после финансовой реформы правительство имело уже какой-то общий более менее унифицированный образец таможенной грамоты, составленный на основе уставных наместничьих грамот, ранних ступенных таможенных грамот и наказных записей и памятей таможенным казенным официальным тиунам ²³.

Каждая отдельная грамота приспособлялась к деятельности выборных голов и целовальников и местным условиям. Такое положение благоприятствовало массовому появлению таможенных грамот после указа 1556 г. К ним можно отнести грамоту Беси Егонской 1556 г., грамоту Двинским посадкам 1560 г., Орешка 1563 г., Новгорода 1566 г., Владимира 1572 г., Лука 1574 г. и других грамот второй половины XVI в. Все это позволило А.А. Зимину говорить о "таможенной реформе" середины XVI в.²⁴, хотя, на наш взгляд, такая перемена в системе таможенного управления была лишь побочным явлением земской реформы и отмены кормлений. К тому же отметим, что откупная система уже действовала в практике таможенных сборов с конца XV в.

Из местных особенностей Угличской таможенной грамоты отметим упоминание о наличии в таможене мытного стола (мыт-ни)²⁵, что не зафиксировано ни в одной известной нам таможенной грамоте. Это свидетельствовало о существовании в Угличе в XVI в. нескольких отделов (столов) таможни или даже нескольких таможен, в которых собирались специализированные пошлины: мыт, тамга, весчее, померное, конское пятно и т.д. Подтверждение этому содержит грамота на Углич от 1630 г. о спорной Яновой слободе, из которой видно, что с середины XVI в. "тое слободы люди посадские наши подати все давали, и в службах наших в таможенех, и на кабаке в головах и целовальниках сидели..."²⁶. Все это еще раз подтверждает большое торговое значение Углича, в котором таможенная служба была организована по типу крупных городов - В.Новгорода, Ярославля, Москвы, где имелись специализированные подразделения по сбору пошлин - мытные, померные и рыбные избы, важки, гостинные двory и т.д. К этому добавим, что Угличская грамота достаточно подробно и полно регламентирует сбор проезжих и таможенных пошлин, а также пошлин с действий по обслуживанию операции по купле-продаже различных товаров на городском "торгу" и в гостинном дворе. Достаточно сказать, что грамота насчитывает лишь 29 статей, а Устюженская 1510 г. - 71 статью.

Угличская таможенная грамота содержит также интересное сведение о натуральной пошлине "ковшевой", которая бралась с померного товара, если его было меньше, чем осьмина. "А кто продаст всего тово меньше осьмины, и им тово померщиком не являти, и померщиком у них с тово ковшевое имати, а деньгами не имати" ²⁷. Эта пошлина не встречается ни в одном документе. Таким образом, она пополнила список натуральных пошлин. Напомним, что нам известны следующие продукты-пошлины: соль, перец, рыба, мясо, а также дрова, и "десятинная" пошлина, взимаемая натурой в основном со штучных товаров ²⁸.

Также укажем, что в Угличской грамоте перечислены типы судов, на которых перевозились товары в районе Верхнего Поволжья - Всего 8 типов судового транспорта. Это повозки, устюжские струги, лодки малые без набоя, ржевки, ухтомки, подвозки белозерские, лодки белозерские, катники белозерские ²⁹. Отметим, что этот перечень судов больше, чем в грамоте Устюжны Железнопольской 1543 г., где упомянуты лишь 4 типа речного транспорта. В Белозерской же грамоте 1551 г. вообще не назван тип судов.

Таким образом, Угличская уставная таможенная грамота является важным источником для истории внутренней торговли России в XVI в. и должна занять достойное место среди исторических документов этого периода.

-
- 1 Николаева А.Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI-XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 245-266.
 - 2 Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х гг. XVII в. // Исторические записки. М., 1957. Т. 53. С. 258-290.
 - 3 Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 427, 516-517; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 125; Зимин А.А. К изучению таможенной реформы середины XV в. // Исторический архив. 1961. № 6. С. 129-133.
 - 4 Булгаков М.В. Новые сведения о таможенных уставных грамотах русских городов (XVI-XVII вв.) // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Тезисы

- докладов и сообщений. Пенза, 1989. С. 202-203.
- 5 ЦГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 2. № 154. Л. 14; Ф. 396; Архив Оружейной Палаты. Стоб. 40629. Л. 65-66; Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 668. Л. 242 об.; Ф. 141. Приказные дела старых лет. № 1625 г. № 31. Л. 5.
 - 6 Там же. Ф. 396. № 40629. Л. 67; Ф. 23. Кн. 663. Л. 2.
 - 7 Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 343-347.
 - 8 Ярославский литературный сборник. Ярославль, 1850. С. 93-108.
 - 9 Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 263.
 - 10 Ярославский литературный ... С. 93-94.
 - 11 Об этом см., например, в таможенной грамоте Устюжны Кезленопольской 1543 г.: Хрестоматия по истории СССР XVI-XVII вв. М., 1963. С. 36. Отметим, что составители хрестоматии неправильно указали, что эта грамота Устюга, неправильно датировали 1544/45 г. и неправильно указали исходные данные - надо: ЦГАДА. Ф. 137. Т. Устюг Великий. Кн. I. Л. 55-65 об.
 - 12 Николаева А. Т. Указ. соч. С. 254-255; Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 262.
 - 13 Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 12; Кошчев В.Б. Архив Серебрянникова в собрании М.Н. Тихомирова // Книга в Сибири XVII - начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 172.
 - 14 Архив ЛОИИ Ан СССР. Колл. 238, П. (Лихачева). Оп. 2. № 206/22. Межевая книга г. Углича 1629 г. Л. 5-22.
 - 15 АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 364. С. 267; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 215.
 - 16 Ярославский литературный ... С. 97.
 - 17 ААЭ. СПб, Т. I. № 134. С. 100. Такая же формулировка текста присутствует и в Белозерской таможенной грамоте 1551 г. (ААЭ. Т. I. № 230. С. 224).
 - 18 ААЭ. Т. I. № 263. С. 295.
 - 19 Хрестоматия по истории... С. 30-31.
 - 20 ААЭ. Т. I. № 263. С. 295.
 - 21 Памятники русского права. М., 1955. В. 3. С. 129.
 - 22 Там же. С. 131, 221.
 - 23 Примером такой памяти является отрывок записи таможенному тиуну Михаилу 1649 г. о сборе пошлин с весчего и померного товара (ЦГАДА. Ф. 136. Дрвлекранилище. Приложение. Руор. З № 20). А.А. Зимин неправильно считает, что этот источник - Псковская уставная таможенная грамота (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1964. С. 394). Однако по упоминанию в тексте записи устюж-

ской меры" скорее всего, это запись тауну Устюга Велико-го, поскольку каждый крупный торговый город имел свои "меры".

- 24 Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1964. С. 394; Он же. К изучению таможенной... С. 129.
- 25 Ярославский литературный... С. 96.
- 26 Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. В. I. С. 131-132.
- 27 Ярославский литературный... С. 103.
- 28 Тихонов Е.А. Указ. соч. С. 268.
- 29 Ярославский литературный... С. 97.

АНГЛИЙСКИЙ ИСТОЧНИК О ПРАВЛЕНИИ
И ГИБЕЛИ ДЖЕДМИТРИЯ

В Государственной Библиотеке им. В.И. Ленина хранится экземпляр книги англичанки Соли Хоуф с авторской дарственной подписью П.Кропоткину в 1916 г. Это сборник документов, отражающих события Смутного времени в России. Наше внимание в этом сборнике привлекло анонимное "Сообщение о кровавой и страшной резне в городе Москве с ужасным трагическим концом Дмитрия, последнего Князя, царствовавшего доныне" ¹, посвященное последним дням правления Джематрия I в начале царствования В.И. Шуйского. Английский текст весьма интересен в связи с тем, что, во-первых, источник является одним из наиболее ранних откликов на события 17 мая 1606 г.; во-вторых, он оказал большое внимание на формирование взглядов на Смуту и отражает тот интерес, который эти события породили в Западной Европе; в-третьих, в нем содержатся некоторые дополнительные сведения о событиях в России начала XVII в.

Источник представляет собой публикацию отрывка из письма, которая была осуществлена почти одновременно сразу на трех языках. В 1606 г. в Амстердаме были изданы голландский и французский, а в 1607 г. в Лондоне - английский варианты текста ². Научная судьба этих текстов была достаточно сложной. Они не попали в поле зрения широкого круга ученых, хотя известны довольно давно. Возможно, это объясняется редкостью сохранившихся экземпляров. Так, голландский вариант известен по экземпляру, приобретенному в 1855 г. Императорской Публичной Библиотекой ³. Более известно французское издание. Единственный экземпляр английского издания хранится в Библиотеке Британского Музея ⁴. Начиная с 1839 г. было осуществлено несколько публикаций этого произведения. В 1839 г. князем М.А. Оболенским был издан французский текст, а в 1840 г. в журнале "Сын Отечества" помещен его дословный перевод ⁵. В 1854 г. в Берлине фирмой Авери выполнено факсимильное издание о

книги, хранящейся в Библиотеке Британского Музея ⁶, один из экземпляров этого издания имеется в Музее книги ГБЛ. В 1863 г. Р. Минцлов сообщил еще об одном готовящемся факсимильном издании английского текста ⁷. С английского текста было осуществлено несколько переводов на другие языки. Так, в 1858 г. в Познани книгоиздателем Жупанским напечатан польский перевод, снабженный примечаниями, взятыми из библиотеки и архива графа Дзялынского в Курнике. Эта книга представляет собой библиографическую редкость, т.к. вышла тиражом 50 экземпляров ⁸. А в 1859 г. князь А. Голицын, не зная о существовании французского варианта текста, перевел его с английского оригинала на французский язык ⁹. Р. Минцлов представил в своей статье подробную историографию вопроса и попытался доказать авторство англичанина Рассела, бывшего некоторое время голландским торговым агентом, с "The Reporte ..." которого якобы был выполнен авторизованный перевод на голландский язык. Не приведя ни одного сколько-нибудь убедительного доказательства (необоснованность аргументации Минцлова постараюсь показать ниже), автор столь категорично высказал уверенность в истинности предложенной им атрибуции, что гипотезу Минцлова поддались некоторые исследователи, утверждавшие, что после его статьи "теперь уж нет сомнения в английском происхождении книги" ¹⁰. В. Кордт тоже сначала поддержал эту версию ¹¹, а спустя двадцать лет опроверг точку зрения Минцлова об авторстве Рассела и оставил вопрос об оригинале текста - английском или голландском - открытым ¹².

В то же время, в 1869 г. была высказана мысль о принадлежности авторства голландцу Исааку Массе. Создатель этой гипотезы книготорговец из Амстердама Фр. Миллер приписал авторство "La Legende ..." своему земляку, не приведя для этого никаких аргументов и не видя текст собственными глазами. В дискуссии с ним вступил Р. Минцлов, доказывая единство английского "The Reporte ...", французской "La Legende ..." и голландской брошюры, приобретенной Императорской Публичной Библиотекой у Брокгауза в 1855 г. ¹³

Опираясь на мнение Мрллера, А. Голицын тоже считал автором И. Массу, а французский текст "La Legende..." - утраченным оригиналом, поэтому госпешил вновь перевести английский "The Reporte ..." на французский язык ¹⁴. Ему возразил М.П. Полуденский, ошибочно считая, что Масса отсутствовал в России до 1609 г. и поэтому не мог быть автором "La Legende ...", поскольку, по его мнению, "La Legende..." и "The Reporte ..." были независимыми переводами с одного и того же немецкого или голландского оригинала ¹⁵ (позднее автор отказался от своей точки зрения).

Английские историки С. Хоуф и Ф. Барсе придерживаются мнения о причастности В. Рассела к английскому источнику ¹⁶. "Словарь анонимных и псевдонимных изданий на английском языке" предлагает двойное решение проблемы авторства: либо голландец Исаак Масса, либо англичанин Вильям Рассел ¹⁷.

Однозначно установить авторство текста оказывается затруднительным и на данном этапе исследования, однако позволю все же себе высказать некоторые соображения. Прежде всего следует, видимо, отказаться от альтернативы имен В. Рассел - И. Масса.

Англичанин Вильям Рассел на протяжении своей жизни был членом нескольких крупных торговых компаний. В 1601 г. английский посол Ричард Ли сообщил, что "...на Москве... Вилим Русель служит Италиянину Лусу Недерлянские земли..." ¹⁸ Однако уже по крайней мере с 20 марта 1606 г. Рассел упоминается в дневнике Томаса Смита как "бывший в прошлом некоторое время голландским агентом" ¹⁹. И далее в том же дневнике: "По получении гвиденного письма (Мерри у от Лже-дмитрия 8 июня 1605 г. - Н.В.) агент Мерик отправился вместе со своим шурином ²⁰, мистером Росселем, бывшим некоторое время голландским агентом, представиться государю еще до его прибытия в Москву. В сопровождении посольского дьяка представ перед царем, Мерик от имени своих собратий, преподнес ему ценный подарок" ²¹. Джон Меррик, главный агент московской компании английских купцов, вероятно, вместе со своим родственником и помощником Вильямом Расселом отправились в Англию после 4 июня 1606 г., получив

от В.И. Шуйского новую торговую привилегию ²², в то время как "The Reporte ..." сообщает о событиях, происшедших в Москве 15 июня 1606 г., уже после их отъезда. Фактическое утверждение Р.Минцлова об авторстве Рассела основывается лишь на глубоком личном убеждении. Решив заранее, что Рассел является сочинителем письма, Минцлов без всяких доказательств объявляет автором текста временного агента голландской компании.

Несостоятельной представляется и версия о том, что автором анонимного "The Reporte..." является Исаак Масса. Действительно при беглом рассмотрении бросается в глаза общее сходство в описании эпизодов публикуемого текста с "Кратким известием о Московии в начале ХУП в." И.Массы. Так, даже список имен потерпевших купцов и план изложения событий схожи. К тому же автор "The Reporte..." пишет о себе как о находящемся в Москве, и Масса вернулся на родину лишь в 1609 г. ²³ Но при более внимательном рассмотрении становятся видны и черты отличия нашего текста и записок Массы. Так, например, не совпадают в текстах имена и национальности капитанов-наемников. По версии И.Массы, Б.Годунов сам принял яд, наш аноним сообщает, что царя отравили. В описании суда над В.Шуйским названы разные фамилии его заступников перед царем: наш источник называет канцлера Афанасия Власьева, а И.Масса - Марфу Нагую и Бучинских ²⁴. Наблюдаются расхождения во времени начала трагедии 17 мая 1606 г. и в понимании повода к ней. Описание убийства Лжедмитрия наш автор дает с несколько иными деталями, чем И.Масса, хотя и очень схоже с ним. Возможно, что информаторами могли послужить немцы из охраны - не случайно, рассказ столь схож с повествованием Конрада Бусова. Несколько в ином ключе, чем у И.Массы дается и осада дома Вишневецкого. Если И.Масса сообщает о том, что привезли в Москву иностранные купцы, то наш источник сообщает об их потерях. Не совпадают и некоторые даты: венчания на царство Лжедмитрия, приезда Д.Мнишека в Москву. В нашем источнике автор выступает как непосредственный участник Москов-

ской трагедии и как проситель за иностранных купцов перед новым царем, чего Масса не говорит о себе. Все эти факты явно свидетельствуют против авторства И.Массы.

Кроме того, слишком различны биография И.Массы и автора анонимного сочинения. Исаак Масса из Гарлема родился в 1587 г., а уже в 1601 г. прибыл для изучения торгового дела в Москву, где выучился русскому языку. Таким образом, в 1606 г. И.Масса был еще очень молод и жил вместе со своим хозяином, у которого учился торговле ²⁵, тогда как социальный статус автора нашего источника довольно высок. Он называет себя голландским купцом, рассказывает об участии в царском приеме, о вручении свадебных подарков царю, упоминает о своем жилище по соседству с домом любимца Лжедмитрия — Петра Басманова; в момент опасности он в сопровождении трех слуг отправляется искать защиты у русских бояр, ведет переговоры с братом царя В.Шуйского, представляя ему петиции ограбленных иностранных купцов. Предположить, что все это делал 18-19-летний юноша, совершенно невозможно. К тому же отлична и судьба авторов. Наш аноним встречался с воеводой Сandomирским еще до его прибытия в Москву, где и сам автор появился незадолго до приезда туда воеводы, в то время как И.Масса проживал в Москве с 1601 г. Объяснить же столь близкое сходство текстов можно двояко: 1) возможно, что Масса, составивший свои записки после 1609 г. опирался на "The Reports ..."; 2) можно также предположить, что оба автора черпали информацию из одинаковых источников.

Итак, об авторе английского "The Reports..." выясняется следующее. Он прибыл в Москву незадолго до приезда Аф.Власьева и Ю.Мнишека, т.к. описание событий до 26 апреля 1606 г. кратко и скато, далее же изложение следует буквально по дням. К тому же он встречался с Мнишеком в Польше и тот обещал ему привилегии. В описании церемонии венчания Лжедмитрия и Марии Мнишек участия не принимал, однако два часа стоял перед Собором, пока шла церемония внутри, и наблюдал вход и выход ковобрачных из Собора.

Автор присутствовал на свадебных торжествах, где был размещен вместе с другими иностранцами за столами лицом к императору, вручал свадебные подарки, рассчитывая получить торговые привилегии. Сам автор причисляет себя к голландским купцам.

Поскольку всем событиям, происходившим в Москве на глазах сочинителя письма, дана личная оценка, то можно вполне достоверно определить политические взгляды автора - они весьма конкретны. Главной причиной краха Лжедмитрия автор объявляет Папу, католиков и иезуитов, называя их "убийцами Государей", обвиняя их в коварстве и мимикрии. Таким образом, автор явно обнаруживает свои протестантские настроения.

Что касается связей автора с русскими, то чаще других в источнике звучит имя А.Ф. Власьева (версия с заступничеством Власьева перед царем за В.Шуйского принадлежит именно нашему анониму). Вероятно, канцлер Власьев был одним из информаторов "The Reports..." (например, сведения о доходах гвардейцев-наемников, о размере казны). Эта близость к Власьеву может свидетельствовать о знакомстве с ним автора во время одного из посольств дядка Власьева.

Речь автора проста и образна. Несколько раз встречаются латинские фразеологизмы (*sed haec non credo, surdo nagabant fabulam, ad calendas Graecas*), что показывает образованность анонима. Наряду с этим имена, фамилии, географические названия значительно искажены (здесь, пожалуй, можно сослаться на трудности восприятия иностранцами вообще русских имен собственных), что может служить дополнительным доказательством недавнего пребывания автора в России. Публикуемый текст является английским переводом оригинала.

При работе над текстом обнаружилась необходимость приведения в языковое соответствие отдельных исторических терминов. Это соответствие установлено автором условно в следующем виде:

prince - государь; the prince - королевич, царевич; prin-
cesse - государыня; emperog - император, empress - импе-

патрица; duke - князь; great duke - великий князь; duchesse - княгиня; boiars - бояре; voyvod - воеводы, marshalles - старшины; gentlemen - дворянин; lord - господин; lady - дама; city - город; castle - замок.

Перевод текста дословный, пунктуация современная, прописные буквы сохранены во всех случаях, кроме передачи национальности. В скобках указано авторское написание имен собственных.

- I The Reporte of a Bloudie and Terrible Massacre in City of Mosco, with the Fearfull and Tragical End of Demetrius the Last Duke, before him Raigning at this Present. At London Printed by Val. Sims, for Samuel Macham and Mathew Cooke and to be sold at their shop in Paules Church yard, at the sign of Tigerhead. 1607 // Howe S. The False Dmitri. London, 1916. P.28-62.
- 2 См.: Минцлов Р. Вильям Руссель и Каспар Энс - авторы сочинений, относящихся до Смутного периода // Архив исторических и политических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. С. 55-66.
- 3 Минцлов Р. Вильям Руссель... С. 57-59. Однако А.Чумиков сообщает об английской книге. См.: Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1855. Кн. XIII. Отд. III (смесь) Примеч. С. 4.
- 4 Howe S. The False Dmitri. London, 1916. P. VI.
- 5 См.: Рецензия на "La Legende ..." // Сын Отечества. 1839. Т. 12. Отд. 4. С. 131; Легенда о жизни и смерти Дмитрия, последнего великого герцога Московского // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 842-865.
- 6 Минцлов Р. Вильям Руссель... С. 56.
- 7 Там же.
- 8 Библиографическая заметка // ЖМНП. 1860. Ч. 105. Отд. УП. С. 177. Е.Козубский ошибочно отмечает место издания в Кракове. См.: Козубский Е. Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. Ч. 197. С. 8.
- 9 Минцлов Р. Вильям Руссель... С. 62; Браудо А. Введение к кн.: Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Дмитрия. (Пер. с лат. А.Браудо и И.Росциуса). СПб., 1901. С. XI.
- 10 Козубский Е. Заметки о некоторых иностранных писателях... С. 3; Браудо А. Введение... С. XI.
- 11 Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства... С. LXXVII.

- 12 Кордт В.А. Чужоземні подорожні по Східній Європі ... С. 82-84.
- 13 Миндлов Р. Вильям Руссель... С. 61-62.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Howe S. The False Dimitri... P.VII,27; Barbour Philip. Dimitry called the Pretender Tsar and Great Prince of all Russia, 1605-1606. London, Melbourne, 1967. P.365.
- 17 Halkett S. and Laing J. A Dictionary of Anonymus and Pseudonymous Publications in English Language. London, 1980. Vol.I. P.168.
- 18 См.: Перевод с письма английского посла Ричарда Ли // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 403.
- 19 Сара Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер., введение и примечания И.М. Болдакова. СПб., 1893. С. 51.
- 20 Очевидно, Рассел приходился Меррику не внуком, а свояком, ибо оба они были женаты на дочерях Френсиса Черри. См.: Dictionary of National Biography. London, 1894. Vol. 37. P. 319-320; Dictionary of National Biography. London, 1897. Vol. 49. P. 479-480; Villan T.S. The Early History of the Russian Company, 1553-1603. Manchester, 1956. P.266.
- 21 Сара Томаса Смита путешествие... С. 93.
- 22 Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1869. Ст. II. С. 233.
- 23 Морозов А. От переводчика // Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 4.
- 24 Необходимо заметить, что прав именно наш аноним, т.к.: 1) Марфа Нагая прибыла в Москву 28 июля, уже после суда над В.Шуйским; 2) Ян Бучинский в своем письме сообщает, что он не только не заступался за В.Шуйского, но и старался отклонить Самозванца от смягчения приговора. См.: СГТД. М., 1819. Ч.П. № 121. С. 296-298.
- 25 Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 131, 136.

СООБЩЕНИЕ О КРОВАВОЙ И СТРАШНОЙ РЕЗНЕ В ГОРОДЕ
МОСКВЕ С УЖАСНЫМ И ТРАГИЧЕСКИМ КОНЦОМ ДМИТРИЯ,
ПОСЛЕДНЕГО КНЯЗЯ, ЦАРСТВОВАВШЕГО ДОНЬЕ

После того Петр Федорович Басманов (Peter Vendronitz Basmaneuf), один из главнейших и наиболее мужественных Бояр, был великолепно введен в Город и весьма почетно принят Борисом Федоровичем Годунович (Boris Fendronitz Godena), бывшим тогда Государем страны: и все это за его великодушную защиту и сохранение Замка Новомирскоградского (Novomirskigrad) против сил Дмитрия Ивановича (Demetri Ioanovitz), и за такое доблестное дело он был награжден этим сказанным Государем прекрасными и богатыми подарками, что произошло в месяце феврале 1605 года, случилось, что около 13 Апреля сказанный Борис Федорович Годунов (Boritz Fendronitz Godena) внезапно умер, не без подозрения в том, что он был отравлен: и он был погребен день спустя; его жена, покинутая вдова, и его сын Федор Борисович (Fedor Borisovitz) были незамедлительно возведены на Императорский трон и приняты за Государя и Государыню каждым в Городе в Стране, кто им присягнул и поклялся в верности, покорности и повиновении. После этого она незамедлительно отослали сказанного Петра Федоровича Басманова (Peter Fendronitz Basmaneuf) в Лагерь, как главного начальника всех военных людей, чтобы привести их к присяге соответственно обычаю, что и было выполнено наибольшей их частью. Но как Государь Дмитрий Иванович (Demetri Ioanovitz) приближался с каждым днем ближе и ближе, и его силы заметно увеличились по причине великого множества хорошо сражающихся воинов и других нанятых солдат, которые были посланы ему из Польши, так как те из защитников страны вскоре присоединились к ним, и главным образом потому, что, по божественному провидению, весь мир был уверен и полностью убежден, что он человек, долженствовавший быть настоящим наследником и преемником Короны: которому подобным образом многие из Бояр охотно доверялись, так же те из партии Бориса Фе-

доровича Годунова (Boritz Fendronitz Godenaes), которые не были уверены в своей силе, и не ведали, как добиться собственной власти; также большая часть военных людей, которая желала лучше поклоняться восходящему Солнцу, как сказанный Басманов поступил, проникнуть своевременно в доверие этого нового Государя, так что в заключение весь Лагерь отстал, пристав с наибольшей частью немцев к этому Государю Дмитрию (Demetrius), который продвигался ближе и ближе с каждым днем к главному Городу страны, и на его пути весь мир падал ниц перед ним, и так 20 Июня он осуществил свое вступление в Город Московии. 28 сказанного месяца туда прибыла также старая Государыня, которая, представлялось, была Матерью, или скорее действительной женой Царя Иоанна Васильевича (Ioan Vasiliovitz), которая на протяжении своего вдовства была заперта, подобно бедной арестантке, в маленьком уединенном монастыре, который был удален на сотню лиг от сказанного Города. И сказанный Государь (по здешнему предположению, предстал перед ней лично, сопровождал ее карету, все время с непокрытой головой и пешком, и ни разу не взобравшись на коня, пока они не въехали в Замок, где сказанная притворная мать расположилась в другом из главных Монастырей, где не бывал никто, кроме знатнейших Дам страны, и где ее еще содержат, оказывая хорошее обращение как Государыне, или Императрице; и как жене и вдове Императора этой страны. Этот Димитрий (Demetrius) не медлил долго, но заставил короновать себя 21 сказанного месяца, несмотря на то, что Императоры России всегда желали осуществить это торжественное вступление до пятого сентября, дня, когда они начинают отсчитывать новый год. Но кажется необходимость заставила его торопиться с празднованием этого торжества по очень срочным причинам. Он имел вокруг своей особы вардию надежных немецких алебарщиков, которых он привез с собой из Польши, но по причине, что это было не в обычае и традиции других Государей в их резиденции внутри Города, они все вскоре были уволены, таким же образом солдаты

любой чужеземной нации были уволены и разжалованы, что было привлечено в исполнение так беспорядочно и неожиданно, что многие были очень недовольны, к тому же по причине, что они не получили того, что было обещано, посредством этого они нашли себя дурно вознагражденными и слабо откомпенсированными за их добрые услуги, и именно некий благородный Господин, Государь Белой России, которого звали Адам Вишневецкий (Adam Wisnevetskie), который среди других своих жалоб сообщал, как он ссудил сказанному Димитрию (Demetrius), пока тот оставался в Польше, сумму около 800000 Рублей (разновидность монеты). Я не могу хорошо сказать по какой причине, но сказанный Господин был удален, не получив ни платы, ни награждения, и теперь за границей носится слух, что он опустошил границы этой страны с различными другими той же шайки недовольных людей, произведя всему ущерб и порчу, какую они могли придумать. С самого начала правления этого Димитрия (Demetrius) были многие, которые так же публично, как конфиденциально утверждали, что он был иного рода, чем настоящий преемник, наследник или Государь страны, среди которых были также один благородный Господин в Мочах. Но сказанный Монах был быстро отправлен на тот свет, а Господин, чье имя Василий Иванович Шуйский (Vasilius Ioanovitz Cinskie) (который ныне Государь страны), был доставлен на открытую рыночную площадь перед местом Правосудия и раздет, готовый к отсечению его головы топором, который несмотря на этот момент, и по заступничеству Канцлера Афанасия Ивановича (Ofsinassi Ioanovitz) получил помилование и сохранение своей жизни и очень торжественно встречен, и с этого времени далее пошли слухи ни о чём ином, как о ежедневных изменах и всех видах заговоров: от этого последовали многочисленные пытки, бичевания, опалы, увольнения и осуждение лучших, с новым утверждением сословий¹, что было удивительнее всего слышать; но этот проклятый род и развращенное отродье змей несколько не переставали до тех пор, пока они не выполнили свои тиранические замыслы, на протяжении правле-

няя чужеземного Государя. Что же до его особы, он сохранял своё величие очень хорошо: он был человеком среднего роста, смуглый лицом, склонный к разлитию желчи, но быстро успокаивался, он разжаловал многочисленный штат и приговорил к смерти Старшин и других офицеров за самое ничтожное уклонение от своих обязанностей, ему нравилось быть верхом и любил часто ездить на охоту, человек большой поспешности, и что бы быстро ни приказал, любое являлось перед ним, и управлял с отличным предвиденьем даже в малейших делах; он был большой предприниматель, удивительной смелости и внутренне почувствовал, что вся страна Московии не подходит для него, чтобы приобрести какую-либо великую славу, так что он домогался также других стран и монархий: сначала он был очень любезен, давая свободный доступ самым незначительным лицам, но после он начал примечать и понимать проделки русских, он снова обзавелся гвардией ливонцев, а затем немцев и других иностранцев под ведением трех капитанов, француза, англичанина и шотландца. Под началом французского капитана, который звался Жак Маржерет (Jacques Margerett), находилась сотня драбантов², которые носили протазаны и были богато одеты в бархат и парчу. У англичанина, чье имя было Матвей Кнолсон (Mathew Knowlson), была сотня алебардчиков, так же как и у шотландца, называемого Альберт Фенси (Albert Fancie), подобным же образом сотня других, которые были одеты в тонкое сукно с широкими бархатными отворотами, а по праздничным дням в красный малиновый бархат. Кодейщики имели по большей части по 70 Рублей в год и, кроме этого, годовой доход с некоторых поместий, на которых они могли кормиться. Алебардчики помимо и свыше годового дохода от земель, закрепленных за ними, имели по 40 Рублей в год и по два комплекта одежды; и, кроме того, он хотел еще содержать сотню Мушкетеров, однако это решение было отложено. Кроме удовольствия, которое он получал в охоте, он также имел большое увлечение литьем артиллерийских снарядов, и не только смотреть их в дело, но и испытывать их самому; с этой целью он приказал

соорудить подвижные линии и стены, чтобы имитировать штурм, в каких-то тренировках и упражнениях он всегда был в самой гуще среди других, и поэтому временами его с трудом удавалось умиловать, а иногда ему оказывали яростное сопротивление. Пока длилось это спокойствие и мир, он отправил Господина Афанасия Ивановича Власьева (Ofsivassi Ivanovitz Vlassi), своего посла, в Польшу потребовать дочь Сандмирского Воеводы на свадьбу и привезти сказанную супругу в страну. Посол прибыл в Краков (Cracovia), и после доставления и получения этой просьбы грядущая свадьба, или обручение, было по-королевски отпраздновано, и сказанная Дама была посажена на первом месте за столом Короля Польши, выше Короля и Папского Нунция; подобная честь была оказана Послу как единственному представлявшему Императора Россия. Молодой королевич Польши вместе с сестрой Короля вскоре отбыли, и поэтому сказанный Посол был переправлен с великолепнейшим свадебным поездом даже до границ и прибыл сюда с отцом супруги, в Город Москву, 26 Апреля, где на следующий день он сразу же сделал доклад Государю Дмитрию (Demetrius), и сказанный Воевода был также принят, приветствуя всех Придворных и очень дружественно обнимая друг друга, был помещен в Замке, в покоях Бориса Федоровича (Boris Fendrovitz). Второго Мая новая Императрица совершила свое великолепное вступление в Кремль, въехав в золоченой карете, которая была специально сделана для нее, и эта Дама супруга была в сопровождении большого количества Господ и дворян, то есть, во-первых, Милорда ее отца Сандмирского Воеводы (Vayvod of Sandmier); и его сына, Милорда, посла Короля Польского и Господина Вишневецкого (Swisnevitz), брата другого Воеводы; также двух братьев Стериевских (Steriofskie) к многим другим, бывших в свите сказанной Государыни; а затем свадебный поезд Государя, где был Господин Петр Басманов (Peter Basmanoff) со всеми знатнейшими Боярами страны, они все одеты великолепно по обычаю этой страны; были также многие другие кареты и повозки с Дамы и Дворянами. Госуда-

рня показала себя милостивой и любезной, приветствуя не только Придворных Дам, но также беседуя очень любезно со многими другими городскими жительницами, и так они дождались до Замка, где близ ворот были воздвигнуты подмости, на которых стояло большое количество трубачей и литавристов, производивших удивительный шум громкой славой своих инструментов.

Оттуда сказанная Дама Государыня была отвезена в Монастырь, где проживали Тамы и Девицы, вдовы и дочери знатных Господ и Бояр страны; и там находилась также старая Императрица, где ей следовало остаться и провести время до дня празднования Свадьбы.

Русские сообщили мне, что эти Дамы обучались и настаивались в духе религии и русских церемоний, и та Дама Государыня была вынуждена делать то же самое, и что после этого ее должны были окрестить по русскому обычаю; но я охотнее полагаю, видя Димитрия (Demetrius) зачистившим туда ежедневно и бывавшим там так конфиденциально, что он учил ее другому Катехизису; и так как въезд в Монастырь происходил в Пятницу, поэтому ее выход наружу был немедленно в следующую Среду.

Она была снова препровождена во Дворец, в комнаты, очень богато убранные. и галерея (через которую ее провели) вся была покрыта красным, малиновым сукном, и портьеры упомянутых покоев были большей частью из парчи.

На следующий день, в вечернюю молитву, венчание было совершено Патриархом в Церкви Богородицы, где она была также коронована; кругом Храма было постлано красное сукно с золотым и шелковым шитьем, и мостовая была покрыта тем же.

Корону, Сципетр, Державу и Меч, — все несли перед Императором Русским, а Корону, которую собирались возложить на голову Императрицы, несли на подушке из красного бархата; эти торжества продолжались около двух часов, и так они оба вышли из церкви вместе, ведя одного другого под руку, с коронами на головах; с правой стороны Императора сопровождал Господин Князь Федор Иванович Мстислав-

ский (Fender Ivanovitz Alsholsta); а Императрицу с левой стороны сопровождала Княгиня, супруга сказанного Господина.

Трубы, литавры и все другие музыкальные инструменты создавали большой шум, а весь Двор был в радости и веселье. Но по окончании не было больших приготовлений, ибо кажется, что главнейший праздник был между новобрачными. Я забыл рассказать, как Посол Польского Короля принес с собой очень хорошие подарки, которые он поднес день спустя после своего прибытия: то были серебряные сосуды с позолотой, с большим числом чаш и кубков, и два добрых коня с превосходной собакой; когда он доставил свои верительные грамоты в собственные руки Императору, тот, получив письмо и поняв, что в титуле не значится Император и Монарх России, он тотчас отбросил сказанное письмо и вернул его тому Послу; тогда Посол, возражая, ответил, что его деды и предки никогда не требовали и не присваивали себе подобного титула и что поэтому никому не запрещено называть его иначе, чем именем великого Князя; но если он желает какого-либо более высокого титула, чем его предшественники, то тогда ему следует попытаться завоевать Империи великой Таврии (Tartaria), или попробовать подчинить себе скипетр Турецкого Императора (Turkish Emperour), и тогда его может признать Императором и Монархом весь мир.

От такого столь резкого и колкого ответа Воевода, Отец супруги, был весьма удивлен, а Государь Дмитрий (Demetrius) так взбешен, что хотел было своим скипетром швырнуть в голову Посла.

Когда этот гнев прошел, кто-то спросил Посла, как поступил бы он, если бы скипетр был брошен в его голову; "если бы это произошло (сказал он) я бы взял его и ушел бы со скипетром, сразу бы уехав в мою страну"; несмотря на это, вся эта злоба прошла быстро, и они расстались мирно и очень хорошими друзьями, но это письмо никогда не было прочитано.

Деньги также были отправлены за границу, когда коро-

нация была отпразднована, а в Пятницу, которая была 9 Мая, то есть день после коронации и завершения свадьбы, подарки от Послов и других придворных были доставлены, но оказалось, что этот добрый Димитрий (Demetrius), бывший (во время монашества) слишком воздержным на своем Требнике, он занялся слишком долгою службою со своею новой возлюбленной, чьею компаниею он был так пленен, что забыл встать утром и поэтому показался в обществе очень поздно, отчего в тот вечер также не было большого пира при Дворе.

Но в Субботу, которая была очень торжественным праздничным днем, так как русские почитают его выше, чем свою Пасху, русских удивительно рассердило видеть этот день оскверненным свадьбой их Государя, но не взирая на это, Император с Императрицей с коронами на головах сели в большом зале, где сначала Патриарх, а затем Бояре и, наконец, иностранные Купцы и другие знатные люди вошли, целуя руку у новой Императрицы, и каждый подносил свои подарки; среди которых были также ваш брат и я, но лучше было нам сохранить деньги в наших кошельках, хотя мы надеялись получить некоторые привилегии; мы исполнили это с охотою, согласно тому, что до этого мы получили много твердых обещаний от Милорда Воеводы; но катастрофический конец всего этого праздника подобным образом расстроил нас в наших замыслах.

По причине того, что вскоре столы были готовы, нас пригласили, и мы сели в присутствии нашего Императора на самом роскошном обеде и пиру, а по обычаю этой Страны и мы, иностранцы, были помещены за столами лицом к Императору, а русским этого не разрешалось, но они должны были сидеть спиной к нему; этот пир мог быть удостоен хорошего отдельного трактата, но мы должны отложить кое-что до нашего возвращения, чтобы сообщить вам из уст в уста прекрасные подробности о том, как они там пировали и пили залпом.

После этого пира они послали нам домой мясо на позолоченном блюде, но они не забыли незамедлительно востребо-

вать свою посуду обратно, иначе это могло бы показаться, что мы получили ее как компенсацию за наши бывшие подарки.

Там же была чрезвычайно превосходная музыка, прибывшая из Польши в свите сказанной Дамы, и это было самое приятное времяпровождение, которое у нас было, но это была очень короткая радость и празднество.

На следующее Воскресенье было еще гораздо большее празднование, а Посол Польского Короля известил заранее, что он не сядет к столу, если они не окажут подобную честь какал была оказана Послу Русскому при Королевском Дворе в Кракове (Cracovia), где он сидел за Королевским столом, и поэтому он просил, чтобы ему также могли предоставить место за Императорским столом, чему Император вначале не дал согласия, но он дал ему понять, что ему следует занять место выше всех Бояр и Господ Страны; от чего сказанный Польский Посол тотчас отказался, так что в конце концов Император позволил ему сидеть за своим столом, и поэтому он пришел туда со своими подарками, которые были намного богаче всех прежних, и пир продолжался до поздней ночи.

Когда расходились, один поляк нанес русскому такой удар, что он, жестоко раненый, громко закричал об убийстве.

Но шум был немедленно прекращен, и в следующие два дня беспрерывно звучали литавры и трубы по Императорскому обычаю.

Предполагалось также, что гвардия Бояр будет стрелять из своих аркебуз и что артиллерия и мортиры, заряженные потешным огнем, будут разряжены в знак веселья, пушка⁴, была теперь вывезена из Города, и деревянная крепость была построена по современному образцу для штурма; но все это (как некое дурное предзнаменование) было оставлено.

В Среду, день, когда русские не едят мяса, все было очень тихо и спокойно, равно как и в следующий Четверг, и по причине того, что Император имел небольшие подозрения о том, что затевалось среди русских, имея всегда

свои глаза и уши повсеместно, он посоветовал всем полякам держаться их гвардии, приказав всем из своей собственной гвардии являться в Замок с их заряженными аркебузами, с пулею в дуле и с зачехленными фитилями, и правда, тогда было до 15 000 московитов, готовых осуществить их предприятие; но по причине, что поляки имели хорошее наблюдение и извещали о себе частой стрельбой, создавая большой шум своими литаврами, русские ничего не предпринимали в ту ночь, которая могла послужить дельным уроком и предостережением: так как они могли ясно ощутить, что все радости этой свадьбы неожиданно прекратились и что все время прошло в странной и мертвой тишине, и после Пятницы не было никого, кто бы продал им сколько-нибудь пороха или другие военные припасы.

Между тем молодая Императрица проводила время весело среди своих придворных в забавах, танцах и маскарадах, намереваясь в следующее Воскресенье прибыть с маскарадом к Императору в то время, когда он будет на пиру со Знаемыми Господами и представить им еще некоторые новые развлечения, но все это было прервано, так как русские теперь замыслили претворить план, который задумали до этого они приняты: именно в ту Субботу, бывшую 17 Мая, согласно старому стилю, около семи часов утра. Ибо этот заговор был составлен еще до прибытия Воеводы с дочерью в страну, они давно ждали, как поймать в ловушку всех поляков, которые тогда были там, с их оружием, и тем же средством они собирались вернуть в тот момент все драгоценности, которые были высланы из страны сказанному Воеводе, его дочери, и так эта трагедия началась.

В тот день, наиболее ужасный, Бояре со своими слугами на конях, в доспехах и кольчугах на теле, с копьями в руках, с дротиками, пищалями и мечами и со всяким другим оружием, чернь бегала повсюду со своими стальными лалицами, кольями и мечами в руках, численность их была столь велика, что казалось, они роились, как град, и все спешили торопливо к Замку, крича по улицам, которыми они бежали, ничего, кроме как "убийство, псага, режут, режут", уверяя друг друга, что поляки избивают Бояра в Замке, хо-

тя весьма немногие из них там жили, но это делалось не с иным намерением, как для большего ожесточения едних против бедных поляков.

Этот г-н был так внезапно, что разные русские, одетые по польской моде, были убиты среди давки, и немедленно окружили они постоянные дворы и жилища всех польских Дворян, так что никто не мог пройти дальше или помочь один другому своим оружием.

Они бежали тысячами к Замку, где со стороны государевых стрельцов, которые все были русскими, не было оказано им сопротивления, и согласными с остальными.

И злая судьба наступала так тяжело на этого бедного Государя, что тогда как ежедневно было в кордегардии 100 алебардчиков, сейчас не было и 30, нет, ни одного Капитана не было видно, и даже если бы они действовали там все вместе и защищались наилучшим образом, нечего было бы противопоставить такому великому множеству людей, а резня и бойня были столь велики сверх очевидной опасности, что мы, голландские Купцы, и других иноземных национальностей, должны были бежать.

Русские кричала стоявшим на страже (хотя немного их там было), чтобы они положили в сторону свое оружие, пришли и соединились с ними и приняли их сторону, и тогда им не окажут зла совсем, что они тотчас сделали и добровольно сдались, сложив оружие.

Русские затем бежали к Большой Палате в великой давке; вышеозначенный Петр Басманов (Peter Basmanoff), находившийся перед ними, который был очень верным другом Императора и имевший прежде слугу, много раз говорившего очень злобно об Императоре и порочившего его перед простым народом; то был он, кто неожиданно ударил своего старого хозяина так, что он умер.

Великое воинство побегало тогда в такой спешке через палаты, и даже к Императорским собственным покоям; заслышав этот шум, он выпрыгнул из постели, надел свой ночной халат и спросил, что произошло; после чего один из

его русских слуг ответил, что он ничего не знает и что, возможно, они кричат из-за какого-нибудь пожара.

"Нет, мерзкий предатель, как ты хитер, (сказал Император) не из-за пожара они так кричат, а там должна быть для этого какая-то другая причина, ибо все колокола в Городе, так и в Замке, бьют набат".

"Ах, (сказал он далее) не думаете ли вы, что я другой Борис, и он приготовился, засучив очень высоко рукава рубашки, спросил свой меч, отточенный на обе стороны, который всегда при нем носили, дабы разить им во все стороны, но тот, кто хранил его, не мог найти его; и когда он увидел, что вражеское войско ломилось вперед и шло на него, он попросил своих алебардчиков, которые стояли у дверей, чтобы они не выдавали его в руки Бояр, закрывшись и удалившись в какие-то более внутренние покои, даже до бани, где он имел обыкновение купаться один, где он был вскоре преследуем врагами, так что он выпрыгнул из окна, упав с непостижимой высоты на мостовую, так как покой его был на самом верху Замка, поэтому было большой удачей, что он не сломал рук и ног или что он не разбился вдребезги.

Один из его алебардчиков по имени Фарстенберг (Farsenberg) спустился тотчас по лестнице и нашел его еще живым, но вся грудь его была ушиблена, так что он изрыгал кровь, и его голова также была разбита и окровавлена.

Сказанный алебардчик с помощью других внес его опять в его покои, где его слегка освежили водой и другими успокоительными лекарствами, пока он снова немного пришел в себя, и тогда Бояре много говорили с ним и допрашивали его по некоторым пунктам, но не может еще быть хорошо известно то, что произошло между ними. А в конце, чтобы алебардчик ничего не мог разгласить о тех делах, которые произошли между ними, они немедленно убили его; и после того они убили своего Госулара множеством ранений и ударов, а затем они вытащили его тело, выбросив его вниз сверху с веревкой, обвязанной вокруг его интимных частей

тела, и так, циная, приволокли его на рыночную площадь, как собаку или какую другую мерзкую падаль, выставяя так его ободранное и обнаженное мертвое тело на обозрение все-му миру на дощатом помосте, или столе, поднятом высоко, до четвертого дня, а под ним тело его друга Петра Басма-нова.

Каждый день туда приходило большое число мужчин и жен-щин посмотреть это отвратительное зрелище, и они положили безобразную маску на Императорский живот, каковую они на-шли среди трофеев Императрицы, а в рот ему дудку, малень-кую волынку под мышку, монету достоинством в полплатера, давая этим понять, что за эти деньги он сыграет им старую песню.

Тем временем народ безудержно бегал вверх и вниз по Замку и жилищам поляков, убывая разных из них и грабя до-ма их, обыскивая их до такой степени, что у них не оста-лось ни рубашки для прикрытия своих тел.

Музыканты защищались хорошо некоторое время, и пяте-ро или шестеро из них бежали, а остальные числом около двадцати были все изрублены на куски.

Дом Господина Воеводы ввиду того, что он был окружен крепкими стенами, а внутри имел хорошую стражу, был не-приступен; двери были хорошо заперты с тем, чтобы ни один человек не мог выйти или бежать. Я предоставляю каждому сейчас вообразить, как эта бедная Государыня со всеми ее Дамами и Придворными были устрашены в своих сердцах; ее тотчас обокрали и ограбили все ее богатства, драгоценнос-ти, движимость, наряды; и даже кушетки и кровати, на кото-рых она отдыхала, были вынесены из-под нее; так же у всех Господ и польских Дворян были ограблены все драгоценности и подарки, которые до этого были вручены им. Правда, что находившиеся в городе, защищались весьма храбро в своих гостиницах, но в конце они вынуждены были уступить и упу-стить добычу.

Только Господин Вишневецкий (Vituenetskie) сохранил себя и свой обоз и убил много русских, хотя они располо-

жили пушку против его дома, и наконец видя себя прочно окруженным, он вывесил белую одежду в знак того, что решил сдаться, повелев немедленно рассыпать перед дверью в его покой много дукатов.

Русские бросались со всех сторон, чтобы при сем нагреть себе руки, но его люди внезапно напали на них и так, обогрив кровью и рубя на все стороны, они убили свыше сотни русских и открыли себе путь, чтобы выйти, когда между тем разные Бояре пришли из Замка, чтобы взять сказанного Господина под свою защиту, и вытеснили всю чернь, так что в конце вся эта тревога улеглась.

Польский Дворянин по имени Немецкий (Nimetskie), привезший сюда различные ювелирные изделия большой ценности и продававший их Императору накануне; как служитель Господина Вольского (Volskie) сделал подобное, показав при Дворе разные красивые гобелены, которые он привез, — все эти вещи были отняты у них.

Но сверх других разные немецкие и итальянские Купцы притеснены были, среди которых был человек весьма почтенного возраста, которого звали Джон Амброзио Целария (John Ambrosio Celaria) из Милана, который также продал Двору ценностей в три и двадцать тысяч Флоринов, был убит там самым злодейским образом грубыми мошенниками.

В том же жилище жили также два служителя Господина Филиппа Хенбара (Philip Henbar) из Аусбурга, которые были рекомендованы мне моими друзьями в Кракове, и продали Императору товаров более чем на 25 000 флоринов, а еще с них взяли, кроме того, более нежели 10 000 флоринов.

Вот еще Купец из Аусбурга по имени Андрей Натан (Andrew Nathan), продавший Двору на 200 000 флоринов, был ограблен также на 10 000 флоринов в имуществе и товаре. Здесь также русский Купец из Лемберга по имени Николай (Nicholas), который также потерял значительный запас имущества.

Боюсь, они никогда не покроют и не возместят этого; я дважды говорил с братом нынешнего Императора, рекомен-

дуя ему дела этих честнейших людей и представляя ему их петиции, наконец, по его посредничеству, кое-что могло бы быть получено от Императора; но он не дал мне иного ответа, кроме как то, что товары никогда не были выданы прежнему Императору через Хранителя Казны России, но что поляки ими завладели так что русские не хотят теперь слышать про это дело, они утверждают далее, что ни одна из всех этих вещей никогда не была обнаружена в Казне, но что этот Бразник (как он назвал его Ростригой, то есть разгульным или развратным монахом, — так он назвал умершего Государи) выслав все из страны и что в Казне не осталось больше денег, чтобы оплатить подобные суммы.

У этих немецких купцов был также один из слуг, который родился в Атверпене (Antwerp), по имени Яков (Jacques), убитый гнусно во время этой народной ярости, и был брошен среди других мертвых тел в ров, но я приказал его найти и вытащить, и почтительно похоронить его.

Все имело такой жалобный исход в этот ужасный день, и крики людей были столь страшны, тревожный набат раздавался постоянно, и не было конца резне, что и был в великом страхе, особенно когда я увидел, что они грабят следующий за моим жилищем дом, где жил Господин Петр Басманов (Peter Bosmanneuf), рыглядывая каждую минуту, за неимением лучшего; но наконец я набрался храбрости, и, взобравшись на коня, я прорвался сквозь толпу в сопровождении трех моих слуг, доверившись защите Бога, и я отправился искать кого-нибудь из Господ и Бояр, чтобы получить от них надежное сопровождение от опасения быть зарезанным в своем собственном доме, число тех, кого я встретил с окровавленными мечами, столь страшных, было так велико, что я много раз лишился мужества и намеревался возвратиться назад, что было бы моей несомненной смертью.

Но Господь был так милостив ко мне, что я повстречал на улицах двух Старшин, бывших Служителями Правосудия в Городе, которые дали мне одного из своих людей для моего сопровождения и охраны, с которым я вернулся в свое жили-

ше, а один из моих служителей остался и пошел с ними, кто достал мне еще шестерых из них людей, чтобы сопротивляться им именем Правосудия, если толпа придет силой брать мой дом.

Я никогда не смогу отблагодарить Бога за сохранение меня в столь очевидной и явной опасности.

И так эта тревога продолжалась с утра до вечера, а следующей ночью по всему этому великому Госроду настала такая глубокая тишина, как будто ни одной живой души не было в нем.

Постоялые дворы польских Господ были окружены вокруг и около и охранялись хорошей стражей, а все их оружие было отобрано у них.

Если бы эта нация сохранила бы добрую стражу, держала себя вооруженной и в хорошем порядке или лишь подожгла бы некоторые части Города, когда началась тревога, это была бы ужаснейшая резня и величайшее кровопролитие, о котором когда-либо слышали, ибо их было большое число, и они были хорошо обеспечены лошадьми, и имели хорошее оружие, и дома здесь все деревянные; но Господь простер свою длань над нами, так что из двух случилась меньшая беда, ибо в поляках не было доброты, но они столь же злы, как русские.

Смута была успокоена братом Императора при помощи главнейших Господ и Бояр, они собрались вместе для выборов другого Императора, и так они совместно выбрали в Государи Господина Василия Иваковича Шуйского (Vasilius Ivanovitch Sinskie), и этот выбор был сделан 20 Мая. Среди Князей этой страны он один из самых старейших и из древнейшей и знаменитейшей семьи из всех боярских; Господь да подаст ему долгую и счастливую жизнь и заставит его править хорошо и справедливо.

29 Мая тело Дмитрия было вырыто и вынесено прочь из Города, где оно было сожжено и обращено в пепел, и толпа сказала, что следовало сделать это, объясняя это как предупреждение колдовства мертвого Чародея.

Ибо в ту ночь, после того, как он был убит, настал

такой великий и удивительный холод, что все хлеба в полях были погублены, и многие очень старые люди утверждают, что в своей жизни никогда не слышали о подобном в столь позднее время весны. Все их фрукты, и сады, и листья на деревьях в лесах завяли, так что следовало опасаться, что это вызовет великий недостаток всех продуктов по всей Стране; все зерновые немедленно вдвое возросли в цене свыше обычной, а ночь спустя после сожжения его тела настал еще более великий холод, так что эти варвары и неверные люди полагают, что он был в жизни своей великим Некромантом, но они скорее должны бы приписать это великой гнусности их собственных тяжких грехов.

В 30 день того же месяца были публично зачитаны статьи по его обвинению и почему он был отправлен на тот свет таким образом. Во-первых, они утверждали, что он был постриженный и имевший сан монах, чьи родственники, сестры и братья еще живы, именно, его отчим и его собственная мать, которых привели на рыночную площадь перед всем народом, а правит^{ль} их так строго, что каждого постриженного монаха, оставляющего свой сан и оскверняющего свой священный обет, приказано сжигать, и подобное соблюдается за соблазна монахинь, где не допускается отпущения грехов или прощения за подобный проступок. Так как его отчим, его собственная мать, и его брат были выставлены (как было сказано) на всеобщее обозрение, их почитали таковыми, хотя они совсем не имели с ним сходства, и подкупили ли они их к исповеданию таким образом в присутствии всех людей, Бог знает, я смею утверждать то, что я видел их как многие другие, и я также видел, что их заставляли целовать крест и принимать клятву на нем, что имя его было Григорий (Gregorie), а на их языке Гришка Отрепьев (Griskie Strepy), и что был он монахом в этом Городе в Дворцовом монастыре; говорят, что в своей молодости он был весьма прилежным к чтению и письму и наслаждался рассматриванием и чтением Историй и Летописей, находясь некоторое время в услужении на Патриаршем дворе как певчий и музыкант, всегда внима-

тельно наблюдая за всем, что могло в дальнейшем пригодиться в его намерениях; он никогда не приходил в сказанный монастырь, пока был Императором, опасаясь (как говорят) быть узанным некоторыми из тех монахов, немощных и старых, как добрые старие дядчи из Галича (Galicia). Говорят также, что в Галиче (Galicia), где он родился, он был причиной заключения в башню своих отчима, матери, братьев и всех остальных кровных родственников числом до шестидесяти человек; все это ходило слухом между чернью.

Вторым пунктом обвинения было то, что он был магом и что чарами он одержал так много побед и выдающегося успеха в достижении Короны.

Третья статья была о том, что было известно, он еретик, что он никогда не соблюдал ни их церковные праздники, ни посты, и что он не почитал их Иконы и церемонии.

Четвертая статья, обвиняющая его, была о том, что он вступил в опасный и нагубный стговор с Папой прогив их Религии, чтобы целиком вытеснить ее и обратить в Римскую веру, так как к этому следствию были найдены письма, написанные Папой, пока он был Императором, в которых убеждали его привести в исполнение то, что он до этого так часто обещал сказанному Папе, уговаривая его произвести дело таким образом, чтобы Иезуиты и другие Католические Священнослужители могли бы быть утверждены в своих Церквях, и что Храмы и Колледжи могли бы быть предоставлены для реформации всей Страны.

Для пятого обвинения были предъявлены письма, где он вел переговоры и заключил договор с Воеводой отдать ему Княжество Смоленское (Smolensko), а жене его Княжество Новгородское (Novigrod), их сыну страну Сибирю (Siberia), и что они вместе составили заговор, чтобы извести всех Бояр, истребить весь их род, и насадить вместо них польских Воевод, и утвердить новых Каstellанов и Старост, *sed haec non credo*; также и то, что он вывез Пушки за город, и представляя, будто желает устроить зрелище, или триумф, повернуть их против Города, и палить в него

для удаления одних от других, и после того поляки попали бы в Город, и убили всех тех, кто оказал сопротивление, и таким образом сделать себя полными хозяевами главного Города Страны, что можно было бы очень хорошо выполнить, если бы русские не стояли хорошо против их гвардии, ибо кто хозяин этого Города, тот и Господин всей страны. Как бы то ни было, я обращаюсь к будущему времени, которое все откроет.

В шестых, они сильно обвиняли в том, что Бояре и Господа страны имели слишком малый и почти вовсе не имели доступа к Государю, который так презирал их, и после, таким образом, они должны были дожидаться перед воротами Дворца и часто были прогоняемы алебардщиками, в то время как поляки входили так часто, как хотели, и были часто оскорбляемы этой польской нацией.

Когда они предъявляли свои жалобы *surdo narrabant fabulam*, справедливость не была установлена в отместку за понесенные обиды, и более того, ему вменялось в обвинение, что он решал все свои дела, не испрашивая их мнения или совета по любому вопросу, а когда они хотели возражать по каждому трудному или сомнительному вопросу, их изгоняли кулаками. немилостью и отправляли в ссылку.

Седьмым было обвинение о больших и чрезмерных расходах, которые он произвел. Он сделал себе позолоченный трон, с каждой стороны которого было по шесть позолоченных львов, вылитых из серебра, чего ни один из Великих Князей никогда не делал, и перед другими, бывшими перед этим человеком, не носили никогда ни Скипетра, ни Короны, и что, превзойдя всех своих предшественников, он купил много драгоценностей, которые были найдены в его кабинете так же, как и большое количество других изрядных вещей, очень щедро подаренных разным лицам; и отправил в Польшу огромную сумму денег, так что Казна была полностью истощена, по этой причине он обложил большими податями и налогами страну, не вознаграждая всех тех, кто заслужил награду, но всегда покровительствуя льстецам, иудам и фиглярам, которым он обычно раздавал богатые подарки, и тоже очень щедро.

В-восьмых, он тяжело обвинен в осквернении священного состояния дев, приезжая в женский монастырь, где находилась его жена; и приходя часто смотреть их в очень непристойных видах, приводя туда с собою музыкантов, бражничая и танцуя там, и заставляя их исполнять светские песни, чем эти девы сильно оскандалились, которые считали это удивительным прегрешением; но сверх всего за насилие некоторых из них, и среди прочих единственной дочери Бориса Федоровича (Boris Fedorovitch), как также за празднование своей свадьбы в праздничный Николин день, который он должен был провести с большим почтением в соответствии с обычаями всей страны. А дальше, что поставил образ Пречистой Девы Марии в изголовье кровати, когда вступил на ложе со своей новой супругой; за неуважение к монахам и Священникам, заставляя сечь их кнутом, как бедных животных, если они вымолвят хоть слово о том, что он сам был монахом; и за то что он взял у одного Монастыря десять тысяч Рублей, чтобы заплатить им *ad Calendas Graecas*, и тому подобное.

В-девятых, его обвиняли в авторстве и случае великой порчи и разорении, которые обнаружались на реке Волге, заставляя по ложным отметкам провозгласить себя сыном Федора Иоанновича (Fender Ivanovitch), кого под этим предлогом он склонил прийти к нему на помощь многих тысяч Козаков (Cossacks), чтобы быть более уверенным в стране. Несомненно, следует поведать, что он был причиной необыкновенных разрушений в стране, ибо все порты Астрахани (Astrakhan) были разграблены, и все имущества и товары там раскрадены и испорчены; а из Персии (Persia) туда идут великие и бесценные сокровища. И хотя скажут, что доходы всей России (Russia) достигли свыше двенадцати миллионов, однако следует сказать также, что всего этого было слишком мало для такого расточительного управителя, и если бы он захотел продолжать, как начал.

Десятое обвинение было (и это, бесспорно, неоспоримый факт) на бездушие, жестокость и злодейства поляков, ибо они почитали русских за собак, угрожая им ежедневно, из-

бивая их как рабов, и часто говоря, что они сделают их рабами. Женщины, даже Дамы и жены знатнейших бояр, не смели больше появляться на улицах, они ходили и хватали их в свои дома и жилища, и когда муж гулял со своей женой, держа ее под руку, они отсекали его руку и умыкали его жену. На все эти жалобы никогда не оказывали Правосудия. Случилось так, что какой-то поляк был приговорен за совершенный проступок к смертной казни, и когда вели преступника из города, поляки напали и убили палача, и освободили своего товарища, так что это оказалось карой и наказанием, приготовленными для них гневом и мстью бога. Они дальше заявляют о множестве других проступков, но если только всё вышезаявленное правда, такой негодяй справедливо заслужил смерти; однако гораздо более похвально было бы судить его по законной форме. Некоторые говорят, что незадолго до самого момента его смерти он просил, чтобы он мог совершить свое признание публично, перед всем миром, но тогда было слишком поздно; я придерживаюсь мнения, что если бы он вел себя более мягко, не мешался с поляками и женился на какой-нибудь Даме из страны, принарамливаясь к их обычаям, хотя он был изменнее разжиревшего монаха, еще он мог удержать Корону на своей голове; но я думаю, что Папа со своими Питомцами и Иезуитами были главной причиной его краха и совершенного ниспровержения. Ибо эти убийцы Государей захотели слишком быстро подготовить Монаха, и они поспешили забиться в пчелиный улей. Жаль, что им лучше не обрили голов, но они слишком хитро переделались по светскому обычаю; такие маски никогда не показывают себя ярко, но в зеленом.

Я думаю также, что поляки обратят внимание в будущем на то, какими наглыми они там были, ныне оставшиеся здесь держатся, ходят по улицам так скромно, как овечки, их разделили на несколько отрядов, от 2 до 3 сотен в отряде; и так их отослали к Смоленску (Smolensk) и Полоцку (Polotsko), определив им несколько лошадей для их перевозки и чтобы они не грабили их у крестьян, но они, обнаружив

их стражу спящей, убили около двух десятков их, а остальные, проснувшись, отмстили немедленно в поле и убили около тридцати пяти поляков, так что их всех заключили в башни и тюрьмы, откуда, несомненно, никто не уйдет. Я полагаю, что всего погибло около двенадцати сотен поляков и, кроме того, четыре сотни русских. Посол был выслан отсюда в Польшу, информировать Короля обо всем, что здесь произошло и договариваться о мире, а между тем Воєвода должен оставаться здесь со всеми своими Господами и Дворянами (и в зависимости от ответа — хорошего или плохого — с которым он вернется, их будут держать или освободят).

После сообщалось теми, кто поздно приехал, что сын Ивана Васильевича (Ivan Basiluitz), подлинный Дмитрий (Demetrius), был при этом нынешнем Императоре выкопан из могилы, будучи пятнадцать лет назад похороненным в Угличе, которого он представил на всеобщее обозрение, его тело было еще невредимым и целым, с орехами в руках, с которыми он был похоронен, играя ими, когда он был ребенком. Его захоронили в Кремлевском Архангельском соборе, среди Императоров, и народ приписывает ему чудеса, которые, говорят, происходят ежедневно, и когда они случаются, об этом обычно уведомляют ударом Колокола. Над ним решено построить церковь и поклониться ему как Святому.

Это самые главные происшествия, случившиеся в этом Городе, я молю Бога уберечь нас от большего еще подозреваемого мятежа.

В пятнадцатый день Июня подобное началось снова, так как эта проклятая чернь всегда ненасытна и испорчена, каждый день они готовы начать снова их прежние деяния, но это последнее волнение было немедленно подавлено Боярами.

I. Использовано слово "estates", имеющее значения "имущества", "имения", "сословия", что позволяет предположить о происходившем процессе пересмотра поместий и окладов, т.е. об изменениях состава дворянского сословия. Это подтверждается и переводом французского текста:

"конфискации и отобрания в казну поместий и окладов".

- 2 В английском тексте - "archers": 1) стрелок из лука, 2) стрелок. Слово "archer" происходит от англо-французского "archer" или от стар. французского "arshier" (См.: The Oxford English Dictionary. Oxford, 1978. Vol. I. P. 432). В немецком языке то же слово "Hartschiere" (также вошедшее в немецкий язык из французского "archer") первоначально означало "стрелка из лука", "стрелка", а затем приняло значение "телохранителя", "драбанта". (См.: Жордан'я Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI-первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. Т. I. С. 252-253). Это последнее значение, на мой взгляд, соответствует смыслу сообщаемого.
- 3 Во всех случаях употребления "My Lord" дан перевод его как "Милорд", хотя возможен и перевод "мой Господин".
- 4 Во французском переводе обозначено множественное число.

К ИСТОРИИ ОПИСАНИЯ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Данная статья написана по документам, хранящимся в фондах ЦГАДА. На протяжении второй половины XVI в. Усольский (Сольвычегодский) уезд описывался несколько раз. Сохранилось очень незначительное количество источников, относящихся к дозорам уезда XVI в. Это, главным образом, упоминания о дозорах в документах XVII в.¹

В первой четверти XVII в. было проведено два дозора Сольвычегодского уезда, в 1614 и 1620 гг., и одно писцовое описание 1623-1625 гг.

После разорения 1614 г. дозор уезда проводил сольвычегодский воевода Степан Васильевич Голенищев и подьячий Пятый Филатьев, которым 20 августа 1614 г. был дан из Устюжской четверти наказ². Согласно наказа писцы "должны были составить книги с указанием сколько прибыло из пусто в жило", дозировать и переписывать посад, а в уезде по волостям прибывшие после писцов деревни, а во дворах людей с указанием пашни паханной и непаханной, перелога, пожен, рыбных ловель, бобровых гонов, перевесей и других угодий, а также сумму оброка, уплачиваемого в казну.

Писцы должны были положить в сошное письмо необложенные налогом деревни, селища и займища, а на сенные покосы и рыбные ловли положить оброк; не писать живущее в пусто и наоборот, добрую землю за среднюю, а среднюю землю за худую, а также лишних земель в выти не класть.

Проведя описание, писцы обязаны были расспрашивать население и самим проверять полученные сведения, "выспрашивая и сыскивая всякие сыски", а после окончания дозора книги "за своими руками" (подписями) прислать в Москву и отдать дьяку Устюжской четверти Петру Третьякову. Через 2 года, 20 августа 1616 г., писцы положили в Устюжскую четверть готовые дозорные книги.

По-видимому, только описание Вилегодской волости к

этому времени еще не было проведено из-за сопротивления, оказанного дозорным населением Никольского, Ильинского, Спасского и Богоявленского приходов. Этим и объясняется присылка писцам повторной грамоты от 17 марта 1617 г. о дозоре Вилегоцкой волости. Устюжской четвертью 4 апреля 1617 г. было предписано сольвычегодскому воеводе Миرونу Тимофеевичу Хлопову и дьяку Пятому Филатьеву собирать подати с Сольвычегодского уезда уже по новому дозору 123 г.⁵

В 1620 г. Сольвычегодский уезд досзирали писец Василий Семенович Самарин и подьячий Семен Осокин. Сохранилась посланная им из Устюжской четверти 5 февраля 1620 г. грамота о записи новоприсадного песка на реке Вычегде за Иваном Афанасьевичем Строгановым⁶. Писцы В.С. Самарин и подьячий С.Осокин требовали у населения акты, подтверждающие права на владения землями и угодьями, о чем свидетельствует челобитная: "А как, государь, приезжали твои государевы дозорщики Василий Семенович Самарин и подьячий Семен Осокин, и мы, Елизарко, тое данную грамоту им подали и они, государь, дозорщики тое данную грамоту, у нас взяв, увезли"⁷.

Дозор, как известно, проводился всегда очень спешно, в короткие сроки, и поэтому не удивительно, что при его проведении возможны были и ошибки. Так, крестьяне двух деревень Пантусово и Понявино, принадлежавшие Троицкому Глебенскому монастырю, писали, что их деревни были записаны в книги как Устюжского, так и Усольского уездов. В грамоте из Устюжской четверти писцу И.Благово предлагалось провести сыск о этих деревнях, которые в прежних сотнях грамотах и в дозорных книгах Василия Самарина да подьячего Семена Осокина "написаны у них в Усольском уезде в Пятницком конце, в Петровском сельце"⁸. После описания В.Самарина в Устюжскую четверть стали поступать челобитные населения об отводе им спорных порожих земель⁹. Эти жалобы населения по-видимому, и послужили главной причиной нового опрания Сольвычегодского уезда, которое было начато летом 1623 г. писцом Парфентием Мансуровым и подьячим Ва-

силием Архиповым. Перед отправлением в уезд писцы из Устюжской четверти получили наказную грамоту, приправочную книгу за подписью дьяка Михаила Смывалова и кормовую грамоту.

В грамоте, адресованной посадским и волостным земским судейкам, старостам и целовальникам и всем посадским людям Соли Вычегодской, указывалось, что деньги писцам "давать из сборных всяких ямских денег у воеводы Григория Образцова, чтоб по нашему милосердному призрению всем посадским и волостным крестьянам в том лишних убытков и продаж не было" ¹⁰.

Писцы перед началом описан^ня должны были получить у воеводы сведения о землях и угодьях, розданных в тягло и на оброк после дозора уезда 1620 г.

Писец Усольского уезда П.Мансуров умер к июлю 1624 г., успев вместе с подъячим В.Архиповым описать меньшие половины территории Сольвычегодского уезда: посад Соль-Вычегодскую, Алексинский стан и волости Ляльские, Пачезерскую, Луцкую Пермцу, Андреевскую и Учецкую. Направляя грамоты В.Архипову Устюжская четверть писала, что до назначения нового писца "доста^нных волостей описывать и спорных земельных дел вершать и государевых оброчных денег збирать некому" ¹¹ и требовала, чтоб он приводил в порядок писцовые книги "ведено тебе белые книги делати посаду и уезду, что у тебя описано с Парфеньем Мансуровым, чтоб у вас описным землям книги одислично были готовы до весны, покаместа снег с поля сойдет, и в остальные станы и волости, которые в Усольском уезде не описаны, описати и измерити сего лета вскоре" ¹². В другой грамоте напоминалось о присылке перечневых росписей, которые, по-видимому, не были составлены из-за нерадивого отношения подъячего к своим обязанностям "и ты то Василий делаешь негораздо, и такое наше великое дело ставишь себя в оплошку своим пьянством" ¹³ и требуют, чтоб "перечневую есте роспись тем описным землям П.Мансурова по прежнему нашему и по сей нашей грамоте прислать к нам тотчас с нарочным ездоком..." ¹⁴.

Описание уезда продолжено было уже после приезда в

Сольвычегодск в августе 1624 г. нового писца Ивана Благово.

В наказной грамоте из Устюжской четверти Ивану Благово, по-видимому, "вкратце пересказывался наказ, который получили год назад П.Мансуров и В.Архипов. Согласно наказной грамоты, И.Благово должен был по приезде в Соль Вычегодскую взять наказ, который был дан П.Мансурову, и по нему "достаальные стань и волости, которые будут по его, Иванов, приезд не описаны, и в них погосты и погостские церковные дворы, и в них людей и государевы чорные живущие и пустые деревни и починки, и пустоши, и селища, и займища, и в живущих деревнях живущие ж и пустые дворы и дворовые места, и в живущих дворах крестьян и сосед, и подсоседников, и захребетняков, и бобылей с отцы и с прозвищи, и пашню паханую и перелог, и сенные покосы и всякие земли писаны и мерили, и положили в выти и в сошное письмо, примеряся к государеву наказу" ¹⁵.

И.Благово и В.Архипову предстояло описать оставшиеся 12 волостей и станов, а для скорейшего окончания описания уезда, которое и так затягивалось, были посланы к ним из Москвы трое молодых подьячих. Направляя нового писца Устюжская четверть беспокоилась о том, чтобы у него с подьячим сложились хорошие отношения: "А розни меж вами в нашем деле однолично никакие не было, чтоб вашу розню нашему делу какие поруки где учинилось" ¹⁶.

Население должно было представлять писцам всякие частные акты: купчие, меновные, закладные, духовные, деловые. Списки со всех этих актов писцы должны были брать себе.

О том как писцы проводили описачие свидетельствуют челобитные населения: "И ныне по твоему государеву указу писец Парфений Никифорович Мансуров и подьячей Василий Архипов с купчих дворовых и со всяких земляных крепостей списки емлют в твою государеву казну" ¹⁷, "писцы деревни мерили и по пожням ездили, и меж пожням писалч, и сена по пожням переписывачи; да по твоему государеву указу

спрашивают у нас и просят на деревни и на пожни путей крепостей всяких. А которые у нас государь... пути крепости есть на деревни и на пожни, и с тех путей — крепостей у нас со всяких списки взяли" ¹⁸.

В тех же случаях, когда у посадских людей, крестьян монастырских властей не было актов, подтверждающих их права на владения, то они в своих челобитных приводили причины их отсутствия: передача актов прежним писцам, владение "по старине", пожары, нашествия врагов и т.п. Например: "А та, государь, полдеревни — вотчина моя вековая, займице моего отца и дедушки. А путей, государь, у меня и у отца его на ту полдеревни извеку не бывало" ¹⁹. "А на ту, государь, поженку были у нас купчие и в литовской приход утерялись неведомо где" ²⁰. "И те пути от приходу казанских татар позжены" ²¹. Все такого рода челобитные заканчивались просьбой записать за ними в писцовые книги эти деревни и пожни.

Устюжская четверть руководила списанием Сольвычегодского уезда. Переписка ее с писцами продолжалась на протяжении трех лет. Четверть посылала указыные грамоты, а получала от них отписки.

Кроме досмотра и измерения земель у писцов было много и других задач: они судили по земельным делам, рассматривали представленные им грамоты и акты и справляли по ним в своих книгах владения, работали по различным вопросам оброчного и сошного тягла.

В грамотах из Устюжской четверти указывались те работы, которые должны были проводить писцы. Так в грамоте от 1 мая 1624 г. писцам поручался разбор спорных земельных дел "спорные земли сыскивали сотными и крепостями, и старожильцы всякими сыски" ²². В грамоте от 12 августа того же года писцам предлагалось провести сыск беглых кабальных людей ²³, а от 24 сентября 1624 г. — провести сыск об убитых людях, о сожженных дворах, лавках и амбарах во время польско-литовской интервенции, а также собрать сведения с прибывших после интервенции людей и дворах ²⁴.

В писцовых наказах, полученных из Устюжской четверти, невозможно было предусмотреть решения всех вопросов, с которыми писцы могли столкнуться при описании. Поэтому в своих отписках писцы сообщали в Приказ не только о ходе самого описания уезда, но и спрашивали, как им поступать в тех или иных ситуациях, на которые они не находили ответов в наказе.

Так писцы писали о том, что, согласно наказа, они должны были с тех крестьян, которые многие года владели безобразно какими-либо угодьями, положить оброк за прошлые годы. Но если они это сделают, то "многие бедные люди не смогут уплатить эти деньги и разойдутся" ²⁵ и просили совета как им поступить в данном случае.

В большей части грамот из Приказа содержались ответы на вопросы писцов. Так на запрос о том, что делать с участками земли, брошенными ранее крестьянами по бедности, последовал ответ — "и вы б деревни тем старым вотчинником по их старым крепостям отдавали назад" ²⁶; в ответ на вопрос — класть ли в выти новоприпашенные земли, которые объявились против приправочных книг", предлагалось положить на эти земли денежный оброк, мотивируя это тем, что если "вся примерная земля положить в выти и в сошное письмо, и тех сошных людей оскорбит, и нашего тягла будет им платить невозможно", потому что "зе ли худы и хлебной недород, а только положить четвертной денежной оброк и на добрую и на среднюю и на худую землю на четверть, почему доведетца, и нашей казне будет прибыльнее, а сошным людям оскорбления в том не будет" ²⁷; когда в ходе описания писцы заинтересовались тем, сколько класть сена на выть, то из Приказа последовал ответ, что следует "класти на выть сена, примеряясь к прежнему по скольку каких копен на выть клалено было у прежних дозорщиков, или как г.э годно по вашему рассмотрению, но только бы копен на выти положить, чтоб крестьяном мочно было чем скот всякой год прокормить, а скудости бы и недостатку перед прошлыми годы крестьяном в сене не было, и с тех с вытных с санных покосов

возможно было крестьяном вперед наши оброчные деньги платить" ²⁸. После жатобы посадского и всеуездного старосты на писцов, запрещавших населению владеть прикупными деревнями, в грамоте от 31 марта 1625 г. писцам разъяснялось, что если крестьянам не разрешать и закладывать друг другу деревни и пожни, как "у них-де исстари то повелось, что они, посацкие люди и волостные крестьяне деревни и пожни, и всякие свои угодыя меж себя продавали и закладывали, и тем наши всякие подати платили. А только - де им меж себя деревень и пожен, и всяких угодий не продавать и не закладывать, и от того-де Усольский уезд запустеет, потому что бедным и кабалным людям в податех искупиться будет нечем. И нам бы усольцев, посадских людей и волостных крестьян пожаловать велети, деревни и пожни, и всякие свои угодыя меж себя, кроме Строгановых и монастырей, продавать и купить по-прежнему, как у них исстари повелось" ²⁹.

Таким образом, анализ содержания грамот, направленных из Устюжской четверти писцам свидетельствует о том, что писцы, описывавшие уезд в 1623 г., должны были придерживаться тех же принципов описания уезда, которым руководствовались и их предшественники, т.е. не должны были нарушать веками сложившийся в уезде уклад жизни, традиции и нормы землевладения и землепользования.

Особый интерес представляет сам процесс составления писцовых книг. Как уже отмечалось выше, писцы имели на руках "для примеру" в качестве приправочной книги дозорную книгу 1620 г. ³⁰ В приправочной книге давалось очень краткое описание погостов (название церквей), а также дворов в селениях, пашни, сенокосов, живущей выти.

В ходе описания писцами первоначально составлялись черновые писцовые книги или, как их еще называли, черновые тетради, поскольку они не переплетались. Описание каждого уезда проводилось писцами в той же последовательности, как и в предыдущие годы.

Переезжая с места на место по станам и волостям уезда, писцы заносили в черновые тетради все чужные им сведения. В погостах приводилось подробное описание церк-

вей и их имущества, в селениях — перечень жилых дворов с именами всего взрослого населения и всех имевших у населения на руках актов на права владения деревнями, покнями и другими угодьями; при записи пустых дворов указывались причины их запустения; давалось сравнение размеров пашни-паханой по новому письму и по приправочной книге; указывался размер перелога, завитной пашни и суммы собираемого с нее оброка; количество копен сена, жилых и пустых вытей; размер поскотины по пашне, а также площадь лесов и болот; и отдельно приводился перечень всех оброчных угодий данной волости или стана ³¹.

Писцам И.Благово и А.Архипову предписывалось, "описав и измеряя, и сделав посад и всем Усольским станом и волостям писцовые свои книги, и с тех книг перечневные росписи по наказу, ехать им к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея Руси, к Москве. А на Москве явиться и письма своего и меры Усольского уезда станом и волостям книги и перечневные росписи отдати в Устижскую четверть дьяку Михаилу Смывалову" ³².

Согласно этого наказа, писцы закончив описание уезда в августе 1625 г. приехали в Москву, где более трех лет "отделывали" черновую писцовую книгу.

В чем же заключалась отделка черновых писцовых книг показывает сравнение текста черногого описания с беловым. Так, прежде чем переписать черновик на бело писцы уточняли помещенные в нем сведения, редактировали их, частично сокращали, а иногда дополняли текст.

Наименьшим сокращениям подвергались тексты описания погостских церквей ³³ и оброчных угодий ³⁴; из последнего описания в беловик не попадала только фраза о наличии у владельцев отписей в уплате оброчных денег.

Самому большому редактированию, подверглось описание поселений. Так, из черновика писцовой книги были вычеркнуты имена некоторых владельцев дворов, перечень части актов, подтверждающих права на владения, сравнение размера пашни паханой по приправочным книгам и по новому письму,

размеры перелога, пустых вытей, завытной пашни и сумму собираемого оброка ³⁵.

Все исключения из текста писцовой книги находят свое объяснение: так не было необходимости перечислять все взрослое мужское население двора, так как за исправное несение тягла отвечали только дворовладельцы; для подтверждения же прав на владения достаточно было упоминания одного, реже двух последних по времени актов; сравнение размеров пашни паханой по приправочной книге и по новому письму необходимо было писцам только при составлении перечневых росписей, которые подавались в Устюжскую четверть в ходе самого описания; упоминание перелога было излишним, так как с него налог не взимался; сведения же о пустых вытях были отправлены в Приказ ранее, согласно указанной грамоты из Устюжской четверти от 24 сентября 1625 г.; размер же завытной пашни в писцовых книгах никогда не указывался, так как эта категория пашни не влияла на размер обложения населения.

Таким образом, после "отделки" черновой книги, в ней оставались только те сведения, которые должны были быть перенесены в беловик. Это название волостей, населенных пунктов, имена владельцев жилых и пустых дворов, ссылки на один, реже два последних по времени акта, подтверждавших права на владение, размеры пашни паханой и сенокосных угодий, число живущих вытей, примерной пашни, а также площадь лесов и болот.

Все незачеркнутые в черновых тетрадях сведения переписывались в беловые книги. Вместе с тем в беловой книге мы находим размеры покотины по пашне, которые не только не указывались в черновике, но и отсутствовали в приправочной книге.

Из всего вышесказанного следует, что черновое описание существенно отличалось от белого как по количеству сведений, так и по степени их подробности.

Следовательно, как правило, для исследователя беловая книга по сравнению с черновым описанием, теряла ряд

интересных сведений по социально-экономической истории уезда. Вместе с тем она отвечала всем требованиям, которые к ней предъявляли писцы и посылавшая их на описание Устюжская четверть.

Отделка писцовой черновой книги и переписка ее набело заняла очень много времени и только 16 мая 1628 г. беловая писцовая книга Сольвычегодского уезда была передана в Устюжскую четверть, а ее утверждение последовало лишь через год после этого, 28 июня 1629 г.³⁶

В наказе писцам Сольвычегодского уезда 131 г. запрещалось давать сотные до утверждения писцовых книг. Начиная же с 19 марта 1630 г. до 21 июня 1631 г. в Устюжскую четверть поступали челобитные населения Ильинского, Никольского, Богоявленского и Спасского приходов Вилегоцкой волости, а также от Ивана, Петра и Андрея Строгановых и архимандрита сольвычегодского Введенского монастыря о выдаче им сотных с писцовых книг П.Мансурова, И.Благово и подьячего В.Архипова³⁷.

Одновременно с готовой писцовой книгой в Устюжскую четверть писцы передали и весь отложившийся у них за время описания писцовый архив. Состав их архива разнообразен. В него входят следующие виды документов: писцовый наказ, указные грамоты, списки с частных актов (купчих, меновных, духовных, раздельных и др.), спорные дела, разбиравшиеся писцами на местах, приправочная книга Василия Самарина 1620 г., книга сбора пошлин с судебных дел, книга сбора оброчных денег, а также черновая писцовая книга (тетради).

С.Б.Веселовский в своей монографии "Сожное письмо", писал, что дела писцов "представляют источник первостепенной важности для выявления истории и состава писцовых книг"³⁸. Остановившаяся на архиве писцов Усольско о (Сольвычегодского) уезда автор приводит перечень известных ему дел из архива писцов Парфенья Мансурова и Василия Архипова, и добавляет, что в будущем может удастся найти больше дел, чем он видел³⁹. И действительно, при

более детальном просмотре описей и дел, хранящихся в ЦГАДА, особенно при их переописании, дополнительно было выявлено значительное количество материалов, относящихся к интересовавшему нас архиву⁴⁰.

Анализ документов из архива писцов 1623-1626 гг. с привлечением материалов Устюжской четверти, отложившихся в ходе самого описания еще до сдачи в нее писцового архива (челобитных населения, отписок писцов) позволяют сделать ряд интересных наблюдений как по истории составления самих писцовых книг, так и по разным вопросам земле-владения и землепользования в Поморье в первой четверти ХУП в.

I В 1557 и 1565 гг. уезд описывали устюжский писец Юрий Иванов Александров-Самсонов. Об этом свидетельствуют источники ЦГАДА. Ф. 141. Д. 3 за 1592 г. Л. 122; Д. 16 за 1624 г. Л. II, 26; РИБ. XII. С. 579. Около 1568 г. описывал уезд устюжский писец Иван Иванович Гундоров и Гаврила Васильевич Северицын. См.: ЦГАДА. Ф. 141. Д. 2 за 1505 г. Л. 188, 192, 341; Д. 3 за 1592 г. Л. 50; Д. 29 за 1589 г. Л. 3. До 1586 г. Алексинский стан Усольского уезда описывал Иван Вадобельский. См.: ЦГАДА. Ф. 141. за 1632 г. Л. 80, 291. В 1568-83 гг. уезд писали писцы Афанасий Иванович Вельяминов и дьяк Иван Григорьевич. Известны две сотные с их писцовых книг, челобитная о выдаче сотной и данная на землю. 1586 г. Сотная на вотчину вологодского архиепископа в Вилегодской волости Усольского уезда. (См.: Шумаков С.А. Сольвычегодские сотницы. М., 1905. № II. С. 8-10). 1586 г. Сотная на землю Коряжемского монастыря в Усольском уезде. З.В. Дмитриева см.: Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. Л. 179-191. 30 марта 1587 г. Челобитная игумена Коряжемского монастыря о выдаче сотной с писцовых книг: Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. С. 178. 1586 г. Данная усольского писца Афанасия Вельяминова церкви Рождества в Соли Вычегодской на дворовое место на посаде (ЦГАДА. Ф. 159. Оп. I. Д. 1025). Кроме того, упоминается об этом дозоре встречаются в следующих источниках: ЦГАДА. Ф. 141. Д. 2 за 1505 г. Л. 188; Д. 29 за 1589 г. Л. 31; Д. 1 за 1604 г. Л. 25-26; Д. 16 за 1624 г. Л. II; Д. 30 за 1627 г. Л. 148, Ф. 159. Оп. I. Д. 530. Л. 161; Ф. 159. Оп. I. Д. 968; Ф. 137. Кр. 10 по Устюгу. Л. 254-260; ААЭ. Т. I. № 343. В 1599-1600 гг. дозор уезде проводил Иван Андреевич Сабуров и подьячий Иван Болотников. Сохранился список с оброчной грамоты 1600 г.,

- данной писцом И.А. Сабуровым Авдею Паламошному на сенокосный луг в Онтропьеве слободе (ЦГАДА. Ф. 141. Д. 45 за 1626 г. Л. 79). Упоминания об этом дозоре см.: ЦГАДА. Ф. 141. Д. 2 за 1505 г. Л. 174; Д. 1 за 1526 г. Л. 42; Д. 1 за 1554 г. Л. 25; Д. 3 за 1592 г. Л. 15; Д. 16 за 1624 г. Л. 25; Ф. 159. Оп. 1. Д. 530. Л. 14. После И. Болотникова посад Соли Вычегодской дозировал кн. Григорий Гагарин (Гогарин). Упоминание об этом дозоре имеется: ЦГАДА. Ф. 141. Д. 16 за 1624 г. Л. 2; Ф. 157. Кн. 10 по Устюгу Великому. Л. 254.
- 2 ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 530. Л. 19; Ф. 137. Кн. 10 по Устюгу Великому. Л. 254-260, 324-325 об., 326-327.
 - 3 ЦГАДА. Ф. 137. Кн. 10 по Устюгу Великому. Л. 254-260.
 - 4 Там же. Л. 324-325 об.
 - 5 Там же. Л. 326-331.
 - 6 ЦГАДА. Ф. 141. Д. 45 за 1626 г. Л. 12.
 - 7 Там же. Д. 2 за 1505 г. Л. 54.
 - 8 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 89-92.
 - 9 Там же. Л. 30.
 - 10 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 51-57.
 - 11 Там же. Л. 41.
 - 12 Там же. Л. 69-71.
 - 13 Там же. Л. 69.
 - 14 Там же. Л. 70-71.
 - 15 Там же. Л. 43.
 - 16 Там же. Л. 71.
 - 17 Там же. Д. 4 за 1624 г. Л. 1.
 - 18 Там же. Д. 45 за 1626 г. Л. 30.
 - 19 Там же. Д. 2 за 1505 г. Л. 14.
 - 20 Там же. Д. 1 за 1526 г. Л. 19.
 - 21 Там же. Д. 29 за 1589 г. Л. 58.
 - 22 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 33.
 - 23 Там же. Л. 49-50.
 - 24 Там же. Д. 16 за 1624 г. Л. 1.
 - 25 Там же. Д. 76 за 1627 г. Л. 107.
 - 26 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 36.
 - 27 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 32.
 - 28 Там же. Д. 1 за 1626 г. Л. 12-13.
 - 29 Там же. Д. 14 за 1624 г. Л. 78-80.

- 30 Книги приравочные Сольвычегодского посада и Усольско-го уезда с черных волостей и монастырских вотчинных деревень с Васильева письма и дозору Семеновича Самарина и подьячего Семена Осокина, каксы даны Парфенью Микифоровичу Мансурову и подьячему Василию Архипову. Скрепя Михаила Смывалова. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 15039.
- 31 До нас дошло несколько очень ветхих тетрадей черново-го описания Сольвычегодского уезда писцов Иваном Благо-во и подьячего Василия Архипова, которые недавно об-наружены среди необработанных материалов ЦГАДА. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Ч. 3. Д. 263/91.
- 32 ЦГАДА. Ф. 141. Д. 14 за 1624 г. Л. 47.
- 33 ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 15039. Приправочная. Л. 639 об.; Оп. I. Ч. 3. Д. 268/91. Черновик. Л. 24; Оп. I. Кн. 446. Беловик. Л. 763.
- 34 ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Ч. 3. Д. 268/91. Черновик. Л. 25 об.; Кн. 446. Беловик. Л. 756.
- 35 ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 15039. Приправочная. Л. 675. Ч. 3. Д. 268/91. Черновик. Л. 13; Кн. 446. Беловик. Л. 735.
- 36 "Книга Парфенья Мансурова, Ивана Благово и Василия Архипова. Подлинная писцовая книга города и его поса-да, и земель черных и тяглых деревень, оброчных, архи-ерейских, монастырских, церковных и Ивана и Максима Строгановых во всех станах" (ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 446. Писцовая книга Сольвычегодского уезда 1623-1626 гг. в свою очередь послужила в качестве припра-вочной писцам, описывавшим уезд в 1645 г. По-видимому, в 1644 г. для предполагаемого нового описания с нее был изготовлен список, скрепленный дяком Устюжской четверти Миной Грязевым и справленный подьячим того же приказа Львом Нестеровым. Имея эту книгу (Ф. 1209. Оп. I. Кн. 446, 452) на руках писцы Сольвычегодского уезда Борис Приклонский и подьячий Осип Трофимов в своих итогах по волости провели сравнение своего опи-сания с данными описания 1623-1626 гг. (Ф. 141. Д. 25 за 1625 г. Л. 108). Таким образом, осуществлялась пре-мственность между описаниями 20-х и 40-х гг. ХУП в.
- 37 ЦГАДА. Ф. 141. Д. 66 за 1652 г. Л. 129-143.
- 38 Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. П. С. 564.
- 39 Ф. 141. Приказные дела старых лет. Д. 3-5 за 1594 г.; Д. 4 за 1579 г.; Д. 1 за 1604 г.; Д. 4 за 1624 г.; Д. 25, 45 за 1626 г.; Ф. 159. Оп. I. Приказные дела новой разборки. Д. 530.
- 40 Ф. 141. Д. 2 за 1505 г.; Д. 1 за 1526 г.; Д. 1 за 1554 г.; Д. 1 за 1557 г.; Д. 29 за 1589 г.; Д. 3 за 1592 г.; Д. 3 за 1618 г.; Д. 13, 14, 15, 23 за 1623 г.; Д. 4, 8, 11, 16, 20 за 1624 г.; Д. 23, 24, 25 за 1625 г.; Д. 1, 25 за 1626 г.; Д. 12 за 1627 г.; Ф. 137. Кн. 277 по Устюгу Великому.

ИСТОЧНИКИ О НОВИЧНОМ ВЕРСТАНИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ХУП ВЕКА

Учет новиков в конце ХУІ – первой половине ХУІІ в. был непростой проблемой для Разрядного приказа. Прошло всего лишь несколько лет после общего верстания новиков в 1596 г. и в 15-летний возраст, с которого начиналась служба уездных дворян и детей боярских, вступили недоросли, родившиеся после Ливонской войны. Среди них были те, кто служил "с отцова поместья" и – беспоместные. Такие дети боярские, выходявшие на службу, не дожидаясь верстания поместными и денежными окладами, получали название "служилых новиков". Другие же "неслужилые новики", являлись только на объявленные смотры и верстания. При распределении земли между старшим и молодым поколениями служилых людей особенно сложные ситуации складывались в больших семьях. С одной стороны, правительство было заинтересовано в поступлении на службу все новых и новых детей боярских, с другой – нельзя было бесконечно дробить между ними на доли и жеребья отцовские поместья, составлявшие основу для "подъема" на службу. Конгломерат проблем, связанных с учетом интересов тысячечк дворянских масс вплотную встал перед российским государственным аппаратом накануне "смутного времени" и стал тем оселком, на котором в эпоху последовавших бурных потрясений "смуты" была проверена прочность и гибкость сложившейся системы единого государства.

Настоящая работа посвящена изучению вопросов, связанных с проблемой функционирования "служилых городов" в первой половине ХУІІ в. В ней рассматривается периодичность верстания поместными и денежными окладами служилых и неслужилых новиков, место специально организованных новичных верстаний в правительственной политике по отношению к провинциальному дворянству в годы "смутного време-

ни" и после него.

Сведения о верстании поместными и денежными окладами недорослей из провинциальных дворянских семей до начала ХУП в. скудны и отрывочны из-за утраты источников. Практика общегосударственных верстаний новиков поместными окладами, с последующим назначением им денежных окладов сложилась уже в 70-80-е гг. ХУІ в.¹ Однако известна всего одна подобная, сохранившаяся, к тому же в копии, десятина 1596 г.²

В начале ХУП в. назначение окладов новикам происходило отдельно по каждому служилому "городу" (или их группе, тяготевшей к одному крупному географическому центру, например, Новгороду, Рязани, Ярославлю). Первое такое верстание было проведено по многим "городам" и уездам в конце царствования Бориса Годунова и при Лжедмитрии I в 1604-1606 гг.³ Порядок его проведения раскрывают сохранившиеся документы о назначении в июне 1604 г. в Смоленске поместных и денежных окладов смоленским и рославльским новикам. Согласно государеву наказу воеводам боярину кн. В.К.Черкасскому и Т.В.Грязнову, дьяку В.Янову предписывалось, сказав государеву "жалованье" новикам, выбрать для верстания окладчиков "лутчих" дворян и детей боярских, тех, кто уже имел опыт такой службы при проведении разборов и раздач денежного жалованья. От окладчиков, в первую очередь требовали правдивых сказок о новиках, сообщение же недостоверных сведений каралось вплоть до смертной казни: "а окладчиком сказати ичянно, - читаем в наказе воеводам, - кто пачему покроет для дружбы или на ково хто сужет для недружбы и тем окладчиком быти казненным смертию"⁴.

Сопоставление наказов верстальщикам 1596 и 1604 гг. показывает, что одной из важных забот правительства было недопущение в состав служилых "городов" людей, не связанных родственными узами с дворянами и детьми боярскими. В новичной десятине 1596 г. предлагалось поверстать "от отцов дете" и от братьев братья, и от дядей племянников"⁵.

В смоленской же десятне 1604 г. приведен уже обширный за-
прещающий перечень: "и всяких холопей, и стре. д з, и ка-
заков, и крестьянских, и стрелецких, и казацких и кресть-
янских детей и всяких неслужилых отцов детей одноконечно
не верстать"⁶. Следовательно, ко времени "смуты" можно
считать вполне оформленным требование сословной и корпо-
ративной обособленности дворянства.

Основными источниками о верстании новиков в период
после 1604 г. до первых лет царствования Михаила Романо-
ва являются "сыскные" списки и десяти. В это время в
результате раскола общества на противоборствующие поли-
тические группировки, родовые кланы и, даже, целые обла-
сти, поддерживавшие Василия Шуйского или Лжедмитрия II,
прежняя система учета служилых "городов" не могла функци-
онировать нормально. Помимо чрезвычайных условий, связан-
ных со слабостью власти царя Василия Шуйского, необходимо
учесть и катастрофу, московских архивов 1611 г. - пожар во
время "московского разоренья", уничтоживший многие учет-
ные документ. Особенностью "сыска" списков и десяти
служилых людей, организованного в 1614-1616 гг., стало об-
ращение к частным лицам - воеводам, проводившим разборы,
верстания и раздачи денежного жалованья, возглавлявшим
полки из дворянских сотен. Наряду с поиском сохранивших-
ся после пожара документов в архиве Разрядного приказа,
"сыскные" списки и десяти, полученные от воевод, сохра-
нявших подлинники и черновики служебных документов, поз-
волили правительству Михаила Романова получить хотя бы
приблизительное представление о размерах окладов дворян
и детей боярских некоторых "городов". В сохранившихся ис-
точниках находим перечни новиков 1608 и 1610 гг. Особен-
но интересно уникальное свидетельство костромского спис-
ка 1612 г. о верстании новиков непосредственно в ополче-
нии Д.М.Пожарского и К.Минина⁷. Трудно сказать, насколь-
ко распространенной в "смутное время" была практика вер-
станий новиков прямо в полках. Но учитывая то, что с 1608
по 1613 г. не проводилось специальных разборов и раздач

денежного жалованья "городам", у молодых поколений дворян мало оставалось других возможностей получить поместные и денежные оклады.

Из февральского 1622 г. указа о так называемом "большом сыске" поместных и денежных окладов узнаем также о недостатках организованного в начале царствования Михаила Федоровича сыска окладов служилых людей разных чинов, основанного на их сказках: "а иные при царе Василье были г не верстаны, а они сказали, что верстаны; а иных многих чинов люди бы и в Тушине, а поместья им и денежные оклады справлены ложью, что им будто было при царе Василье"⁸.

Наряду с восстановлением съездений о прежних верстанях перед правительством Михаила Федоровича стояла и другая задача—организации верстания поспевших в службу новиков, родившихся до 1598 г. По-прежнему из-за отсутствия денег в казне, в условиях продолжения военных действий с Польшей и Швецией, казацких восстаний не проводилось никаких разборов и раздач денежного жалованья служилым "городам". Разрядный приказ мог осуществлять только временные меры локального сыска старых и назначения новых поместных и денежных окладов. В десятиях служилых "городов" Замосковского края, впервые составленных в царствование Михаила Федоровича в 1617-1618 гг., имена новиков записаны, например, в следующем разделе: "Новики, верстаны на Москве во 123-м, и во 124-м, и во 125-м году"⁹. Для проведения этих верстаний, как свидетельствовали документы, разысканные в Разрядном приказе в связи с организацией новичного верстания по всем "городам" Русского государства в 1628 г., были выделены специальные воеводы в чине окольничего, однако никаких наказов, расписывавших порядок назначения окладов, им не было дано. Так было, по крайней мере, до 1619 г.: "А после московского розоренья с 122-го году в розных годах до 127 году верстали на Москве новиков поместными и денежными окладами окольничей Федор Головин, да диак Посник Парфеньев. А после того верстали на Москве новиков окольничей князь Григорей Волконской, да диак Михаило Ту-

хин. А после того верстали на Москве новиков окольных Микита Пушкин, да дьяк Богдан Поздеев". А из Разряда скольныхчим и дьяком, как они в тех годах новиков верстали государевы наказы о верстанье и статейных росписей в каковы статьи верстали им служилых и неслужилых новиков не давано"¹⁰.

Многие вопросы, связанные с верстанием новиков удалось разрешить в ходе составления разборных десятен и большого сыска поместных и денежных окладов, охвативших в 1622 г., практически, все дьярянские "города" Русского государства. Согласно наказу воеводам, проводившим разбор, при верстании новиков учитывались размеры принадлежавших им поместий и вотчин, а также служба отцов ("смотря по поместьям и вотчинам, как кому мочно служить, так же как было быть отцу его на службу"¹¹). Последнее положение еще более укрепляло принцип наследственности службы детей боярских, ставя прочный заслон проникновению в "город" представителей других слоев общества. Кроме того, правительство заблтилось, чтобы охватить разбором и верстанием в 1622 г. как можно больше детей боярских, иногда уклонявшихся от службы по причине разорения в "смутное время". Поэтому предполагалось в ближайшие после проведения разбора годы прекратить верстание новиков и набор их в службу: "А том им сказывати всем дьярянном и детям боярским: кто к нынешнему разбору не будет и у смотру в списке не объявитца, и тем вперед верстанья не будет и в службу их не возмут"¹². Просмотр ближайших к этому разбору по времени составления служилых списков и десятен разных "городов" показывает, что угроза правительства оправдалась. Понадобился даже специальный государев указ о том, чтобы неверстанным в 1622 г. детям боярским, получавшим отцовские прожиточные поместья, разрешить по их челобитью служить "з города"¹³. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить единичные упоминания о верстаньях новиков в 1622-1623 гг. в Разрядном приказе и полках.

Размеры окладов, назначавшихся новикам на разборе

1622 г. не были одинаковы для всех "городов" Русского государства. В большинстве из них, в том числе во всех дворянских корпорациях Замосковского края величина поместных и денежных окладов была следующей: у служилых новиков I статьи - 350 четвертей поместной земли и 12 рублей "денег с городом" 2 - 300 четв. и 10 руб., 3 - 250 четв., 8 руб., 4 - 200 четв., 7 руб., 5 - 150 четв., 6 руб.; у неслужилых новиков, соответственно, I статьи - 300 четв., 10 руб., 2 - 250 четв., 8 руб., 3 - 200 четв., 7 руб., 150 четв., 6 руб., 100 четв., 5 руб.¹⁴ В "городах" юга Русского государства, например, Орле, Новосиля, Черни эти оклады были меньше из-за своеобразного социального состава южных детей боярских, со временем переставших входить в дворянское сословие и превратившихся в крестьян-однодворцев¹⁵.

К сожалению, материалы разборных десятен 1622 г. и сведения о поверстанных в этом году новиках во многом утрачены в результате большого пожара в Москве в мае 1626 г. Большая работа по учету дворянских корпораций и состава их молодого поколения, ведшаяся в Разрядном приказе с 1613 г. путем "сыска" десятен и списков, поместных и денежных окладов, организации верстаний и разбора, обратилась в прах. В известном смысле разрядным дьякам приходилось восстанавливать все с нуля, опираясь на крупницы сведений из уцелевших документов и сохранявшуюся в памяти обычную практику. Поначалу была сделана попытка восстановить разборные десятины 1622 г. по черновым разборным спискам и копиям, хранившимся у воевод, проводивших смотры или в съезжих (приказных) избах разных уездных центров. Как и 10-13 лет назад "сыскные" списки и десятины, восстановленные в 1626 г. разборные десятины составили лишь небольшую часть когда-то существовавшего корпуса документов и не могли удовлетворять нуждам тотального учета служебного и имущественного положения каждого провинциального сына боярского, вплоть до только поступающих в службу недорослей.

Постановка задачи учета состава и верстания новиков

даже опережала другие мероприятия правительства по составлению новых разборных десятен, что, видимо, свидетельствует о значимости для него обеспечения преемственности при поступлении на службу детей боярских. В ноябре 1627 г. последовал государев указ о верстании новиков¹⁶. Для проведения этого мероприятия была создана комиссия во главе с боярином кн. Ю.Я. Сулешевым. Целью ее было верстание в Москве новиков из всех "городов" ранее записанных в разборных десятнях 1622 г. в "недорослях". Для предотвращения фальсификаций при назначении окладов отменялись все верстания, проведенные воеводами в полках с 1622 по 1628 г. ("и то воеводское верстанье, не в верстанье")¹⁷. В Разрядном приказе был организован поиск материалов прежних верстаний новиков, особенно на разборе 1622 г., на который и было указано ориентироваться кн. Ю.Я. Сулешеву при назначении окладов новикам. Подтверждалось, что как и ранее нельзя было верстать окладами "неслужилых отцов детей и холопей боярских"¹⁸. Оговаривалось, со ссылкой на специальный государев указ, и то, чтобы записывать новиков исключительно в городовые дети боярские, а не сразу в выборные дворяне или дворовый список уездной корпорации: "а по выбору и по дворовому списку некоторых городов новиков в десятни им своего верстанья без государева указа писати не велети, потому что по государеву указу в выбор и в дворовой список велено писати в Розряде сыскивая по родству и которые государеву службу служат давно"¹⁹.

Перед кн. Ю.Я. Сулешевым была поставлена большая задача поверстать, расспросить окладчиков о многих сотнях недорослей. В течении зимы он, вместе со своей комиссией успел назначить оклады 294 новикам. Но в это время в Москве стали скапливаться уже тысячи людей, приехавших для верстания и ожидавших своей очереди. Известно их точное число: всего к весне 1628 г. оставалось неверстанными 1762 человека из 62 городов. В связи с этим "для поспешенья" 12 марта 1628 г. была создана еще одна комиссия верстальщиков во главе с другим боярином кн. Д.М. Пожарским, в

ведение которому были переданы, в основном ижные "города"²⁰. Но и это удовлетворило не всех. В Москву пошли коллективные дворянские челобитные от ливенского, белевского и других "городов" о верстании новиков на местах. Требование это было вполне справедливым, так как отдаленность этих "городов" от Москвы создавала представителям названных уездных корпораций дополнительные неудобства, по сравнению с новиками из замосковных уездов²¹.

До недавнего времени о верстании новиков всех "городов" в 136 г. (1627) было известно лишь из публикации А.Н.Зерцалова. Он также указал новичные десятины, составленные Д.М.Пожарским по 36 городам (Серпейск, Козельск, Алексин, Серпухов, Таруса, Мещера, Воротынский, Мещевск, Брянск, Невгородок-Северский, Чернигов, Стародуб, Почеп, Рославль, Рыльск, Путивль, Можайск, Ярославец-Малой, Боровск, Веня, Медынь, Плова и Солова, Мценск, Крачев, Орел, Рязк, Курск, Елец, Одоев, Белев, Болхов, Чернь, Новосиль, Лебедянь, Белгород и Оскол), Ф.В.Клепиковым-Бутурлиным (Ливны) и Г.Арущовым (Лебедянь). Сейчас к уже известным, опубликованным А.Н. Зерцаловым материалам записей "приездов" новиков и окладчиков в Москву зимой 1627/1628 г. можно добавить и сохранившуюся в списке ХУ в. новичную десятину верстания боярина кн. Ю.Я.Сулешева²². В совокупности эти источники дают полное представление о порядке проведения разбора и назначения окладов недорослям из замосковных городов и содержит имена новиков 1628 г. из Ростова, Костромы, Галича, Помехонья, Смоленска, Белой, Вязьмы, Дорогобужа, Торопца, Ржевы Володимировны, Ржевы Пустой, Торжка, Твери, Старицы, Зубцова, Бежецкого Верха, Углича, Кашина, Клина и Дмитрова.

Спустя два года верстание новиков этих же самых "городов" было повторено в Москве, но теперь главным воеводою, проводившим разбор стал окольный А.В.Измайлов. Изменился и состав уездных корпораций, к ним добавились пропустившие, по каким-то причинам верстание 136 г. "города" Ярославль и Вологда²³. Верстание окладами новиков в 1630/

31 г. совпало по времени с проведением нового разбора всех уездных корпораций Русского государства²⁴; назначение окладов отдельно одним новикам, начатое А.В.Измайловым и продолженное другим окольниковичим кн. С.В.Прозоровским было дополнено общим разбором провинциальных дворян и детей боярских. Имена новиков 138 и 139 гг. поэтому можно найти, как в десяти новичного верстанья А.В.Измайлова, так и в разборных списках и десятиях 1631 г. по разным "городам".

Массовое верстанье новиков разных "городов" возобновилось после Смоленской войны 1632-1634 гг. Все новичные десятии второй половины 30-х - 40-х гг. ХУП в. объединены в настоящее время в один сборник, получивший в Разрядном приказе следующий заголовок: "Десятии новиков детей боярских розных городов верстанья на Москве и в городех со 137 году по нынешней по 155 год"²⁵. Основное место в этой рукописи занимают три десятии, указанные в росписи содержания сборника 1647 г.;

"Розных городов верстанья на Москве в Ямском приказе боярина князя Ондreja Васильевича Хилкова, дьяков Федора Опраксина, да Василья Яковлева со 143 по 144 год...

Розных городов верстанья на Москве в Ямском приказе окольниковичего князя Семена Васильевича Прозоровского, дьяков Василья Яковлева, да Микифора Демидова 150 году...

Розных городов верстанья на Москве на казенном дворе боярина князя Федора Семеновича Куракина, дьяка Петра Михайлова 154 году..."²⁶

Изучение предисловия к первой из указанных в этой росписи десятии позволяет исправить ошибку подьячих Разрядного приказа неверно указавших время ее создания. В начале десятии читаем сведения об указе 8 марта 1635 г. боярину кн. А.В.Хилкову о верстаньи служилых и неслужилых новиков "против указных статей 139 году", то есть по статьям разбора 1630/1631 гг. Не далее сказано, что составленные им десятии новиков, поверстанных до 1 декабря 1636 г. уже были отосланы в Разрядный приказ (в настоя-

щее время эта десятина не разнскана). В рассматриваемом же сборнике десятен сохранился документ, составленный тем же воеводою в следующие три года до 1 декабря 1639 г.: "И кто имян новики декабря с 1-го числа прошлого 145-го году декабря же по 1 число нынешняго 148-го году государевым жалованьем поместными и денежными оклады по окладчиковым скаскам в которые статьи поверстаны, и то писано в сей десятине по городом порознь по статьям"²⁷.

Назначение специального воеводы и приказа для верстания новиков примерно раз в три года в 1635-1636, 1636-1639, 1639-1642, 1642-1645 сняло остроту проблемы назначения окладов поспевавшим в службу недорослям. Показательно, что в коллективных дворянских челобитных 30-40-х гг. XVII в. не встречается предложений об изменении такого порядка, видимо, он устраивал "города" или находились более насущные проблемы для решения которых в это время не раз объединялось уездное дворянство.

Новичные десятины 30-40-х гг. XVII в. обладают определенной спецификой, повышающей их информативную отдачу. Дело в том, что после разбора 1631 г. и раздачи жалованья на службу в годы Смоленской войны, практика общегосударственных разборов и проведения смотров всех "городов" прекратилась. В этих условиях новичные десятины приобретали значение разборных. Воеводы, проводившие верстание, на основании сказок окладчиков не только назначали поместье и денежные оклады новикам, но и записывали в десятины сведения о характере службы их отцов, о количестве земли, крестьян и холопов, находившихся во владении дворянского недоросля и, главное, сообщали сведения о вооружении и людях, с которыми он должен был выходить в военный поход. Сведения о том "кто в которую статью пригодитца и каков кто будет на государеве службе конен и люден и оружен"²⁸ соответствовали формуляру разборных десятен 1630/1631 гг.

Очередное верстание новиков состоялось уже по отдаленным "городам" во время проведения общего разбора уездных

корпораций в 1649 г.²⁹ Размеры назначавшихся поместных и денежных окладов оставались при этом неизменными, как и на предыдущих разборах и верстаниях.

Подведем итоги. Последовательное изучение источников о верстании новиков, по мере их создания и использования в делопроизводстве Разрядного приказа, позволяет прочертить абрис правительственной политики в этом важнейшем для функционирования дворянских корпораций вопросе. Как показывает собранный материал о периодичности верстания новиков в Русском государстве в первой половине ХУП в. московское правительство вело постоянный учет недорослей, контролировало назначение им поместных и денежных окладов. Это и не удивительно потому что именно это молодое уездное дворянство обеспечивало преемственность полковой службы. У правительства было немало средств, чтобы отмулировать поступление на службу недорослей. Это и сословное обособление дворян от "неслужилых людей", назначение более высоких окладов "служилым" новикам, зависимость наследования поместья от отца к сыну от службы в полках сотенного строя. Однако в рассматриваемый период времени Разрядному приказу пришлось столкнуться со многими трудностями учета личного состава новиков, вызванными потрясениями "смутного времени", утратами новичных десяти в пожарах 1611 и 1626 гг. Важнейшими источниками о верстании новиков являются во-первых, специальные новичные десяти, составлявшиеся одновременно по всем "городам" в 1597 и 1628 гг. С ними сопоставимы по значению и охвату уездных корпораций общерусские разборы дворян, детей боярских и новиков 1622, 1630/1631 и 1649 гг. Во-вторых, кроме этого динамику верстаний по отдельным служилым корпорациям можно проследить по сыскным десятиям и спискам 10-х гг. ХУП в. и материалам новичных десяти, составлявшихся раз в три года боярином или окольным, ведшим в Москве назначением поместных и денежных окладов недорослям в 30-40-е гг. ХУП в.

- 1 См.: Кротов М.Г. К истории составления десятен (вторая половина XVI в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 69.
- 2 Десяти новиков, поверстанных в 1596 году. Публ. Н.П. Дихачева // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Вып. Ш. С. 113-209. Рукопись, по которой сделана публикация десяти хранится в настоящее время в ЦГАДА (Ф. 181. Коллекция рукописей МГАМИД. № 120. 88 л.).
- 3 См. записи с посылке воевод для верстания в разрядных книгах: Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. М., 1907. С. 6.
- 4 ЦГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 116. Л. 4. Упоминание о верстании новиков в Смоленске в 1604 г. введено в научный оборот А.Н. Зерцаловым по хранящейся в МАМЮ кн. 16 Сибирского приказа, десяти этого верстания неизвестны. См.: Зерцалов А.Н. О верстании новиков всех городов 7136 года // ЧОИИР. 1895. Кн. 4. С. 2-3.
- 5 ЦГАДА. Ф. 181. № 120. Л. 1.
- 6 ЦГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 116. Л. 9.
- 7 ОР ИРБ. Эрмитажное собрание рукописей. № 394; ЦГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 1. Л. 6.
- 8 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века. Тексты. (Подг. текста Р.Б. Мюллер.) Л., 1986. № 117. С. III.
- 9 ЦГАДА. Ф. 210. Дела десятен. № 266. Л. 28.
- 10 ЦГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 116. Л. 14.
- 11 Законодательные акты Русского государства... № 113. О. 109.
- 12 Там же. Ср.: Книги разрядные по официальным онх' спискам, изданные II Отделением собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 797.
- 13 "В Розряде в государеве указе написано. После розбору 130-го году дети боярские розных городов, верстаные и неверстаные, за которыми неверстаными прожиточные поместья, которые у розбору не были, а были челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, чтоб им съ их поместей государева служба служить, и тем детям боярским, которые у розбору не были, по их чалобитью съ их поместей государева служба служить велено з города" (Законодательные акты Русского государства... № 114. С. 110).
- 14 ЦГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 116. Л. 21, 38-49.
- 15 Там же. Л. 38-49. См.: Важинский В.М. Землевладение и

- складывание общины однодворцев в ХУП веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.
- 16 См.: Зерцалов А.Н. О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 1.
 - 17 ЦГАДА. Ф. 210. Севский стол. Столбцы. Д. 116. Л. 24.
 - 18 Там же. Л. 28.
 - 19 Там же. Л. 37. Ср.: Зерцалов А.Н. О верстании новиков... С. 9.
 - 20 Там же. Л. 68. и сл.
 - 21 Там же. Л. 120. 160, 215, 226.
 - 22 См.: Зерцалов А.Н. О верстании новиков... С. 10-11; ОР ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание рукописей. № 343/6: "Десятня 7136-го розбору боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева, да князя Луки Осиповича Щербатого, да дьяка Микифора Шипулина розных городов. А подлинная такова десятня в Разряде за приписью дьяка Микифора Шипулина" (заголовок десятни в начале рукописи на безномерном листе). Эта копия имеет самостоятельное значение, потому что по компетентному свидетельству А.Н. Зерцалова "верстальных десятен кн. Юрья Яншеевича Сулешева 136 г. ... в А/рхиве/ М/инистерства/ Ю/стиции/ не сохранилось", См.: Зерцалов А.Н. О верстании новиков... С. 19.
 - 23 ОР ГПБ. Эрмитажное собрание рукописей. № 343/4.
 - 24 См. подробнее: Козляков В.Н. Десятни, "сыскные" и подлинные" списки городских служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины ХУП века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 70-72.
 - 25 ЦГАДА. Ф. 210. Дела десятен. № 299.
 - 26 Там же. Л. 1-4.
 - 27 Там же. Л. 29.
 - 28 Там же. Л. 25.
 - 29 Имена новиков, поверстанных окладами в 1649 г. были включены не в специальные верстальные десятни, как ранее, а непосредственно в разборные десятни. В случае утраты разборных десятен, список новиков можно восстановить по составившимся разборщиками верстальным спискам. См. напр. подобный документ по Ярославскому служилому "городу": ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы разных столов. № 118.

Сколо 1628 г. — Крестоцеловальная запись (присяга) новиков при поступлении в службу.

(л. 220) Список з записи привести ко кресту новиков розных городов детей боярских.

Яз имярек.

Целую крест Господень государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и его благоверной царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и их царским детям государю царевичю князю Алексею Михайловичю и государю царевичю князю Ивану Михайловичю и царевне и великой княжне Ирине Михайловне, и царевне и великой княжне Анне Михайловне, и царевне и великой княжне Татьяне Михайловне и которых детей им государем впредь Бог даст./И на/ то/м/ служить мне государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю и ево царского величества детям, государю царевичю князю Алексею Михайловичю, и государю царевичю князю Ивану Михайловичю, и прямити, и добра хотети во всем вправду, безо всякие хитрости и их государьского здоровья (л. 221) мне во всем оберегати и никакоша лиха им государем не мыслити, и опричь государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и его царского величества детей государя царевича князя Алексея Михайловича и государя царевича князя Ивана Михайловича на Владимирское и на Московское царство и на все великие государства Росиского царствия иново государя из иных государств литовского и немецкого королем и королевичем, из розных земель царем и царевичем и из русских родов никою не хотети и государства под ними Государи не подыскивати.

А где уведая или услышу на государя своего царя и великого князя Михаила Федорсвича всеа Руссии и на его благоверную царицу и великую княгину Евдокею Лукьяновну и на их благородные дети на государя царевича князя Алексея Михайловича, и на государя царевича князя Ивана Миха-

иловича, и на царевну и великую княжну Ирину, и на царевну — великую княжну Анну, и на царевну и великую княжну Татьяну в каких людех скоп и заговор или иной какой злои умысл и мне за государя своего... (л. 222) с теми людьми битися и будет мочно (неразб.) и мне их переимав привести к государю. А будет за которыми мерами тех людей поимать не мочно и мне про тот скоп и заговор сказати государю или ево государевым бояром и ближним людям или в городех воево(л. 223)дам и приказным людям.

А где велит государь мне быти на своей государеве службе и мне, будучи на их государьской службе, им государем служить и с недругами их с крымскими и с нагайскими, и с литовскими, и с немецкими людьми битися за них государей своих не щадь головы своей, до смерти; и в Крым, и в Литву, и в Немцы, и в иные ни в которые государьства не отъехать и из города, и ис полков, и ис посылок без государева указу и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинуть, и с их государевыми изменники не ссылатися, и ни на какие прелести не прелеститца, и ни в чом мне государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и ево царьского величества детем государю царевичю князю Алексею Михайловичю и государю царевичю князю Ивану Михайловичю не изменити некоторыми делы и некоторою хитростию.

А хто не ста(л. 224)лет государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и его царьского величества детем государю царевичю князю Алексею Михайловичю и государю царевичю князю Ивану Михайловичю служить и прийти или хто учнет с изменники или с татары, или с литовскими и с немецкими людьми сылатца мне с теми людьми за государей своих и за их государство битися до смерти, а самому мне ни х какой измене и к воровству ни х какому, и ни х какой воровской прелести не приставать. А служить мне государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и его царьского величества детем государю царевичю князю Алексею Михайловичю, и государю царевичю

чю князю Ивану Михайловичю и прямити во всем по сему крестному целованью.

Так же мне самовольством и скопом и заговором ни на ково не приходити и никово не грабить и не побивати и никакова дурна никому не чинити. И посылкам во всяких делех сказывать против государского крестного целованья вправду, по своиству и по дружбе ни по ком не покрывати, а по недружбе ни на ково ложно не сказывати.

И во всем мне государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и его царского величества детем государю царевичю князю Олексею Михайловичю и государю царевичю князю Ивану Михайловичю служити и прямити и добра хотети безо всякие хитрости по сему крестному целованью.

Яз имярек. Целую сей светии и животворящи крест Господень на том на всем, как в сеи записи написано. По тому мне государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и его царского величества детем государю царевичю князю Олексею Михайловичю и государю царевичю Ивану Михайловичю служити и прямити и добра хотети во всем вправду, безо всякие хитрости и до своего живота по сему крестному целованью.

ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 116. Л. 220-225. Список.

ПОСОЛЬСКИЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХУП В.

(По материалам фонда сношений России с Голландией)

В литературе справедливо отмечено, что посольские дела принадлежат к числу наиболее важных источников по истории России периода образования и укрепления централизованного государства.

Для выявления значения посольских дел в кругу источников, несших русскому обществу ХУП в. информацию о Западе, необходимо изучение документов, сложившихся в Архиве Посольского приказа в ходе сношений с той или другой страной. Настоящая статья представляет собой попытку такого изучения почти не публиковавшихся до сих пор материалов фонда сношений России с Республикой Соединенных провинций (Голландией) в первой половине ХУП в.

Началом установления в полном объеме дипломатических сношений между Русским государством и Нидерландской республикой следует считать обмен специальными - из Гааги в Москву и из Москвы в Гаагу - посольствами, осуществленными в 1615 г.

За время с 1615 г. до конца 40-х гг. ХУП в. в Русском государстве побывали восемь нидерландских посольств: в 1615 г. - посольство посланника И.Массы, в 1615-1617 гг. - посла Р.фон Бродероде, в 1616-1617 гг., 1618 и 1624 гг. - посланника И.Массы, в 1630 г. - гонца Л.Кузорта, в 1630-1631 гг. послов А.К.фон-дэр-Бурга и Я.фон-Фельтдриля, в 1647-1648 гг. - гонца Ягана фон Горденсона и затем посла Альберта Бурга и его сына Конрада. За это же время Гаагу посетили пять русских посольств: в 1615 г. посольство посленников И.Кондырева и М.Неверова, в 1618 г. - посланника И.Баклановского, в 1631 г. - послов Г.Олябьева и Г.Ларионова, в 1645-1646 гг. - гонца М.Спиридонова, в 1646-1647 гг. - полномочных послов И.Милославского и И.Байбакова¹.

Экономическая помощь России должна была помочь Республике Соединенных провинций вести борьбу с габсбургской коалицией. Экономические связи, а также общность, в известной мере, внешнеполитических интересов обусловили русско-нидерландское сближение, которое нашло отражение в рассматриваемой дипломатической документации: просьба о принятии царем нидерландских штатов "в дружбу и союз" содержалась в грамоте, привезенной от них в Москву И.Массой в 1616 г.; подтверждение существующей между Гаагой и Москвой "дружбы и любви" являлось, согласно царской грамоте, одной из целей посольства И.Милославского и И.Байбакова 1646-1647 гг.

Первая официальная дипломатическая документация, поступившая в Москву из Гааги, имела одну очень любопытную особенность: помимо изложения вопросов, по поводу которых правительство Нидерландской республики обращалось к русскому царю, она содержала изложение сведений о самой республике. Так, уже в первой грамоте генеральных штатов Михаилу Федоровичу от 27 марта 1614 г., привезенной в Москву Ушаковым и Заборовским, вслед за поздравлением царя о восшествии на престол описывалось состояние Соединенных провинций их правление и торговля, и только после этого излагалась просьба о предоставлении голландским купцам "повольного торгова" в России, а также обещание оказать помощь против шведов и поляков ².

Еще информативнее материалы второго посольства И.Массы в Москву. Приехав в Москву осенью 1616 г., Масса по велению царя явился для переговоров в Посольский приказ к думному дьяку Петру Третьякову. Ему Масса устно объявил "статьи" -- поручения, с которыми его прислали голландские "владельцы" (так в делопроизводстве Посольского приказа часто назывались генеральные штаты) и "князь Маврициус" (штатгальтер Морис Оранский). Эти статьи содержали: 1) обещание штатов приложить все усилия для примирения шведского короля с царем, 2) просьбу принять штаты и "князя Маврициуса" в соединенье и докончанье, 3) просьбу раз-

решить голландским купцам торговать в России "повольно". Интересна мотивировка пожелания генеральных штатов о вступлении "в соединенье и докончанье" с московским царем: "Чтоб царское величество Маврициуса князя и галанских владетелей пожаловал, принял их в свою царскую милостивую ласку, в соединенье и в докончанье, также как их Галанская земля учинилася в соединенье и в докончанье с турецким царем и с аглинским и с францовским и с дацким королями и со всеми вольным" с семьдесят з двема города (Ганзейским союзом - Н.К.) против папы и против тех всех, которые в римской вере пребывают, а на стародавчюк греческую веру и на иудейскую веру посягают и хотят с папою вместе под свою латынскую веру привести³. Необходимость русско-нидерландского сближения мотивировалась, таким образом, угрозой воинствующего католицизма как Республике Соединенных провинций, так и России.

6 апреля 1617 г. И.Масса был принят царем и во время аудиенции подал ему грамоты от генеральных штатов и принца Морица Оранского, а также "письменные речи". Перевод последних, сохранившийся в делопроизводстве Посольского приказа, имеет следующий заголовок: "Перевод с письменных речей, что подал государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси нидерландской посланник Исаак Маса на посольстве 125 года апреля в 6 день." Содержание этого документа хорошо определено в ответе Михаила Федоровича, переданном через бояр И.Массе: "Отколе Нидерландская и Галанская земля и их города изначала почались, и под которыми государи подвластные были, и для чего и какими обычай против испанского короля войну вчали и как с ним войну вели и хто им помогает"⁴. И действительно "письменные речи" Массы представляли собой очерк истории Соединенных нидерландских провинций, начиная с раннего средневековья и кончая современностью. По поводу причин и характера войны с Испанией в нем, в частности, говорится, что после отказа от власти императора Карла V, он отдал часть своей державы, в том числе 17 нидерландских "книжеств"

(провинций - Н.К.), своему сыну Филиппу, королю испанскому, и тот послал в Нидерландскую землю "злых воевод", которые хотели ее разорить и отнять у нее вольность, и кроме того сгнем и мечем привести к римсксй вере. Нидерландцы стали сопротивляться и с помощью королей французского, английско-го, а также немецких князей вынудили испанского короля заключить мир на 12 лет (имеется в виду подписанное в 1609 г. сроком на 12 лет перемирие между Испанией и Нидерландской республикой - Н.К.). Но испанский король и римский папа не оставляют своих козней, и поэтому нидерландцы всегда должны держать наготове пятидесятитысячное войско для защиты своих окраинных городов, а на море - много воинских кораслей для охраны купеческих кораблей и рыболовов, так как богатство республике приносят торговля и рыболовство ⁵.

Подобного исторического очерка, рисующего историю страны - контрагента России, материалы посльств из других западно-европейских государств не содержат. Наличие его составляет особенность документации первых голландских посольств в Москву.

"Письменные речи" Массы, также как и некоторые другие материалы нидерландских посольств, сообщали о Нидерландской республике те сведения, которые ее власти считали необходимым довести до русских правящих кругов. В статейных же списках русских послов отдельные стороны жизни Соединенных провинций запечатлелись такими, какими их видели русские дипломаты.

Поскольку русские послы направлялись, с одной стороны, к генеральным штатам, а с другой - к штатгальтеру, постольку в статейных списках называются оба высших органа власти Соединенных провинций. Генеральные штаты, прерогативой которых являлись основное законодательства, решение общегосударственных вопросов и налогообложение, рисуются как коллегиальный орган. Его коллегиальность подчеркивалась неизменно отмечаемым в статейных списках порядком размещения членов генеральных штатов во время при-

ема русских послов: "статы" (так русские дипломаты называли членов генеральных штатов) располагались вокруг стола, "преседент" (президент, председательствующий) принимал грамоты у послов⁶. Исполнительная власть и в особенности военное командование принадлежали в Соединенных провинциях штатгальтерам. В первой половине XVII в. штатгальтеры из дома принцев Оранских добились значительного усиления своей власти, и она закрепилась за этим домом. В 1615 г., когда Гаагу посетило посольство Кондырева, должность штатгальтера занимал "князь Маврициус" — принц Мориц Оранский (1585—1625), которого сменил его брат "князь Индрик" — принц Фридрих-Генрих Оранский (1625—1647); он принимал М.Спиридонова в 1645 г. И.Милославского и И.Байбакова в 1646—1647 гг. Обычно штатгальтеры принимали и отпускали послов совместно с генеральными штатами. Но если штатгальтер в Гааге отсутствовал, то посла принимали одни генеральные штаты, а по возвращении штатгальтера — он (так было, например, с М.Спиридоновым).

О преемственном (*de facto*) характере власти штатгальтеров из дома Оранских говорит в частности, следующий штрих, зафиксированный в статейном списке И.Милославского и И.Байбакова: 26 октября 1646 г. русских послов, ожидавших аудиенции у генеральных штатов и штатгальтера Генриха Оранского, посетил "немчин", который сообщил, что "князь Индрик" из-за болезни не может быть на приеме, а вместо него будет его сын Вильгельм (последний рассматривался, таким образом, как заместитель своего отца). Действительно, после смерти Генриха Оранского, умершего в марте 1647 г., штатгальтером стал его сын Вильгельм II Оранский (1647—1650). Об этом событии в статейном списке Милославского и Байбакова записано, со слов переводчика, следующее: "... был де в сборе у всех стат Индрикуса князя сын принц Вилим и присягал им на том, что ему служить и против неприятелей их стоять. А статы де енералы учинили ево на отца место надо всеми ратными людьми енералом⁷". И хотя Вильгельм Оранский был назначен на должность штат-

гальтера формально генеральными штатами, переход этой должности к нему от отца был predetermined заранее. В статейном списке Милославского и Байбакова нашел отражение, таким образом, характерный для Республики Соединенных провинций 20-40-х гг. XVII в. процесс усиления власти штат-гальтеров, которую принцы из дома Оранских стремились превратить в монархическую.

Наиболее обстоятельные сведения о структуре республики Соединенных провинций, также как и о некоторых других аспектах ее государственно-политической жизни, содержит статейный список Милославского и Байбакова, что объяснялось, с одной стороны, длительностью пребывания в Гааге именно этих послов⁹, а с другой, присущей им, возможно, любознательностью. Во всяком случае интересующие нас сейчас сведения Милославский и Байбаков получили путем распросов "статов" во время застолья, устроенного последними в честь русских послов на посольском дворе. Русские дипломаты спрашивали: с какими государствами граничит Нидерландская земля, и как широка она и много ли имеет городов¹⁰.

На вопрос о границах "статы" ответили, что "граница Соединительных Нидерланд сошлася с испачским королем Брабанскою землею, да со французским королем, да с курфюрстом Бранденбургским¹¹". Эта запись требует комментариев. На юге Соединенные провинции действительно граничили с Брабантом, входившим в состав княжеских Нидерландов, принадлежавших Испании. С Францией территория Соединенных провинций не соприкасалась. Но в ходе Тридцатилетней войны, как раз в середине 40-х годов, в результате блестящих побед Тюренна, весь Рейнский Пфальц (входивший в состав Священной римской империи) оказался под властью французов, и таким образом последние подошли к границам Соединенных провинций. Именно этот момент отражен, очевидно, в словах, сказанных нидерландскими собеседниками русских послов: "граница Соединительных Нидерланд сошлася... со французским королем". Далее на север Соединенные провинции граничили с несколькими княжествами Священной римской импе-

рии, неназванными в занимающей нас записи. Что касается бранденбургского курфюрства, фигурирующего в ней в качестве соседа Соединенных провинций, то очевидно здесь русскими послами при записи беседы была допущена ошибка: территория курфюрства была расположена много восточнее и с Соединенными провинциями не соприкасалась.

На вторую часть вопроса Милославского и Байбакова — сколько широка она (Нидерландская республика — Н.К.) и много ли имеет городов — "стаги" ответили, что в ее состав входят семь провинций: Нидерландская (ошибка, надо: Гельдерн), имеющая 12 городов, Голландская — 31 город, Зеландская — 22 города, Утрехтская — 5 городов, "Овернселльская" — 15 городов, Фрисландская — 9 городов, "Грунингенская" — 3 города; кроме того, у испанского короля в Бразилии ("Бразили"), называемой Западной Индией, взято 22 города, и в Восточной Индии штатам принадлежат 10 городов¹². В приведенной записи правильно отражен федеративный характер Нидерландской республики, объединившей семь провинций: Гельдерн, Голландию, Зеландию, Утрехт, Оверейссель, Фрисландию, Гронинген. Не берясь судить о точности названного для каждой провинции числа городов, отметим что эти числа передают, очевидно, в основном правильное соотношение количества городов по провинциям: Голландия и Зеландия, являвшиеся наиболее густо населенными и наиболее развитыми в торгово-промышленном отношении провинциями имели наибольшее количество городов, расположенные же на северо-востоке страны, с менее развитой экономикой провинции Фрисландия и Гронинген обладали наименьшим числом городов.

Правильно названы в статейном списке Милославского и Байбакова и колониальные владения Соединенных провинций: в Индии, где они возникли в результате завоевания у португальцев ранее захваченных ими земель, и в Америке. Интересно, что специально говорится о завоеваниях голландцев в Бразилии, в свое время захваченной португальцами, а после присоединения Португалии в 1581 г. к Испании оказавшейся под властью испанского короля. Вест-Индская голландская

компания пыталась, начиная с 1637 г., овладеть Бразилией, но неудачно: в 1654 г. голландцы были оттуда полностью изгнаны португальцами. Но в середине 40-х годов, к которым относятся анализируемые нами сведения, в Бразилии еще существовали владения голландцев. В известиях статейного списка Милославского и Байбакова отражена, таким образом, колониальная экспансия Соединенных провинций и существование принадлежащих им колоний в обоих полушариях.

В ходе беседы "статы" остановились и на некоторых чертах управления в Соединенных провинциях. Они сообщили, что во главе провинций стоят президенты (приводится поименный перечень президентов). В случае решения "больших дел" или же в случае войны, в дополнение к депутатам, избранным провинциями в генеральные штаты, выбирают еще от провинций по 5, 6, 10 человек, "умных и богатых", и поэтому на заседаниях генеральных штатов бывает иногда более ста человек; когда же дело решат, те "прибавочные статы" разъезжаются по домам. Когда послы заинтересовались, пожизненными ли являются должности президентов и их товарищей и переходят ли они к их детям и внукам, "статы" ответили: "в том начальном чину" иные "статы" бывают долго, а некоторые в том чине умирают; другие же "переменяютца" по собственному желанию или же по решению провинций. В заключение собеседники русских послов отметили, что "почесть с провинцов статом бывает небольшая, для того и выбирают в статы прожиточных людей"¹³.

Очень интересно замечание голландских собеседников русских послов о том, что в штаты избирают "прожиточных людей". Голландские участники беседы объясняли это обстоятельство тем, что "почесть" с провинций членам штатов бывает небольшая, то есть за исполнение своих обязанностей они не получают достаточного вознаграждения.

Направляясь в Гаагу и обратно на родину, русские посольства обязательно заезжали в Амстердам, где их принимали бургомистры ("бурмистры"), возглавлявшие городское самоуправление. Бургомистры этого крупнейшего экономическо-

го центра Соединенных провинций пользовались широкими правами и самостоятельностью; не сносясь с генеральными штатами, они вели переговоры по вопросам торговли с Русским государством. Так, например, когда в 1615 г. Кондырев и Неверов посетили Амстердам, то бургомистры просили, чтобы царь разрешил голландцам покупать хлеб в России, так как они опасаются, что польский король, по дружбе с испанским, запретит вывозить хлеб из своей земли в Голландию; кроме того, голландским кораблям трудно ходить в Польшу потому, что надо проходить мимо земли датского короля (через Зундский пролив - Н.К.), а у Соединенных провинций с датским королем "смута многая".

Далее амстердамские бургомистры разъяснили причины "смуты" с датским королем: датский король хочет овладеть Любеком, кроме того он оказал помощь своему зятю, герцогу Брауншвейгскому, вознамерившемуся подчинить себе вольный город Брауншвейг ("Брунсвик"); Соединенные провинции послали на помощь Брауншвейгу четыре тысячи ратных людей во главе с тринцем Морицем Оранским и брауншвейгский герцог с датским королем вынуждены были "с соромом" отойти от Брауншвега. И еще на одну причину "смуты" с датским королем указали бургомистры: Дании издавна принадлежал остров, расположенный против Северного мыса (мыс Нордкап), но из-за "великих войн", которые вели датские короли, датчане тот остров покинули; недавно его "сыскали" англичане, но своих "жильцов" они там "не посадили" и на морской промысел три года не ездили, а в это время там начали голландцы ловить китов, моржей и других зверей, из которых "сало делают"; из-за этого в прошлом году у голландцев с англичанами "мало бой не был", а теперь датский король послал на остров военные корабли, и голландцы собираются сделать то же самое, поэтому "чайт...вперед меж их войны" ¹⁴.

Амстердамские бургомистры, разъясняя русским дипломатам мотивы своей просьбы о разрешении на покупку русского хлеба, сообщили интересные данные о международном положении и внешней политике Соединенных провинций. Недружелюб-

ную в отношении Соединенных провинций позицию Польши они объясняли ее связями с габсбургским лагерем. Отметим характерную черту внешней политики первой в Европе буржуазной республики — поддержку ею вольных городов Империи против начавшегося наступления германских князей на их права. Указали на экспансионистский характер внешней политики Дании, стремившейся к господству на Балтийском море, и, наконец, осветили борьбу морских держав за овладение в Северном ледовитом океане местами промысла на морского зверя.

Материалы посольства Кондырева и Неверова освещают относительно мирный период внешнеполитической истории Соединенных провинций: благодаря заключенному в 1609 г. на 12 лет перемирию с Испанией молодая республика получила передышку, и хотя возникли конфликтные ситуации, как это явствует, в частности, из статейного списка Кондырева и Неверова, в войну они не перерастали. В 1621 г. передышка кончилась: возобновились военные действия с Испанией, и Нидерландская республика стала участницей Тридцатилетней войны. Материалы посольства фон-дер-Бурга и фон-Фельтдриля, доставивших в Москву в 1631 г. просьбу правительства Соединенных провинций о помощи хлебом и селитрой, показывают, что в Москве внимательно следили за состоянием дел на европейском континенте. Так, во время переговоров с нидерландскими послами думный дьяк Федор Лихачев говорил им от имени царя: "А что вы в письме своем написали, что король шпанской с своими советники, с папезаны, промыслил тем, что ис Полской земли в вашу землю селитры возить заказали, чтоб им тем в войне помешать, которую вы войну ведете уже шездесят лет против короля шпанского, и великому государю нашему его царскому величеству то ведомо, что король шпанской с своими советники, с цесарем и с папою римским и с королем полским, вам недруги, да и нашему государству великие недруги, о том к галанским статам и к Маврициусу князю писано праж сего подлинно. И никакова добра они не хотят, а хотят видеть то, чтоб все люде были о их проклятой еретической папезской веры" ¹⁵. Как мы видим русское пра-

вительство правильно ориентировалось в расстановке сил в происходившем общеевропейском конфликте и ясно видело тесную связь габсбургской коалиции с католической реакцией.

Последняя информация посольских дел о международных отношениях относится к середине 40-х гг. ХУП в. Содержится она в уже привлекавшемся нами статейном списке Милославского и Байбакова, в разделе его, озаглавленном: "Как царского величества послы пришли в Галанскую землю и с всяких вестях проводывали" ¹⁶.

Несколько "вестей" в этом разделе касаются взаимоотношений между Испанией, с одной стороны, и Францией и Соединенными провинциями, с другой. Со слов чиновника генеральных штатов ("стацкого подьячего") сообщается, что 31 декабря (1646 г.) в Гаагу приехал французский посол для обсуждения вопроса о заключении мира с Испанией: "...чтобы галанским статам да и французскому королю со шпанским королем замирится вечным миром". В дополнение к этому известию, в записи разговора русских послов, состоявшегося 20 февраля (1647 г.), с неназванным по имени голландцем указывается, что вопрос о возможном заключении мира с Испанией вызывает разнь между провинциями — одни выступают за заключение мира, другие стоят за продолжение войны — и поэтому генеральные штаты назначили на март месяц съезд депутатов провинций, на котором будет рассмотрен волнующий всех вопрос ¹⁷. В этих записях речь идет о последнем этапе Тридцатилетней войны, когда между державами габсбургской и антигабсбургской коалиции уже имели место контакты с целью заключения мира. Активную роль в них играла французская дипломатия: возглавляемое Ришелье французское правительство хотело, чтобы Европа получила умиротворение из его рук, что должно было способствовать укреплению лидирующего положения Франции в концерте европейских держав.

В статейном списке Милославского и Байбакова отмечен и приезд в Гаагу датского посла "для договора корабельных пошлин", которые взимаются с нидерландских кораблей, направляющихся через Зунд в Балтийское море ¹⁸. Как мы пом-

ним, вопрос о зундской пошлине являлся горячей точкой в отношениях между Соединенными провинциями и Данией еще в 1615 г. во время посольства Кондырева и Неверова в Гаагу. Очевидно, в середине 40-х гг. имела место попытка поставить этот вопрос на договорную основу.

Попали в статейный список и известия о событиях, происходивших на далеком средиземноморье — о войне между Венецией и Турцией, в ходе которой венецианцы были готовы уступить туркам остров на Средиземном ("Белом") море, чтобы помириться с султаном, но султана эта уступка не удовлетворяла, и он желал получения с венецианцев большой "головины"¹⁹. Здесь речь идет о затяжной войне между Венецией и Турцией из-за острова Крит (1645—1669), которая протекала с переменным успехом и закончилась потерей Венецией почти всех ее владений на Крите.

Но основное место в статейном списке Милославского и Байбакова, в разделе, касающемся международных отношений и политической жизни Западной Европы, занимают известия о событиях в Англии.

Сведения о них читаются уже в отписке, отправленной Ласлами царю из Архангельска в исполнении его наказа: "... и нам, холопом твоим, велено проведать у иноземцев, которые будут у Архангельского города из разных земель, всяких вестей, что в немецких государствах делается, а, проведав, государь, велено с том отписать к тебе государю. И мы, холопи твои, у Архангельского города всякими обычай вестей у иноземцов проведывали, и иноземцы, государь, с нами, холопи твоими, в розговорах говорили: опричь у них аглинского короля, что у них еще з землею в недовершение единых, никаких вестей не сказывают"²⁰. Эта отписка интересна, во-первых, тем, что ярко показывает заинтересованность русского правительства в как можно более скором получении известий о состоянии дел в Западной Европе ("немецких государствах"): не дожидаясь приезда на Запад своих послов и получения оттуда их донесений, царь приказал собрать в Архангельске у иноземцев интересующие его сведения и послать ему соответствующую информацию. Отписка, далее, ценна тем, что

она является своеобразным свидетельством того огромного впечатления, которое английская революция производила на умы современников. Находившиеся в Архангельске иноземцы — это были, как правило, английские и голландские купцы и моряки — говорили своим русским собеседникам лишь об одном: о "недовершеньи" английского короля с "землек"; английская революция отодвинула на задний план все другие события.

В Гааге русские дипломаты собрали более детальные сведения об английской революции. Их основными информаторами являлись англичане, главным образом капитаны судов. 22 февраля 1647 г. "в съезжей избе" английский капитан рассказывал: "...аглинского короля в Шкоттикой земле аглинские немцы, которые против его стояли, оманом взяли опять к себе в Аглинскую землю. А которые люди были с аглинским королем и стояли за него, и те люди его выдали и розбежались по иным государствам. И взяв его, англичане повезли опять к себе в Аглинскую землю. А на королевстве ему не быть. А слышал де капитан в Аглинской земле, что аглинские немцы хотят ис своих людей выбирать в начальные люди, и хотят так же жить, что в Галанской земле галанские стати. А рознь де у короля с агличаны учинилась, и боя были многие за веру: король де хотел учинить, чтобы они были все папешские веры, и агличане того же похотели"²¹. В этом рассказе излагаются события 1646 г., завершившие первую гражданскую войну в Англии (1642—1646). Карл I после разгрома роялистов войсками Кромвеля, бежал в Шотландию и, рассчитывая сыграть на англо-шотландских противоречиях, 5 мая 1646 г. сдался в плен шотландцам. Но те выдали его английскому парламенту, уплатившему шотландцам 400 тысяч фунтов стерлингов. Король был увезен в Англию и помещен в замке Холмби. И хотя вопрос о судьбе короля и государственном устройстве Англии не был еще решен, английский капитан правильно подчеркнул стремление последовательных революционных кругов к установлению в Англии республики, возглавляемой выборными органами власти. Характерно, что

для них примером служила Республика Соединенных провинций; в этом, в частности сказывается международное значение Нидерландской буржуазной революции и революционизирующее влияние, которое она оказывала на другие страны. В рассказе капитана отмечена и роль религиозного момента в ранних буржуазных революциях, в которых социальные коллизии принимали часто религиозную оболочку. В частности, за обвинением короля в стремлении обратить англичан в "папешскую веру" скрывалось недовольство широких масс английского народа церковной политикой Карла I, с одобрения которого примасом англиканской церкви Уильямом Лодом были проведены мероприятия, имевшие целью сближения англиканской церкви с католицизмом.

Сходная с только что приведенной версия о намерениях англичан в отношении короля и будущего государственного устройства Англии излагается в рассказе капитана (очевидно, другого) от 2 апреля 1647 г.: короля держат "в большой тесноте за крепкими приставы" и вскоре "его изведут", потому что англичане хотят "жить вольными людьми, а под королевской властью быть не хотят".

С иной версией мы сталкиваемся в записи беседы русских посланцев с английским полковником 12 мая 1647 г. Полковник сообщил, что короля его "недрузи" содержат "взаперти", и они хотят, чтобы король дал письмо за своей подписью о том, что ему по-прежнему быть королем, но ратными людьми не владеть в течении 24 лет ²².

О противоречиях в лагере революции свидетельствуют сообщенные тем же полковником сведения о религиозной борьбе, происходившей в Англии: по словам полковника, король хотел быть в "папешской вере", а "неприятели его держат кальвинскую веру, а иные де многие держат различные веры, а за то ныне в Аглинской земле межеусобье и бои великие" ²³. В этих сведениях отражено возникновение различных религиозных течений, явившееся следствием социальных противоречий между силами, участвовавшими в революции.

Рассмотренные нами дела фонда сношений России с Гол-

ландией делятся на две группы: отложившиеся в Посольском приказе материалы о пребывании голландских послов в Москве и документацию русских посольств, побывавших в Голландии. Первые характеризуют, естественно, цели, которые ставили перед собой власти Республики соединенных провинций в своей политике в отношении Русского государства. Но поскольку эти цели определялись в известной мере международным положением Республики, постольку названные материалы содержат сведения о международных отношениях того времени и в первую очередь о борьбе Соединенных провинций против Испании. Документация голландских посольств включала и сведения о самой Республике соединенных провинций, при чем в отличие от имевшихся в материалах других иностранных посольств разрозненных и порою случайных сведений о странах, из которых прибывали эти посольства, документация голландских посольств содержала специально подобранные известия о Республике Соединенных провинций и, в частности, очерк ее истории. Эта характерная черта документации голландских посольств определялась, как мы уже отмечали, стремлением Соединенных провинций к сближению с Русским государством и, возможно, спецификой политического строя Республики.

В интересующем нас плане особую ценность представляет вторая группа дел фонда сношений России с Голландией — материалы русских посольств и особенно статейные списки русских послов, запечатлевшие восприятие русскими людьми заграничной действительности. В соответствии со спецификой учреждения — Посольского приказа, — для которого предназначались эти материалы, в них значительное место занимало освещение внешнеполитической жизни Республики Соединенных провинций — ее борьба против феодально-католической Испании, принадлежность к лагерю антигабсбургских держав, напряженность в отношениях с Данией из-за зундской пошлины, поддержка вольных городов Германии против наступления на их права германских князей, колониальная политика, участие в борьбе за овладение местами промысла

на морского зверя и т.д. Но наряду с фактами внешнеполитической истории Республики, в статейных списках русских послов уделялось большое внимание ее внутренней жизни — явление, находящее свое объяснение, как мы полагаем, в исключительности политической структуры единственной в то время буржуазной республики. Живо интересовали русских дипломатов и события самого выдающегося феномена всемирной истории того периода — английской буржуазной революции.

Взятые в целом материалы фонда сношений России с Голландией содержали значительную информацию с зарубежных событиях, которая помогала правительственным кругам Москвы ориентироваться в политической жизни Запада.

- 1 Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. I. С. 174-183.
- 2 ЦГАДА. Сношения с Голландией. Ф. 50. Оп. I. 1614. № 2.
- 3 Там же. 1616. № 2. Л. 140-145.
- 4 Там же. Л. 211, 242.
- 5 ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1616. № 2. Л. 211-229. О роли торговли и рыболовства в экономике страны см.: Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI-XVIII веках. М., 1949.
- 6 См., например, статейный список М. Спиридонова. ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1645. № 2. Л. 70-70 об.
- 7 ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1646-1647. № 3. Л. 53-53 об., 200, 202.
- 8 О политической структуре Республики Соединенных провинций см.: Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVII века. М., 1958. С. 162-165. Специально об усилении власти штатгальтеров в первой половине XVII в. см.: Block P.J. Geschichte der Niederlande. Gotha, 1910. Bd. IV. Teil 4. Kap. 3.
- 9 С 19 ноября 1646 г. по 2 июля 1647 г. Предыдущие послы находились в Гааге: Кондырев и Неверов — с 9 октября по 11 ноября 1615 г., Баклановский — с 29 мая по 30 июня 1618 г., Спиридонов — с 1 ноября по 20 декабря 1645 г. В 1631 ... в Гааге побывало посольство в составе Олябьева и Ларинова, но ни срок их нахождения в Гааге, ни ход посольства неизвестны, так как статейный список Олябьева и Ларинова из-за очень сильной порчи не читается. См.: ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1631. № 4.
- 10 ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1646-1647. № 3. Л. 33.

- 11 Там же. Л. 36.
- 12 Там же. Л. 33 об.-35.
- 13 Там же. Л. 35 об.-36.
- 14 Статейный список Кондырева и Неверова. ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1615. № 3. Л. 13-15.
- 15 ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1630. № I. Л. 190 об.-191.
- 16 Там же. Оп. I. 1646-1647. № 3. Л. 287 об.
- 17 Там же. Л. 289-289 об.
- 18 Там же. Л. 288-288 об.
- 19 Там же. Л. 294.
- 20 Отправление Милославского и Байбакова. ЦГАДА. Ф. 50. Оп. I. 1646. № I. Л. 357.
- 21 Статейный список Милославского и Байбакова. Л. 290, 291.
- 22 Там же. Л. 291-292.
- 23 Там же. Л. 295 об.-296 об.

ДОКУМЕНТЫ ТОРГОВОЙ МИССИИ Т.КЕЛДЕРМАНА И
В.ВОРОНИНА В НИДЕРЛАНДЫ И ГАМБУРГ В 1670/71 ГГ.

Нередко в отечественных источниках неоднократно упоминаются торгово-дипломатические миссии в страны Западной Европы в XVII в. Они возглавлялись представителями крупного купечества, как русского, так и иностранного, жившего в России. В задачи миссий входили: реализация казенных товаров и привоз в страну иностранной валюты, покупка необходимых товаров, в том числе вооружения, наем различных специалистов, выполнение отдельных дипломатических поручений. Торговая миссия Томаса Келдермана и Владимира Воронина была отправлена в Нидерланды и Гамбург с целью "пополнения" казны валютой и закупок некоторых товаров для ряда приказов. В документах миссии Т.Келдерман и В.Воронин названы "посланниками". Но, очевидно, более правомерно говорить не об их посольстве, а о торговой миссии. Ими были проданы нидерландцам и гамбургцам казенные поташ (44270 пудов) и смола (350 бочек). Поташ оставался в Архангельске. После заключения сделки в Амстердаме с нидерландцами К.Кленгом и Р.Швантом, за поташем специально пришли корабли в Архангельск к их приказчикам. Смола же была привезена Т.Келдерманом и В.Ворониным в Амстердам и продана гамбургцам Э.Белкенсу и Ф.Ферпортену. Всего было выручено 56002,5 ефимков. Из них привезено в Приказ Большие казны 48937,5 ефимков. Остальные пошли на покупку разных товаров и на оплату проезда и жилья.

Миссия отбыла из Архангельска 16 сентября 1670 г. По 10 июля 1671 г. она находилась в Амстердаме. К 24 августа 1671 г. Т.Келдерман и В.Воронин вернулись в Архангельск.

Документы торговой миссии представлены хорошо сохранившимися копиями статейного списка и книг "купчин иноземца Томаса Келдермана да Володимира Воронина". Копия ста-

тейного списка содержит описание приема миссии в Нидерландах, и вкратце характеризует политическое состояние этой страны. Хотя в тексте упомянут Гамбург, но либо миссия его не посещала, либо, по каким-то причинам, о его посещении ничего не сказано. В список с книг занесены торговые операции миссии, дана роспись прихода и расхода валюты.

Публикуемые документы сброшюрованы в тетрадь размером "в четверть". Они составляют дело Посольского приказа в фонде Приказных дел новой разборки ЦГАДА (ф.159, оп.2, д.216). Написаны одним почерком. На полях скрепа дьяка — Артемия Степанов. А.Степанов был пожалован в дьяки 17 августа 1674 г. и назначен в Приказ Тайных дел. Следовательно, списки подготовлены после этой даты. Возможно они были составлены между 5 марта 1691 г. и 27 июня 1696 г., когда А.Степанов был дьяком Приказа Большой казны¹. Ведь именно из этого приказа в 1670 г. Т.Келдерман и В.Воронин получили "наказ", определивший задачи миссии. И в этот же приказ была сдана вырученная валюта. Во всяком случае, списки были составлены по требованию Посольского приказа, т.к. находились в его делах. Филигрань бумаги — "двуглавый орел". Она похожа на № 125, 128, 135, 140 (40-х гг. ХУП в.) по альбому А.А.Гераклитова², но отличается по некоторым деталям (форма хвоста, одна корона, вместо двух). Поэтому филигрань бумаги не уточняет датировку составления списков.

Т.Келдерман происходил из московских торговых иноземцев. Его отец, Андрей (Генрих) Келдерман, неоднократно отправлялся с посольствами за границу. Сам Томас также часто выполнял дипломатические и торговые поручения. Его служба была оценена правительством исключительно высоко: в 1685 г. Томас (Фома) Келдерман был пожалован дворянством и получил особый титул — "московского государства поверенный и чести достойный"³. Владимир Воронин вошел в состав гостей после 1676 г.⁴

1 Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVIII вв. М., 1975. С. 490.

- 2 Гераклитов А.А. Филигранные ХУП века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
- 3 Демкин А.В. "Московские торговые немцы" в первой половине ХУП века // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 172; Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. (Ч. 3. № 113). С 1685 г. в источниках он известен как Томас фон Келдерман.
- 4 Голикова Н.Б. Численность, состав и источники пополнения гостей в конце ХУІ - первой четверти ХУІІІ в. // Русский город (исследования и материалы). М., 1986. Вып. 8. Таблица 4.

ДОКУМЕНТЫ ТОРГОВОЙ МИССИИ

Список статейного списка купчин, иноземца Томаса Келдермана да Володимера Воронина.

178 года, августа в 17 день по госуд., цареву и вел. кн. Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу и по наказу ис приказу его вел. гос. Большие казны, каков прислан к Архангельскому городу, торговому иноземцу Томасу Келдерману да Володимеру Воронину от Архангельского города ехать за моря и Галанскую землю и в город Амбурек для полнения его вел. гос. казны, серебра на денежное дело, и для иных его вел. гос. купецких дел.

И во 179 году, сентября в 16 день по указу вел. гос. от Архангельского города пошли на карабле за моря, а найму дано карабельщику Вилиму Фосу триста ефимков любских.

Ноября в 4 день пришли в карабле под Амстрадам город, и послали от себя иноземца Якова Фендермера к бурмистрам в Амстрадам, и велели ему бурмистром ответить, что посланы от вел. гос. его царского вел., для его вел. гос. дел оня Томас и Володимер.

Ноября в 8 день пришли на карабль к ним для приему Амстрадама города от бурмистров секретарь Корнилий Шкап в нарядной яхте, и, приняв их, Томаса и Володимера, честно поставили в городе на посольском дворе по их обыкновению.

Ноября в 10 день из Амстрадама пошли в той же нарядной яхте в Гагу. А в провозах с ними был тот же секретарь Шкап.

Ноября в 11 день пришли к Гаге, и послали иноземца Якова Фендермера к Статам, чтоб об них, Томаса и Володимера, приезде обвести.

И того к числа Статы прислали своего дворецкого Фангеселта, а с ним для приему их две кареты. И тот дворецкой с честью их принял и поставил на посольском дворе, и корм

давать велели по своему обыкновению,

Ноября в 16 день прислали Статы к Томасу и Володимеру агента свсего Гедена. И агент сказал, чтоб они были готовы вел. гос., его царского вел., с грамотой к высоко-мочным Статам.

И ноября в 17 день тот же агент Гейден, приехав к Томасу и Володимеру з двема кареты, сказал, что изволили им Статы вел. гос., его царского вел., з грамотою у себя быть на приезде. И они с ним, вел. гос. с грамотою ехали. И как приехали на двор, где Статы съезжаютца, и ис корет вышли, и на лесницу взошли, и тогда их на крылце встреча-ли два человека от их же Статов собрания и говорили: Почитая вел. гос. нашего, его царского вел. высокомошные господа Статы велели их, посланников, встретить, и в по-лату к себе ввестъ. И Томас и Володимер в полату вопли. А вел. гос. грамоту перед ними нес Томасов сын Андрей. И пришед к Статам, Томас говорил речъ на голанском язы-це. А молвил: Бога в троице славимого милостию вел. гос., царъ и вел. кн. Алексей Михайлович (полный титул).

Высокомочные господа Статы, генерал славных Соеди-ненных Недерляндов, велел свое царское вел. здоровье ска-зати, а ваше здоровье видети. И Статы вел. гос., царя и вел. кн. Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малня, и Белья Росии самодержца, о многолетном здоравии спсосили. И Томас и Володимер высокомошным господам молвили: Как поехали они от вел. гос. нашего, от его царского вел. и вел. гос. наш, царь и вел. кн. Алексей Михайлович всеа Великия, и Малня, и Белья Росии самодержец, и многих го-сударств и земель восточных, и западных, и северных от-чичь, и дедичь, и наследник, и обладатель, его царское вел. на своих вел. государствах Росийскаго царства дал бог е добром здоравии.

И подали Статом вел. гос., его царского вел. грамо-ту в тафте, а молвили: Вел. гос., царь и вел. кн. Алек-сей Михайлович, всеа Великия, и Малня, и Белья Росии са-модержец и многих государств и земель восточных, и за-

падных, и северных отчичь и деичь, и наследник, и государь, и обладатель, прислал к вам, высокопочин и господам Статом, свою царского величества грамоту. И вел. гос. грамоту принял первый заседелитель Галанских Статов Фанферкенцарь. А молвил: Для вел. гос. вашего, его царского величества, высокопочинные господа Статы против грамоты царского величества вам, господам посланником, в делах вел. гос. вашего, его царского величества, всякое споможение оказывать ради.

И Томас, и Володимир Статом говорили, что присланы они от вел. гос. вашего, его царского величества для некоторых дел, надлежащих до купечества. И в тех бы делах, вспоминая к себе вел. гос. нашего, его царского величества милость, они высокопочинные господа Статы велели учинить спомогательство, и радетельство, потому что, не токмо из давних лет к царству Московскому их поддонных торговых людей приезд в торговых их промыслах пожиточен им есть, но и сверх того, вел. гос. наш, его царское величество, изволил к их высокопочинству, по прошенню их высокопочинных господ Статов, свое изволил воздати им титуло по их достойной части, как они сами себя описуют. То уведает от своего преизвычайного к ним депутата.

За карабельный привоз дано, и то написано в роскодных книгах.

Да Томас и Володимир, будучи в Галанской земле, проведали, что Галанская земля делится в семь областей. А ис тех областей посылают лутчих людей бурмистров в Гагу с полною мочью. А то им всякие дела рассуждати и расгавливать. И те люди, приехав в Гагу, высокопочинными именуются, потому что они меж себя удумуют в каких государственных делах, и то повсюду слушают, они ж послов иные государства отпускают, и перед себя пускают, и ответы чинят, и всякие дела исправливают. А бывает тех Стат переменные, после дву или трех лет в их место иных отпускают. Да в Гаге ж живут розных государств послы и посланники, и резиденты цесаря римского, королей гиспанского, французско-

го, армянского, польского, швейцарского, датского, португальского для всяких дел государей своих. Также и во всех окрестных государствах их статские послы, и посланники, и резиденты при дворах королевских живут и о всяких делах им ведомости чинят.

И августа в 24 день присланы вел. гос., царя и вел. кн. Алексея Михайловича, всеа Великия, Малыя, и Белья России самодержца, две грамоты к Архангельскому городу к ним, Томасу и к Володимеру. А велено по тем его вел. гос. грамотам остальные товары, которые остались от продажи, галанские земли продать на ефимки и на товары по настоящей по городцкой цене. И по тем его вел. гос. грамотам они, Томас и Володимер, те остальные товары продали на ефимки и на товары. А сколько на ефимки продано и на товары променено, и то писано в книгах, каковые поданы в приказе вел. гос. Большие казны. А у подлинных книг по листам руки приложены: К сим книгам Томас Келдермонов руку приложил. К сим книгам Володимер Воронин руку приложил.

Список с книг купчин иноземца Томаса Келдермона да Володимера Воронина.

178 года, августа в 17 день по гос., цареву и вел. кн. Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, указу и по грамоте, и по наказу и приказу его вел. гос. Большие казны, каков прислан к Архангельскому городу, а велено московскому иноземцу Томасу Келдерману да Володимеру Воронину от Архангельского города ехать за моря в Галанскую землю и в город Анбурок для пополнения его вел. гос. казны серебра на денежное дело, и для иных его вел. гос. купецких дел. И во 179 году сентября в 16 день по указу вел. гос. от Архангельского города пошли на карале за моря.

И они, будучи в Амстрадаме, многое время живучи, по наказу и по грамотам вел. гос. остальные товары, поташ Сергачских буд, продали иноземцу, гостю Кондратью Кликинну да Роману Шванту, тысячу двести восемьдесят шесть бочек, да приказу Большого дворца пятьдесят шесть бочек.

И августа в 24 день приплы из-за моря к Архангельскому городу тот поташ в розных числах тех иноземцов приказчиков Вахромею Мелдеру да Андрею Фантоватому и отдали, и отвесили того поташу Сергачских буд на таможенные весы в деревом сорок шесть тысяч сто восемьдесят девять пуд, тридцать восемь фунтов. Да приказу Большого дворца тысяча девятсот дватцать девять пуд, дватцать пять фунт. И обоего по весу сорок восемь тысяч сто девятнадцать пуд, дватцать три фунта.

И ис того числа вычтено за дерево изо ста пуд по осми пуд. Итого три тысячи восемьсот сорок девять пуд, дватцать три фунта. И в остатке того поташу без дерева сорок четыре тысячи двести семдесят пуд. А ценою взято за берковец по двенати ефимков с полуефимком лубских в довес. И того пятьдесят тысяч триста тридцать семь ефимков с полуефимком.

Да они ж, будучи в Астрадаме, продали Анбурха города торговым иноземцом Захарью Белкинсу да Филипу Ферпортину на голанские деньги смолы триста пятьдесят бочек по тридцати по одному алтыну по четыре деньга за бочку. Итого взято ефимков шестьсот шездесят пять. И обоего пятьдесят шесть тысяч два ефимка с полуефимком.

И тех ефимков привезено к Москве, и отдано в приказ Вел. гос. Большие казны сорок восемь тысяч девятсот тридцать семь ефимков с полуефимком в довес. Да по указу вел. гос. куплено за морем в Амстрадаме в рознке приказы: В приказ вел. гос. Тайных дел питья, и лекарств, и кружек серебряных на три тысячи на четыреста на пятнадцать ефимков лубских. В Залатую палату фолги, финифту, наждаку, розных снастей на четыреста на семдесят ефимков лубских.

В приказ Большого дворца скляниц хрустальных венецских, с серебряными ис словянскими шурупцы, на сто на восемьдесят на семь ефимков с полуефимком лубских.

Да как они, Томас и Володимер, пошли на карабле за моря ж, пришел в Амстрадам, платити карабелщику Виллику Фосу триста ефимков лубских. Да они ж, Томас и Володимер,

живучи в Астрадаме генваря с I числа июля по IO число, платили за двор найму и за харч на неделю по осмидесят ефимков любских. Итого две тысячи сто пездесят ефимков. И из Амстрадама пошли к Архангельскому городу на карабле. Найму платили капитану триста пздесят ефимков любских.

Вел. гос. от грамот, которые присланы с Москвы, и от Риги до Амстрадама, и от отписок, которые посылаи к вел. гос. из Амстрадама до Риги ж, платили они, Томас и Володимер, сорок два ефимка с полуефимком любских. Да они ж платили Петру Марселису от тех же грамот и отписок на Москве дватцать восемь рублей. Да у Архангельского города платили от поташу за работу найму, которые люди тот поташ из онбару катали к весу, тринадцать рублей, четыринадцатъ алтын. Да платили у города ж работным людям от смалмуги, которые из онбаров да паусков катали и набивали на бочки обручи, и что куплено в прибавку обручей, сорок леветь рублей, дватцать шесть алтын, две деньги.

У книг по листам руки приложены: К сим книгам Томас Келдерман руку приложил. К сим книгам Володимер Воронин руку приложил.

ЦГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 216. Л. 2-27.

О ГРАМОТЕ (ФИРМАНЕ) ИНДИЙСКОГО ПАДИШАХА АУРАНГЗЕБА.
(К истории русско-индийских связей в конце XVII века)

В XVII столетии правители Русского государства предпринимали настойчивые попытки установить прямые дипломатические и торговые связи с далекой Индией¹. Попытки эти, как известно, не имели успеха. Отсутствие общих границ и значительная территориальная отдаленность Индии от России затрудняли установление непосредственных контактов между государствами.

Не принесла желаемых результатов России и торговая экспедиция в Индию симбирского купца Семена Мартыновича Маленького, предпринятая в самом конце XVII в. Хотя Маленькому удалось достичь Индии и даже получить от индийского падишаха Аурангзеба грамоту (фирман) на беспоплинную торговлю и свободный проезд по стране, его поездка не привела к установлению связей России с Могольской империей. Экспедиция Маленького была лишь частным эпизодическим успехом в цепи неудачливых попыток русской дипломатии завязать политические и экономические отношения с Индией.

В отечественной и зарубежной историографии нет работ, специально посвященных путешествию Маленького. Самые общие сведения об этом путешествии, приведенные в некоторых трудах отечественных и зарубежных историков², нуждаются в существенных уточнениях.

Необходимо в первую очередь устранить традиционные ошибки в датировке важнейших документов и событий поездки Маленького³.

Для ясности последующего изложения приводим основные факты путешествия Маленького и его спутников на Востоке.

Экспедиция в Индию была организована в мае-июне 1695 г. Приказом Большой казны и, очевидно, по без инициативы со стороны самого Петра I. По замыслу устроителей, поезд-

ка осуществлялась как правительственное коммерческое предприятие имевшее целью пополнить дворцовую "великих государей казну" и выявить возможности для налаживания постоянных торговых связей с Индией. Экспедиция продолжалась более шести лет. Маленький и его спутники с большой партией казенных и купеческих товаров выехали осенью 1695 г. морем из Астрахани, высадились у Низовой пристани (близ Дербента) и далее последовали караванным путем через горы в Шемаху, а оттуда в Исфахан — столицу Персии. В Исфахане экспедиция разделилась на две группы. Одна из них, во главе с казанским купцом С.С.Аникаевым, отправилась обратно в Россию и возвратилась в Астрахань в ноябре 1697 г.⁴ Глава другой группы, Маленький, получив грамоту шаха Хусейна к Петру I, продолжил путешествие в Индию. Из Исфахана его группа отправилась на юг к городу Бендер-Аббасу, здесь погрузилась на морские суда и отплыла в Индию. Путешественники высадились у города Сурата и последовали караваном к городу Пандхарпуру, вблизи которого находилась ставка педдшаха Аурангзеба. Здесь Маленький вместе с толмачем был принят Аурангзобом и получил от него грамоту (фирман) на беспошлинную торговлю и свободный проезд в Индию. После этого путешественники побывали в Агре и Дели. 22 января 1701 г. экспедиция Маленького оставила Индию, отплыла на двух кораблях из Сурата в Персию. У Персидского залива один корабль был захвачен арабами-корсарам и увезен к городу Москату. Маленький и большая часть его спутников, находившихся на другом корабле, благополучно достигли берегов Персии, высадились у Бендер-Аббаса и вскоре добрались до Исфахана. Возвращаясь в Россию и доехав до Шемахи, Маленький и его племянник заболели и умерли. Их спутники доставили в Москву в Приказ Большой казны закупленные Маленьким в Индии товары и оставшиеся после него документы, в числе последних были грамоты шаха Хусейна и педдшаха Аурангзеба.

Сведения о поездке Маленького отражены в небольшой группе источников, которые наиболее полно опубликованы в

двух сборниках документов о русско-индийских связях в ХУП-ХУШ вв.⁵

Особую группу источников составляют недавно обнаруженные автором этих строк в Архиве ДООИ в фонде Астраханской приказной палаты документы о выплате денежного и хлебного жалования стрельцам, сопровождавшим Маленького в поездке в Персию и Индию⁶.

В собрании источников о поездке Маленького исключительный интерес представляет грамота (фирман) Аурангзеба, выданная по его распоряжению Маленькому⁷.

Внешний вид грамоты по-восточному великолепен. Текст написан посредине большого продолговатого листа лощеной бумаги, поля листа обведены золотой каймой и украшены повторяющимся многоцветным изящным рисунком розы на золотистом фоне полукружий.

Перевод текста грамоты на русский язык вызвал массу затруднений и у переводчиков Посольского приказа в 1716 г. и у современных лингвистов. В 1716 г. усилия переводчиков и иноземцев с Востока, приглашенных для консультации перевода грамоты в Посольский приказ, не привели к полному успеху: им удалось установить лишь самые общие сведения о содержании документа, а также и то, что он написан разными языками "по-индейски, по-арабски, по-персидски и по-татарски, иные же речи меж тем каким языком, — и дознаться не могли"⁸.

Отмечая особые трудности в переводе грамоты Аурангзеба, современный лингвист Рустам Алиев пишет: "Выспренность стиля и каллиграфические приемы, заключающиеся в систематическом пропуске диакритических знаков и в расположении точек лишь в соответствии с требованиями изящества формы, а не правильности написания, а также сокращенное написание многих букв и слов не дали возможности расшифровать некоторые места в грамоте индийского падишаха Аурангзеба к русскому купцу Семену Маленькому⁹. Индолог Н.М. Гольдберг, рассматривая язык грамоты, писал: "Это — единственный известный нам турецкий фирман Ауранг-

зеба. Все остальные известные нам фирманы были написаны на фарси — государственном языке Могольской империи. В языке фирмана наряду с тюркской основой встречаются, однако, части фраз на фарси¹⁰.

Как видно из приведенного, переводчики 1716 г. и современные лингвисты пришли к примерно аналогичным результатам в изучении грамоты Аурангзеба. Других исследований этого документа, насколько нам известно, не предпринималось.

Приводим текст грамоты Аурангзеба в дословном переводе 1958 г., выполненном Р.Алиевым:

"Халифскому двору — оплоту мира — было подано прошение, в котором содержалось [следующее]: Семен Мартын Маленький, посланец Руси (?), привез товары, с которых, по его просьбе не [следует] взимать пошлины (?),

Буде этот посланец удостоится чести встретиться с чиновниками [советниками] хакана халифата мира, да ведают они, что в итоге неоднократных просьб этот купчина предстал перед благолепными, пречистыми, светлыми взорами [падишаха], удостоился золотого облобызания и узрел на небесах благосклонности почет и честь (гордость) по безграничной милости падишаха. [В результате] его высоких помыслов, достоинств и щедрости он (Маленький) достиг беспредельного счастья (?), и пошлины [не] были взяты (?) с привезенных товаров. Он удостоился чести [получить] соизволение повелителя мира и всего сущего, что сколько бы он со своими людьми не торговал с другими гордами и областями кумашем (златотканной парчей), товарами и другими предметами (?), пусть его выручка [будет] освобождена от повинностей (сборов) и пусть его не задерживают (?). Пусть они (чиновники) сочтут удостоенными чести посланника купчину [и его помощника] Юруначу Хуруф-Хунуларыновича. Тень господ (т.е. падишаха) удостоила его беспредельной милостью, и он, достигнув присутствия, приносящего славу и честь (т.е., падишаха) заявил дворцу — оплоту халифата (?).

Год 43-й великого правления¹¹.

Приведенный перевод грамоты более ясен по смыслу, нежели перевод 1716 г.¹² и, по-видимому, дословно близок к оригиналу. Однако и перевод 1958 г. не дает вполне удовлетворительного чтения, имеет ряд темных мест. Можно надеяться, что со временем ориенталисты дадут полный и точный перевод этого документа.

Обратимся к вопросу о датировке грамоты Аурангзеба. Она датируется в литературе 1696 годом. Под этой датой она впервые была опубликована в статье А.Ф.Малиновского¹³ и безоговорочно принята всеми последующими исследователями и публикаторами грамоты¹⁴. Опираясь на 1696 г., как на дату получения грамоты Аурангзеба С.М.Маленьким, исследователи исчисляли срок пребывания последнего в Индии пятью годами (с 1696 г. по 22 января 1701 г. — т.е. по день его отплытия из Сурата). Н.М.Гольдберг писал, что "купец Маленький пробыл в Индии около пяти лет... Он посетил Бурханпур (где в 1696 г. находился император)"¹⁵.

На основании каких же данных А.Ф.Малиновский датировал грамоту Аурангзеба 1696 годом? Он взял эту дату из примечания к переводу грамоты, сделанному в 1716 г. в Посольском приказе. Переводчики отметили в этом примечании, что на парчевом мешке (футляре, в котором находилась грамота), имелась печать: "Божиею милостию, придворный Руххан¹⁶ его падишаха Алем Гира Гария. Лета от Магомета 1108-го" — и дали свой перевод этой даты на европейское летоисчисление: "сиречь лета 1696 от Рождества Христова"¹⁷. Но подобная редукция (перевод) даты с мусульманского летоисчисления (хиджры) на европейский календарь верна лишь наполовину, так как 1108 год хиджры начинался 21 июля 1696 г. и заканчивался 10 июля 1697 г. по европейскому календарю¹⁸. Сама по себе дата, обозначенная на печати¹⁹, не может служить точным хронологическим признаком документа. Она указывает лишь на то, что документ не мог появиться ранее этой даты. Практика делопроизводства средних веков знает немало примеров многократного использования одной печати, для скрепления актов и грамот. состав-

ленных не только в том году, которым точно помечена эта печать, но и в ряде последующих лет²⁰. Ссылка А.Ф.Малиновского и других исследователей на дату печати, как на решающий хронологический признак грамоты, малозубедительна. Для установления точной даты грамоты необходимы более авторитетные данные.

Обратимся к тексту грамоты. Вызывает удивление тот факт, что никто из исследователей не обратил внимания на заключительную часть грамоты, где имеется следующая фраза: "От владетельства 43" (в русском переводе 1716 г.)²¹ или, в более точном переводе 1958 г. — "Год 43-й великого правления"²². Эту фразу Р.Алиев верно комментировал как указание на 43-й год правления Аурангзеба. Следовательно, к моменту выдачи грамоты прошло полных 42 года правления Аурангзеба и шел 43 год его пребывания на престоле. Исходя из этого, для установления даты грамоты необходимо знать, в качестве отправного момента год, месяц и число вступления (или коронования) Аурангзеба на императорский престол и отсчитать от этой даты 42 года, учитывая при этом, что продолжительность мусульманского (лунного) года равняется 354 суткам для простого года и 355 суткам для високосного года, а в среднем на II суток короче европейского (солнечного) года²³.

Аурангзеб, как известно, дважды короновался на престол падишаха. Первая коронация происходила 21 июля 1658 г. в Дели вскоре после устранения родных братьев — претендентов на престол, ареста и низложения с императорского трона отца — падишаха Шах-Джахана²⁴. Второе венчание Аурангзеба на престол, получившее название "Великой коронации", сопровождавшееся торжественными празднествами в течение двух с половиной месяцев, происходило с 5 июня по 19 августа 1659 г.²⁵ Однако, ни 21 июля 1658 г., ни 5 июня 1659 г. не являются официальной датой начала правления Аурангзеба. В дни своей второй ("Великой") коронации Аурангзеб официальным фирманом предписал всем учреждениям Могольской империи считать днем начала своего правле-

ния первый день месяца рамазана (рамадана) 1068 года хиджры, который соответствовал, по европейскому календарю, — 23 мая 1658 г.²⁶ Итак, каждый новый год правления Аурангзеба совпадал по времени с первым днем рамазана — девятого месяца мусульманского календаря. Исходя из этого, можно высчитать, что 43-й год правления Аурангзеба закончился 20 февраля 1699 г., 43-й год его царствования начался в первый день рамазана 1111 года хиджры, т.е., в переводе на европейский календарь — 21 февраля 1699 г. и закончился 10 февраля 1700 г.²⁷ Этим годом (21 февраля 1699 г. — 10 февраля 1700 г.) и может быть предварительно датирована грамота Аурангзеба.

Есть возможность и для более уточненной датировки грамоты. Прежде всего следует, видимо, сдвинуть начальную дату этого периода на 30 дней — к 23 марта 1699 г. (1-й день месяца шаввальхиджры). Эти 30 дней приходится на месяц рамазан, во время которого, как известно, приостанавливалась в средние века на мусульманском Востоке всякая государственная деятельность и самые важные дипломатические дела откладывались до следующего месяца²⁸. Этих священных для мусульманина правил строго придерживался и Аурангзеб, ежегодно покидавший свою ставку под Пандхарпуром для того, чтобы провести святой месяц рамазан на богомолье в городе Шолапуре²⁹. А Маленький, судя по показаниям его слуги А.Семенова, был принят Аурангзебом в лагере под Пандхарпуром (Семенов называет его: Барунпур)³⁰. Можно точнее установить и конечную грань интересующего нас периода: Она приходится на 19 октября 1699 г., когда Аурангзеб, навсегда оставив Пандхарпур, отправился на войну против маратхов³¹, которой он посвятил последние годы своей жизни (он умер в Ахмаднагаре 20 февраля 1707 г. в почтенном возрасте — 89 лет от роду).

Таким образом, нам удалось установить, что грамота Аурангзеба была вручена С.М.Маленькому на личной аудиенции у императора в его ставке под Пандхарпуром в один из дней в период между 23 марта и 19 октября 1699 г.

- 1 Гольдберг Н.М. Русско-индийские отношения в ХУП в. // Записки Тихоокеанского института АН СССР. М., 1949. Т. 2.
- 2 Малиновский А.Ф. Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гондов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1649 по 1751 год. // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских, учрежденного при императорском Московском университете. М., 1837. Т. 7; Соловьев О.Ф. Из истории русско-индийских связей. М., 1958; Байкова Н.Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина ХУП - вторая половина ХУШ в.). Ташкент, 1964; Kemp P.M. Bharat-Pus. An introduction to Indo-Russian Contacts from Medieval Times to the October Revolution. Delhi, 1958; Laurence Lochart. The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1858.
- 3 Ошибки подобного рода имеют место и в комментариях к публикациям документов о поездке С.М.Маленького. См.: Материалы Военно-Ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Д., 1933. Не лишены этих ошибок и аннотации к документам сборника "Русско-индийские отношения в ХУП в." М., 1958.
- 4 Челобитные стрельцов П.Кириллова, М.Григорьева и Г.Лазарева от ноября 1697 г. о выплате им денежного жалованья за 205 (1696/97) г., заслуженного в заморской поездке с С.М.Маленьким и С.С.Аникеевым (Архив ЛОИИ. Ф. 178. Д. 13596, 13604).
- 5 Русско-индийские отношения в ХУП в. Док. № 251-260; Русско-индийские отношения в ХУШ в. Л., 1965. Док. № II, 12, 14, 17, 22.
- 6 Архив ЛОИИ. Ф. 178. Д. № 13038, 13044, 13587, 13596, 13604.
- 7 Русско-индийские отношения в ХУП в. Док. № 256, там же дано фотовоспроизведение грамоты.
- 8 Русско-индийские отношения в ХУШ в. С. 45.
- 9 Там же. С. 390.
- 10 Там же. С. 18.
- 11 Там же. С. 393.
- 12 Там же. С. 369-370.
- 13 Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 166-167.
- 14 Не приводя ссылок на все работы, касающиеся этого вопроса, укажем исследования и публикации последних лет: Очерки истории СССР. Период феодализма. ХУП век. М., 1955. С. 545; Русско-индийские отношения в ХУП в. С. 369; Индия // Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. С. 856, 857, 897.

- 15 Гольдберг Н.М. Указ. соч. С. 198. Аналогичные сведения см.: О.Ф.Соловьев. Указ. соч. С.29; П.М.Кемп. Указ. соч. С.58.
- 16 Рух-хан (или Руг-хан) — очевидно грамота Аурангзеба. Она скреплена печатью Рухуллы-хана, сановника (хан-хамана) и военачальника Аурангзеба, отличившегося при осаде и взятии Сатари в 1699 г., умер в 1704 г. (Elliot H. The history of India. London, 1877. Vol.7. P. 364.
- 17 Русско-индийские отношения в XVII в. С.370.
- 18 Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. Табл. XXIV.
- 19 К сожалению, у нас нет возможности проверить правильность чтения надписи на печати: парчевый футляр и скреплявшая его печать в архиве не сохранились.
- 20 См., напр.: Каменцева Е.И. Печати учреждений XVII в. из собрания Государственного исторического музея. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 281.
- 21 Русско-индийские отношения в XVII в. С.370.
- 22 Там же. С.393.
- 23 Черепнин Л.В. Указ. соч. С.80-81.
- 24 Sarkar J. History of Aurangzib. Calcutta, 1912. Vol.2. P.107-108.
- 25 Sarkar J. Op.cit. Calcutta, 1916. Vol.3. P.299-300, 435.
- 26 Там же. С.300.
- 27 См.: Орбели И.А. Синхронические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. М., 1961. С.228-229. Табл. 222-223. Следует отметить то, что в справочнике И.А.Орбели европейские даты даны по григорианскому стилю, а у Д.Саркара — по юлианскому, который лежал в основе русского календаря XVII в. В связи с этим была проведена работа по переводу дат указанных И.А.Орбели на юлианский календарь.
- 28 Климович Д.И. Праздники и посты ислама. М., 1941. С.17-33.
- 29 Sarkar J. Op.cit. Calcutta. 1926. Vol.5. P.6.
- 30 Русско-индийские отношения в XVII в. С.371, Н.М.Гольдберг ошибочно идентифицировал названный А.Семеновым пункт с городом Бурханпуром, где, якобы, находился император (Н.М.Гольдберг. Указ. соч. С.148). В действительности же, ставка Аурангзеба в 1695-1699 гг. находилась в селении Брахмапури на южном берегу реки Бхими; в 20 миль к юго-востоку от Пандхарпура, который позднее был переименован в Ислампур.
- 31 Sarkar J. Op.cit. Vol.5. P.6.

КРАТКИЕ МОСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Как отмечено в современной источниковедческой литературе, широко распространенное представление о том, что русское летописание после целого ряда столетий бурного развития приходит в упадок и даже замирает во второй половине XVI и начале XVII в., должно быть пересмотрено. Благодаря трудам советских ученых (А.Н.Насонова, С.Н.Азбелева, В.И.Буганова и др.) в научный оборот были введены десятки новых сочинений в немалом числе списков, позволяющих представить позднее русское летописание как значительное по масштабу и сложное явление общественной жизни.

Нарастающей популярностью в XV, XVI, XVII вв. пользовались краткие и кратчайшие летописцы, продолжавшие широко бытовать и в XVIII в. (постепенно переходя из посадской и дворянской в крестьянскую среду). Выйдя за монастырские стены, летописание искало более демократические формы, доступные представителям всех сословий и социальных групп. Вписанные в толстые фолианты, начертанные на столбцах, распространявшиеся в отдельных тетрадках или набросанные на полях книг, краткие летописцы давали общее представление об истории всем желающим.

Волной этих кратких летописцев особенно отмечен "бунташный" XVII в., в социальных водоворотах которого люди стремились найти опору в собственных представлениях об истории общества, государства, своего сословия и рода, города и уезда. Масса городских и провинциальных летописцев была создана к концу столетия от Русского Севера до границ Дикого поля на юге, от западных рубежей до безбрежных пространств Сибири. В отличие от прежнего местного летописания история городов и уездов излагалась в них с позиций принадлежности к Русскому государству. Но не затухало, а напротив, разрасталось и общерусское краткое летописание, ярким представителем которого стал "Летопи-

сец, написан выбором из старых летописцев" (Летописац выбором - далее ЛВ).

В настоящее время можно назвать уже десятки списков ЛВ, бытовавших в самой разной среде. Его переписывали и редактировали патриаршие и митрополичьи книжники, изготовлявшие рукописи на продажу, подьячие и церковные дьячки, многие дворяне и купцы, ремесленники и крестьяне. Текстологический анализ свидетельствует о весьма высокой вариативности состава ЛВ, каждый список которого представляет собой как правило даже не извод, а редакцию памятника. В истории текста популярного краткого летописца как в зеркале отражается динамика интересов составителей и потребителей исторических рукописей.

Даже простое перечисление списков и редакций ЛВ заняло бы здесь слишком много места. Достаточно отметить, что к концу ХУ в. этот краткий обзор русской истории перестает удовлетворять потребности читателей и после первого десятилетия следующего века (когда появляется лишь одна новая редакция ЛВ) постепенно выходит из активного оборота, породив к этому времени новые, производные от него памятники. Одним из них стал Краткий Московский летописец, который мы и рассмотрим.

В 1670-1680-х гг. ЛВ в отдельных редакциях пополнялся отсутствовавшими прежде сведениями по всемирной истории¹. Читатели желали получить представление не только о происхождении своего народа и государства, но и о месте "российского языка" в историческом развитии человечества. С другой стороны, на летописание не мог не повлиять рост роли Москвы - политического, экономического, культурного центра государства, "Третьего Рима", призванного объединить под своей властью все народы до краев вселенной. Эту миссию Москвы подчеркивали и утверждали тяжелые летописные тома и тонкие летописные тетрадки. Именно в Москве был наибольший простор распространению исторических сведений, наибольшее число желающих читать и переписывать рукописи. Население огромного города желало видеть

в летописцах сведения о столичной жизни — такие же, какие записывали в память своих городов холмские орцы и вологодцы, новгородцы и нижегородцы, ростовцы и ярославцы, костромичи и казанцы, тамбовцы и тобольцы. Не удивительно, что редакции ЛВ в конце XVII в. наполнились записями о московских событиях².

Полпнение ЛВ сведениями о всемирной истории и происшествиях в Москве привели к созданию нового произведения. Его список конца XVII в. на столбце с оборванным заглавием и началом был обнаружен В.И. Бугановым в Ивановском областном краеведческом музее, исследован и опубликован³. Следует отдать должное профессиональной проницательности ученого, назвавшего памятник Кратким Московским летописцем (далее — КМЛ). В одном из найденных позже списков с сохранившимся заглавием он так и назван: "Летописец Московской", — с пояснением: "Летописец Московской, написан от Сотворения мира, что учинилось в Московском государстве в прошлыя времена и в нынешняя учинилось что"⁴. За исключением названия "Летописец Московской", заменяем слова "Летописец написан выбором из старых летописцев", заглавие повторяет обычные заголовки ЛВ.

Изданный В.И. Бугановым Ивановский список был написан деловым почерком на бумаге, бытовавшей в России в 1680-х гг.⁵ Эта датировка прямо подтверждается произведенной ученым работой над содержанием списка. Продолжить изучение истории текста КМЛ мы можем при помощи четырех новых списков, сделанных уже в XVIII в., но передающих редакции конца XVII столетия. В отделе рукописей Библиотеки АН СССР хранится Академический список КМЛ, датирующийся первыми годами XVIII в.⁶ Известный историк и археограф прошлого века И.Д. Беляев включил в свое богатое собрание рукописей список КМЛ конца 1730 — начала 1750-х гг. (Беляевский)⁷. К первой половине того же столетия относится и Музейный список, находящийся в соответствующем собрании Отдела рукописей ГБЛ и весьма бегло списанный А.Н. Насоновым⁸. Несколько позже, в середине 1750-1760-х гг., был создан хо-

рошо сохранившийся Вельский список, попавший в ГБЛ из Вельского краеведческого музея⁹.

Как это и характерно для богатого, но фрагментарно сохранившегося летописания конца ХУП в., все списки КМЛ имеют серьезные отличия между собой и явно не могли быть непосредственно произведены один от другого. Перед нами как бы кусочки обширной мозаики истории текста памятника, большая часть которых безвозвратно утрачена, а некоторая часть еще надолго скрыта в неразобранных и разбросанных по разным хранилищам собраниях. Учитывая это, попробуем все же охарактеризовать КМЛ в общем и представить с доступной на настоящем этапе детальностью этапы истории его текста.

КМЛ включает исчисление лет от Адама до Успения Богородицы и сведения по русской истории от Рюрика до последней четверти ХУП в., восходящие к ЛВ в редакции 1678 г.¹⁰, дополненной записями о событиях в столице. Любопытная попытка разобраться в библейской (точнее — новозаветной) хронологии была в конце ХУП в. не единственной. По-видимому, тот общественный интерес, который отражен в КМЛ, заставил патриарший летописный скрипторий в Чудовском монастыре тщательно проанализировать хронологические противоречия в своеобразном церковно-историческом справочнике — Чудовском летописце конца ХУП в.¹¹

В русской части КМЛ большое внимание уделяется церковной истории, в частности, сведениям о чудесах национальных святых (Михаила и Федора Черниговских, митрополитов Петра, Алексея, Ионы : Филиппа, Сергия Радонежского, Василия Блаженного и др.). Другой объект пристального внимания составителей КМЛ — московский великокняжеский, затем царствующий дом, роль представителей которого постоянно подчеркивается (даже в событиях, к которым они не имели отношения, например, в битве на Калке), деяния которых прославляются. В КМЛ декларируется свойственная позднему летописанию идея преемственности между членами великокняжеского и царского дома от Рюрика до последних

царей-Романовых, причем линия "родства" проводится только через наиболее видных князей. Подробность записей увеличивается с начала ХУП в. Здесь составители редакций получают большие возможности порадовать читателей своими знаниями о столичных происшествиях и в тексте за последнее столетие проявляется более всего разночтений между известными нам списками.

Пять списков КМЛ отражают три редакции памятника. Первая из них, представленная Ивановским списком, в наибольшей мере сохраняет сходство со своим прародителем — ЛВ в редакции 1678 г. Как показал В.И. Буганов, составителем этой редакции был церковнослужитель (возможно, монах Петровского монастыря), небезразличный к политической борьбе 1680-х гг., близкий по своим взглядам к сторонникам Нарышкиных и патриарху Иовакиму. КМЛ по Ивановскому списку — "... своеобразный памфлет, остро и злободневно откликающийся на события внутренней и международной жизни"¹². На то, что сочинение и распространялось как памфлет, указывает его писцовая копия на столбах — такие случаи были обычны в Москве ХУП в. Текстологическое сопоставление Ивановского списка с Академическим, Беляевским, Музейным и Вельским списками позволяет установить, что первый сокращенно передает текст редакции 1680-х гг. и более полно представить ее состав (назовем отсутствующую редакцию Х-икс).

Академический список отражает вторую редакцию КМЛ, в которой изложение ведется от Рождества Христова до солнечного затмения 30 сентября 1699 г. В древней части вторая редакция имеет больше точек соприкосновения с первой, а в разделе конца ХУП в. — большее число московских городских записей, чем третья редакция, представленная Беляевским, Музейным и Вельским списками. Вместе с тем, текстологический анализ выявляет в Академическом и трех последующих списках общий корпус сведений о событиях конца "бунтального" столетия, вплоть до статьи о затмении 1699 г. Следует еще раз подчеркнуть, что между Академическим и списками третьей редакции отсутствует непосредственная

связь: они обобщно имеют невосстановимые сокращения и пропуски в тексте.

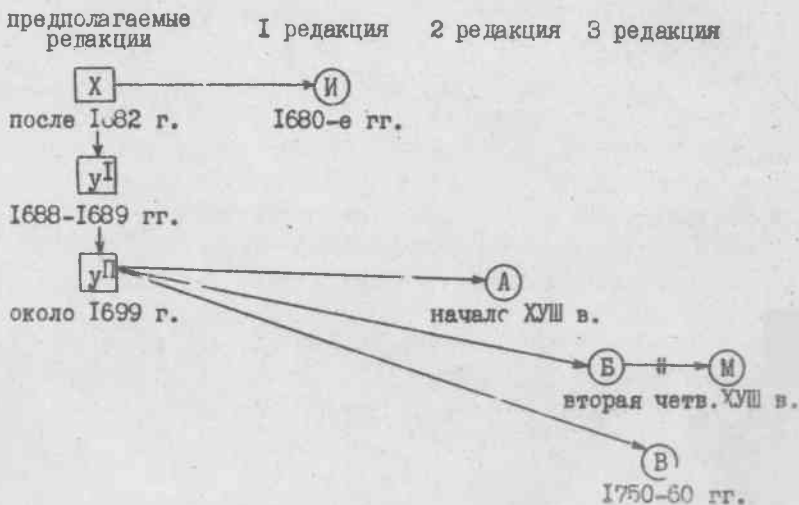
Таким образом, мы можем утверждать существование не сохранившейся в оригинале редакции КМЛ, доведенной до 1699 г. и написанной, исходя из датировки Академического списка, не позднее этого времени (напомню, что список относится к первым годам XVIII в.). В отличие от неполно переданной Ивановским списком редакции X (1680-х гг.) назовем эту составленную около 1699 г. редакцию У — игрек.

Наиболее близка к редакции У редакция КМЛ по Академическому списку, содержащая комплекс московских известий, записанных жителем столицы и согласующихся по содержанию с записками другого москвича — в Боллевым списке Летописца 1631—1696 гг.¹³ Однако статья о большом московском пожаре 1689 г., имеющаяся в других столичных памятниках (я, конечно, в Летописце 1631—1696 гг.) в Академическом списке уже отсутствует, хотя пожар 2 октября 1688 г. еще отмечен¹⁴. Пропуск этого и других важных событий объясняется перерывом в работе над редакцией У (которая могла быть представлена большим количеством списков). В дополнение к редакции X сначала подробно отражались московские события за 1687—1688 гг. (У¹), а около 1699 г. КМЛ был пополнен менее детальными ретроспективными записями за 1694—1699 гг. (У^{II}).

В У^I уже отсутствовала та пронаришкинская направленность, которая заставила автора первой редакции окончить записи 1676 г., не рассказывая читателю о правителях из клана Милославских — царе Федоре Алексеевиче и царевне Софье Алексеевне. Демократическая литература лишена симпатии к правителям, под властью которых нехотят подданные Российского государства, но к концу регентства Софья сумела все же показать преимущества своей политики! В У^I полнее, чем в Ивановском списке, переданы статьи ЛВ по военной истории, о Крестьянской войне под руководством Степана Разина и народных восстаниях, сделаны, по-видимому, новые записи по этим темам.

Очевидно, что автором дополнительных статей У, особенно за 1680-е гг., был не безвестный монах, создатель первой редакции, а другое лицо или лица (если У^I и У^{II}, что весьма вероятно, создавались разными людьми). После 1699 г. редактор внес свои изменения в текст, отраженный Академическим списком, вычеркнув, в частности, статью о Крестыанской войне под предводительством Разина. Независимо от этого редактора рукопись с редакцией У^{II} была переработана другим лицом, результатом деятельности которого стала третья редакция, представленная Беляевским и Вельским списками. Первый из них оканчивается 1699-м г., второй механически оборван на записи за 1697 г.

В третьей редакции текст КМЛ подвергся некоторому сокращению, затронувшему и уникальные записи за конец ХУП в. Позже Беляевский или сходный с ним список этой редакции был дополнен статьями о шведском походе Петра I и Полтавской баталии; эти дополнения отразились в Музейном списке. История текста КМЛ, насколько она поддается реконструкции, имеет в стемме следующий вид (в квадраты взяты литерные обозначения редакций, не сохранившихся в известном нам рукописях):

К Л относится к памятникам летописания, многократно переписывавшимся и дополнявшимся в конце ХУП в. вызывавшим интерес читателей в следующем столетии. В столице конца "бунташного" века он был, пожалуй, не менее популярен, чем ЛВ. Однако его влияние на последующую историографию ощущается слабее, поскольку это сочинение начинает развиваться уже в канун упадка летописной традиции в Москве, в отличие от северных и сибирских городов, где летописание продолжало развиваться почти весь ХУШ в. Следует надеяться, что архивные исследования позволят обогатить материалы для истории текста Краткого Московского летописца.

- 1 См. Фаддеевский список ЛВ (ГБЛ. Ф. 312. № 34. Л. 117-119 об.), помещенный в рукописи чудовского скриптория второй половины 1697 г. и не послуживший (по своим особенностям) для развития традиции КМЛ, и др. списки ЛВ, а также переработку ЛВ в новое сочинение - "Краткое ведение" (ГИМ. Уварова 148, 80).
- 2 Достаточно указать на редакции по Архивному, Ярославскому и позднему Спасо-Прилуцкому спискам. См.: ЦГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Л. 174-190; ГБЛ. Ф. 344. № 248/6208. Л. 171-216; ГИМ. Уварова 48, 2, Л. 1-58 об., 60-136 (здесь смешаны ранний и поздний списки).
- 3 Буганов В.И. Краткий Московский летописец конца ХУП в. из Ивановского областного краеведческого музея // ЛХ за 1976 г. М., 1976. С. 283-293.
- 4 ГБЛ. Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 1.
- 5 Филигрань: Герб г. Амстердам типа Тромонина № 1543, 1543, 1592-1686, г., Дихачева № 3547 - 1689 г., Гераклитова № 53 - 1687 г.
- 6 БАН. 16.14.24 Л. 518-530. Рукопись подробно описана: Описание рукописного отдела БАН СССР. М. 1965. Т.3. Вып.2. Исторические сборники. С. 264.
- 7 ГБЛ. Ф. 29 (собрание И.Д.Беляева). № 8/1514. Л. 57-60. Состав сборника описан: Викторов А. Собрание рукописей И.Д.Беляева. М., 1381. С.7. Филигрань: герб г.Ярославля / ЯФЗ (Ярославская фабрика Затрапезного) типа Лепикова, Филигрны и штампы, № 784-787 - 1737-1752 гг.
- 8 ГБЛ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 5710. Л. 458-461. См.: Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т.1У. С.284. Исследователь утверждает, в частности, что рукопись написана "небрежным полууставом ХУШ в.", хотя

мы видим отлично поставленный четкий мелкий прямой книжный почерк; текст исполнен хорошиими черными чернилами с большим количеством киноварных буквиц.

- 9 ГБЛ. Ф. 218 (собрание Отдела рукописей). Пост. 1954 г. № 469. Рукопись в 4^о, на 11 л. Состав: 1) л. 1-4 об. КМД; 2) л. 5-5 об. Отрывок о грешнике, бышем в гробу 10 лет; 3) л. 5 об. - 6 об. "Слово о хмелю" (против пьянства), без конца; 4) л. 7-11 об. Житие Евстафия Плакиды. Филигрань: герб г. Ярославля /ЯМАЗ типа Клепикова, Филиграни и штемпели, № 749 - 1756, 1765 гг. Почерк: непрофессиональная прямая скоропись XVIII в., рукопись писана одним лицом.
- 10 Эта редакция ЛВ лежит в основе редакций по Псковским, Ярославскому и позднему Спасо-Прилуцкому спискам. Их текстологическое соответствие оканчивается статьей о втором Чигиринском походе 1678 г., наиболее полно переданной Псковскими списками и списком, помещенным в протографе "Краткого ведения". См.: ГПБ. ОДЛ. Г. 355. Л. 56 об.; ср.: БАН. 38.3.23; ГИМ. Уварова 48. 2^о. Л. 45, 121 об.; ГБЛ. Ф. 344. № 248/6208. Л. 213 об.; ГИМ. Уварова 148, 8^о. Л. 90. Текст Ивановского списка оканчивается на предыдущей статье (о московском пожаре 9 июня 1676 г.), однако в протографе его, как показывают все последующие списки, статья о Чигиринском походе имелась. Ср.: БАН. 16.14.24. Л. 527; ГБЛ. Ф. 29. № 8. Л. 59 об.; ГБЛ. Ф. 178. № 5710. Л. 460 об.; ГБЛ. Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 4.
- 11 ГИМ. Музейное собр. № 1499.
- 12 Буганов В.И. Краткий Московский летописец... С. 288. Ср.: с. 284-287.
- 13 ГБЛ. Ф. 29. № 65/1754. Л. 41-81 об.
- 14 Там же. Л. 80 об.-81; Ср.: БАН. 16.14.24. Л. 528-529.

I. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ КМД ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ СПИСКУ

(л.518) "В^I пятое надесять лето роди Христа Бога нашего при том Августе кесаре римском. Плотью родися Господь наш Иисус Христос в 555 лето. А от Рожества Христова до пришествия волхвов 2 лета и 6 месяц. А от пришествия волхвов до Августовой смерти 13 лет.

Крестися Господь наш Иисус Христос от Иоанна во Иордане в 30 лет. От Крещения Христова до Усекновения Иоаннова 2 лета и 6 месяц. А от Усекновения Иоаннова до страсти Христовой 6 месяц. (л.518 об.).

Распят же бысть Господь наш Иисус Христос в 5533 лето марта в 30 день в пяток в 6-м часу дни, а Воскресе Христос апрели в I день.

Святая Богородица пребысть в дому Иоанна Богослова до убиения архидиакона Стефана 3 лет, 350 дней. Всех лет живота Богородицна от Рожества ея 72 лета. Бысть же Успение пречистые Богородицы в лето 5557 лето.

Лета 6370-го году словене и русь (л.519) избраша себе князя Рюрика от Прусской земли от рода кесаря Августа.

Лета 6383-го году князь Рюрик умре. Княжение свое предаде Рюрик сроднику своему Ольгу. В та же лета прежде Ольгу прииде на Москву реку, в ня же текут Неглинна да Яуза, и постави тут град, и нарече имя ему Москва, и посади тут князя Юрья Володимировича, сродника своего.

Лета 6520-го году князь Владимир киевский умре. По Владимире княжил (л.519 об.) в Киеве сын ево Святополк, оже уби братию свою Бориса и Глеба. Его же, Святополка, изгна и сяде в Киеве Ярославлец, по нем сын его Всеволод.

Лета 6662-го году сентября в 7 день принесена бысть

I Подчеркнутые буквы и слова выделены в рукописи. Перед началом текста помета: "Григорей Иванов писал. Сия тетрадь Григорей Иванов писал он", - но рукопись написана другим почерком.

чюдотворная икона, образ пресвятыя Богородицы Владимирские, ис Царяграда великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским, а написан чюдотворный образ апостолом и евангелистом Лукою, и во то время Богородица была во плоти. А в Володимере стоял чюдотворный образ Богородицы Влади-(л.520)мерские 24С лет.

Лета 6666-го году князь Юрья Володимерович постави на Москве Кремль город деревянный.

Лета 6760-го году настало великое княжение московское князем Данилом Александровичем Невским.

Лета 6811 году преставись на Москве князь Данило Александрович Невской. По нем бысть сын его князь Иван Данилович.

Лета 6833-го году заложена бысть церковь каменная I (-я) Успения пречистыя Богородицы (л.520 об.) Петром митрополитом и князем великим Иваном Даниловичем.

Лета 6841-го года поставлена на Москве церковь каменная архистратига Михаила, что ныне кладутца великие государи цари.

Лета 6849-го преставись князь Иван Данилович. По нем седе сын его князь Иван Иванович.

Лета 6867-го году преставись князь Иван Гордый, предаде (княжение.- А.Б.) сыну своему князю Дмитрею Донскому.

Лета 6875-го году поставлен на Мос-(л.521)кве Кремль город каменной князем Дмитреем Ивановичем Донским.

Лета 6899-го году преставись князь Двitreй Иванович Донской, предаде все сыну своему князю Василью Дмитриевичю.

Лета 6915-го году великая княжна Евдокея Лукьянзна повеле заложить церковь каменную Вознесения Христова и монастырь возгради.

Лета 6928-го году преставися на Москве великий князь Василей Дмитриевич Донской. По нем сяде (л.521 об.) сын его князь Василей, иже бысть Темный.

Лета 6970-го году преставись князь Василей Темный, предаде все сыну своему князю Ивану Васильевичю.

Лета 6999-го году совершили мастера Спаскую башню.

Лета 7014-го году преставись князь Иван Васильевич. По нем прят (княжение.— А.Б.) сын его князь Василей Иваночич.

Лета 7030-го году князь Василей Иванович воздвиже под Москвою Нов Девич монастырь (л.522).

Лета 7034-го году родися на Москве великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России, а поставлен в цари Макарием патриархом Цареградским в 7054 лето.

Лета 7060-го году преставись на Москве Василей Блаженный, учал странствовать и наг ходить от десяти лет возраста своего.

Лета 7061-го году царь Иван Васильевич взял Казанское и Астраханское царствы.

Лета 7065-го году родися царю Ивану Васильевичу (л. 522 об.) царевич Феодор Иванович.

Лета 7068-го году совершилась на Москве церковь каменная Покров пречистые Богородицы что на Рву, словет разными пределы.

Лета 7071-го году родися на Москве царевич Дмитрий Иванович.

Лета 7072-го году преставись на Москве благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России. По нем сяде сын его благоверный государь царь и великий князь (л.523) Феодор Иванович всеа России.

Лета 7094-го году великий государь царь Феодор Иванович повелел на Москве делать Белой каменной город, в начале Тверские ворота, а делали 7 лет.

Лета 7099-го году повелением Бориса Годунова на Угличе Данилко Битяговской с товарищи убили благовернаго царевича Димитрея Ивановича всеа России (л.523 об.).

Того же году задолжили делать за Москвою рекою церковь каменную во имя пресвятыя Богородицы Донские.

Лета 7106-го году преставись на Москве царь Феодор Иванович.

Того же году вспарися на Москве Борис Феодорович,

по прозванию Годунов.

Лета 7111-го году бысть по всей Руской земли мор велик, якоже многие грады и селы запустели.

Лета 7113-го году преставись на Москве царь Борис Федорович Годунов (л.524). Горели ряды по большуу важню, рвало зелье, в Москотильном ряду в одном убило 80 человек лавочных людей, а по смете во всех рядах убило до трехсот человек.

Лета 7145-го году совершена бысть церковь по конец Никольскаго мосту во имя пречистые Богородицы Казанские.

Лета 7153-го году преставись на Москве государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа России, царства его было 32 лета, всех лет жития ево. великого государя, было 49 лет (л.524 об.).

Того же числа наречен на царство сын ево, благоверный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа России.

Лета 7162-го году государь царь Алексей Михайлович ходил под Смоленск, и покори ему Бог Смоленск, и город Могилев, и Быхов.

Того же году бысть по всей Руской земли мор велик.

Лета 7167-го году была Конопская служба.

Лета 7169-го году родись на Москве (л.525) благоверный царевич и великий князь Федор Алексеевич всеа России.

Лета 7170-го году был бунт на Москве. Чернь и посацкие всякие гулящие люди громили на Москве гостей Василья Шорина с товарищи. И грома после того пошли в Коломенское к царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа России самодержцу и прошали бояр. И в то время бунтовщиков московские стрельцы побили, и иные многие сосланы в сылку (л.525 об.).

Лета 7176-го году августа в 22 день горел на Москве Китай город весь дочиста.

Лета 7179-го году великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа России венчался царским вторым венцом, а понял за себя Нарышкиных родов царицу На-

талию Кириловну.

Лета 7180-го году родился на Москве благоверный царевич и великий князь Петр Алексеевич всеа Росии.

Того же году явление было в Венгерской (л.526) земле: радуга стояла, по концам два месяца, и стреляла пушка по мечю, и слышать тот был стук по всем землям.

Того ж году вора Стеньку Разина донской казак Корной Яковлев привез к Москве.

Лета 7184-го году генваря в 30 день в 3-м часу ночи преставись на Москве благоверный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии. А царства его было (л.526 об.) 30 лет, 8 месяцев. А всего жития ево было 46 лет, 6 месяцев, 20 дней.

Того ж числа наречен на царство благоверный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич.

Того ж году по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича велено переменить платье: охабни и однорядки, а велено носить кафтаны всяких чинов людям по указу (л.527).

Того ж году горело на Москве в Белом городе и в Земляном стрельцкие слободы. И тем много людей згорело, 377 человек, а иных неведомо сколько без вести пропало.

Лета 7186-го году была Чигиринская служба.

Лета 7189-го году декабря против 15 числа во втором часу ночи стоял столп на небесах, в нем звезда, а по обем сторонам по звезде, а стоял многие недели (л.527 об.).

Лета 7190-го году апреля в 27 день во 2-м часу дни преставись на Москве благоверный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Росии. А царства его было 6 лет и 3 месяца.

Того ж году марта в 15 день, по смерти ево, великого государя, был на Москве бунт от служилых людей от стрельцов. Многих бояр побили и наругались мертвым телам (л.528).

Того ж году воцарились на Москве великие государи царя и великие князи Исаня Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Росии.

Лета 7191-го году на Москве золожили делать Каменной мост.

Лета 7195-го году был поход в Крым.

Того ж году совершили делать Каменной мост (л.528 об.)

Лета 7196-го августа в 20 день горели на Москве ряды. Того ж году августа ж в 28 день горел на Москве Посольской двор, и в Китае-городе дворы, и в Белом городе, и в Земляном, и перекинуло за Язуу в Рогожную слободу.

Лета 7197-го году был на Москве пожар, горело за Ильинскими¹ вороты в Белом городе, и в Земляном, и за Земляным, и Новомещанская, и Напрудная (л.529).

Лета 7202-го году была Азовская служба.

Лета 7204-го году генваря в 21 день в 3-м часу дни престави я благочестивый государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич всеа России. А царства его было 13 лет, 9 месяцев.

Того ж году октября против 21-го числа в ноци был гром, и молния, и дождь велик.

Лета 7202-го году марта в 6-м (л.529 об.) да в девятом числех кажны на площади воры, изменники, и крестопреступники, и бунтовщики стольники Фетька Пушкин с товарищи, 6 человек.

" Лета 7206-го сентября в 30 день приходили стрельцы ис под Азова², и стояли под Воскресенским монастырем, и хотели итти к Москве для бунтовства. И того ж году за такое ил умы- (л.530)шленне и бунтовство кажено их на Красной площади многое число.

Лета 7208-го году сентября в 30 день бысть на небеси знамение от шестаго часа до десятаго: половина солнца во тьму преложися в шестом часу дни. Видимо бысть всему народному множеству людей.

Конец и слава" (л.530 чист).

БАН. 16.14.24. Л.518-530. Скоропись.

1 Слово читается предположительно.

2 В тексте ошибка: "Озова".

2. ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ КМЛ ПО ВЕЛЬСКОМУ СПИСКУ

(Л. I) "Летописец Московской."

Летописец Московской, написан от Сотворения мира, что учинилось в Московском государстве в прошлые времена и в нынешняя учинилось что.

От Адама до Потопа 2242 лета. А от Потопа до разделения язык 503 лета. А от разделения язык до Авраама 555 лет. А от Авраама до исхода Израилева 552 лета. А от исхода Израилева до Давыда царя 48 лет. А от Давыда царя до потопления Иерусалима на 648 лето 1000. А от пленения Иерусалимова до Александра царя Македонского 660 лет. А от Александра царя Македонского до Августа кесаря Римского 260 лет; всего жития его, Августа, 90 лет.

Родися пресвятая Богородица до Рождения Христова за четырнадцать лет, в пятое на десять лето роди Христа Бога нашего Иисус в 550^л лето. А от Рождества Христова до пришествия волхвов 2 лета и 6 месяцев. А от пришествия волхвов до Августа смерти 17 лет (л. I об.¹).

Крестися Господь наш Иисус Христос от Иоанна во Иердани в 30 лет. А от Крещения Христова до Усекновения Иоанна 2 лета и 7 месяцев. А от Усекновения Иоаннова до страсти Христовы 6 месяц.

Распят же бысть Господь наш Иисус Христос в 5533 лето марта в 30 день в пяток 2 час днии, а Воскресе Господь апреля 1 числа в третьем часу ноши.

Пресвятая Богородица пребысть в дому Иоанна Богослова да² умения² архидьякона Стефана шесть лет, 8 дне. Всех же лет живота Богородицы от рождества ея семдесят два лета.

Лета 6370-го словяне и русове избраша себе князя Рюрика от Прусской земли от рода кесаря Августова и Олександрова.

¹ На этом листе текст записан в две колонки.

² Так в тексте.

В то ж лето предаж Рюрик княжение свое Ольгу. Ольг же прииде на Москву реку, в нея же течет Неглинка да Яуза, и постави тут град, и нарече имя ему Москва, и посади тут князь Юрья Володимировича, сродника своего.

Лета 6666 году Юрей Володимирович постави Кремль град деревяной.

Лета 6704 году настало на Москве великое княжение о князем Донилом Александровичем Небынским¹.

Лета 6833 году заложена бысть церковь каменная первая Успение пресвяты Богородицы Петром митрополитом и князем великим² Иваном Дакловичем.

Лета 6875 году поставле(н) на Москве Кремль (л.2) город каменной князем Дмитрием Ивановичем з братом Владимиром³.

Лета 6899-го году преставися князь Дмитрией Иванович Донской, предаде всему⁴ сыну своему князю Василью Дмитриевичю.

Лета 6951-го году преставися на Москве великий князь Василей Дмитриевич Донской, а был на Московском княжении 36 лет. По нем сяде сын его князь Василей, иже бысть Темской⁴.

Лета 6970-го году преставися князь Василей Темской, предаде все сыну своему князю Ивану Васильевичю.

Лета 6995-го году воцарися царь Иванн Васильевич.

Лета 7014⁵-го году преставися князь Иван Васильевич.

Лета 7019⁶-го году явися на небеси звезда хвостовая, а была она 33⁷ дни.

Лета 7060-го году преставися на Москве Василей Бла-

1 Так в тексте.

2 Повторено дважды.

3 Далее теми же чернилами, несколько измененным почерком фраза, выходящая на правое поле: "Лета 60899 году марта".

4 Так в тексте.

5 Далее при написании дат смешаны русские и арабские цифры, здесь: "7(со знаком тысяч)41" (т.е. ошиб.: 7000+1+10).

6 В тексте: "7(тысяч)91".

7 Написано арабскими цифрами.

женной, а всего жития его было 94¹ года.

Лета 7061² году царь Иванн Васильевич взя Казанское и Астраханское царство (л.2 об.),

Лета 7065³ году родися царю Иванну Васильевичю сын, царевич князь Феодор Иоаннович.

Лета 7065⁴-го году совершилась на Москве церковь каменная Покров пресвятыя Богородицы Петром митрополитом, что на Рву, о девяти пределов разными образы.

Лета 7092⁵ году преставися на Москве благоверный царь и великий князь Иванн Васильевич всея России. По нем сяде сын ево благоверный государь царь Феодор Иванович всея Росии.

Лета 7094⁶ году царю Феодору Ивановичю покори Бог царство Сибирское.

Лета 7098⁷ году царю великому государю князю Феодору Ивановичю всея Росии повеле на Москве делать Белой Каменной город, вначале Тверская ворота, а делали семь лет.

Лета 7099⁸ году повелением Бориса Годунова что на Угличу Даниилской и Битяговский с товарищи убили благовернаго царевича великаго князя Дмитрия Ивановича всея Росии.

Лета 7102⁹ году преставился на Москве царь Феодор Иванович генваря в 7 день, а детей у него, государя, не осталось.

Того ж году воцарись на Москве Борис Феодорович Годунов (л.3).

Лета 7112¹⁰ году преставися на Москве царь Борис Феодорович Годунов; воцарися сын ево Феодор Борисович, а

- 1 В тексте: "Ч (буквой, т.е.90)4".
- 2 В тексте: "7601" (арабскими цифрами).
- 3 В тексте: "07605" (арабскими цифрами).
- 4 В тексте: "07605" (последняя цифра - 5 - буквой).
- 5 В тексте: "0798" (последняя цифра - 2 - буквой).
- 6 В тексте: "0794".
- 7 В тексте: "0798".
- 8 В тексте: "0790" (последняя цифра - 9 - буквой).
- 9 В тексте: "07102" (последние цифры - 102 - буквами).
- 10 В тексте: "07100" (арабский ноль ошибочно поставлен вместо буквы 1 - десять).

царства ево было два месяца.

Того ж году поущением Божиим еретик и богоотступник Гришка Отрепьев воровский назвася царевичем князем Димитрием Ивановичем, что убит на Угличе. И того ж году тот же вор Гришка пришел к Москве со многими литвы людьми и рускими вора и сел на Москве царем, и бысть царство его близ года. И Московского государства бояры и все граждани по совету между собою и того вора Гришку убили, а русских воров побили, а литовских попов живых поймали и в Литву отслали для чести и славы великия. Того ж году воцарись Василий Иванович Шуйской, а царства его было ¹ 4 лета.

Лета 7121² году избрали на Московское государство из русских людей царского колена государя царя Михаила, родом Романновых, Феодоровича всея России. Воцарися на Москве царь Михаил Феодорович всея России самодержец (л.3 об.).

Лета 7119³ году в великий Пост⁴ на Страшной недели во вторник Московское государство литва разорила все дочиста и без остатку.

Лета 7137⁵ году родися благоверный царевич Алексей Михайлович всея России.

Лета 7145⁶ году совершена бысть церковь каменная по конец Микольского мосту во имя пресвятыя Богородицы Казанские.

Лета 7153⁷ году имя в 12 день преставися на Москве государь царь Михаил Феодорович всея России, а царства его было трицать два лета.

Того ж числа наречен на царство сын ево, благоверный государь царевич и великий князь Алексей Михайлович всея России.

1 Слово вставлено над строкой теми же почерком и чернилами.

2 В тексте: "О7РКА".

3 В тексте: "О7РОИ".

4 В тексте: "Под".

5 Написано буквами.

6 В тексте: "О7РМЕ".

7 В тексте ошиб.: "О7РА" (т.е. 7101).

Лета 7163¹ году великому государю царю Алексею Михайловичю дал (Бог) Смоленск град и многия города, Быхов и Магилев.

Того ж году бысть по всей земли мор велик, якож многия села Росии и грады запустели.

Лета 7167² году родися на Москве благоверный царевич и великий князь Феодор Алексеевич всеа Росии.

Лета 7175³ году русской вор и богоотступник Стенька Разин Казань воровал, и ходил (л.4) на Нис на Волгу и на море, и многие государевы города имал, и хотел итти к Москве для бояр и для бунтовства.

Лета 7183 году родися на Москве благоверный царевич и великий князь Петр Алексеевич всеа Росии.

Того ж году явление было в Венгерской земли: стояло радуга, а по концам два месяца, видели множество людей.

Лета 7184 году генваря в 30 день в третьем часу ноци преставися на Москве благоверный государь царь Алексей Михайлович всеа Росии. А царства его было трицать лет и девять месяцев.

Того ж числа наречен на царство сын его, благоверный государь царевич Алексей⁵ Михайлович⁵ всеа Росии.

Лета 7189⁶ году была служба Чигиринская.

Лета 7189⁶ году декабря в 4 день против пятого на десять числа во втором часу ноци стоял на небеси столб, а в нем звезда, да по обоим сторонам по звезде, а стояли многие недели.

Лета 7193⁷ году апреля в 7 день во втором часу дни преставися на Москве благоверный государь царь и великий князь Алексей⁵ Михайлович⁵ всеа Росии. А царства его было шесть лет и три месяца (л.4 об.).

1 В тексте: "07P Г".

2 В тексте: "07P З".

3 Здесь и далее кроме оговоренных случаев цифры написаны буквами.

4 В тексте: "ЗРП4" (последняя цифра - 4 - арабская).

5 В тексте дважды повторена ошибка, надо: Феодор Алексеевич.

6 В тексте: "07P19" (два раза).

7 В тексте все цифры, кроме "7" (тысяч) написаны буквами.

Того ж году мая, дватцаты день по смерти ево, великого государя, был на Москве бунт от служивых людей от стрельцов. И многих думных дьяков и бояр побали и наругались мертвых.

7195¹ году воцарися на Москве великий государь царь и великий князь Иван Алексеевич, Петр² Алексеевич всея России.

Лета 7196¹ году был поход в Крым.

Лета 7202³ году была служба Азовская.

Лета 7204⁴ году генваря дватцать 4 день (во) 2 часу днии преставися благочестивый государь царь и великий князь Иван Алексеевич всея России. А царьства его было тринаццать лет, 9⁵ месяцев.

Того ж году сктября против 21 числа в ноци был гром, и молния, и дождь велик.

Лета 7206 марта (в) 8, 9⁵ числех казнены на площади воры изменникии и крестопреступникии и бунтовщики стольник Федька Пушкин с товарищи.

Лета 7206⁶ году сентября в 30 день приходили стрельцы ис под Азова, и стояли под Воскресенским манастырем, и хотели ити к Москве для бояр и для бунтовства. Того ж году за такое их вымышление и бунтовства казнены на Красной площади многое число". (конец текста совпадает с концом листа).

ГБЛ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). Пост. 1954 г. № 469. Л. I-4 об. Скоропись неумелая.

- 1 В тексте все цифры, кроме "7" (тысяч) написаны буквами.
- 2 В тексте ошиб.: "Петр".
- 3 В тексте: "302" (последняя цифра - 2 - арабская).
- 4 В тексте: "704" (к арабской цифре 7 пририсован знак тысяч).
- 5 Числа 8 и 9 написаны арабскими цифрами.
- 6 В тексте: "07С".

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ КАК ПРЕДМЕТ СРАВНИТЕЛЬНОГО -
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Крупные социальные преобразования каждый раз ставят перед исследователями проблему соотношения общества и государства, механизмов и инструментов проведения реформ. В процессе своего развития общество проходит известные периоды внутренней самоорганизации, вызванные объективной тенденцией к регулированию социальных отношений и противоречий. Существование определенной системы управления и ее совершенствование есть неизменный закон общественного развития. Административная система выступает при этом как необходимый компонент всякого социального образования, претягивающего на независимое от других существование, а состав аппарата управления (бюрократия) представляет собой тот общественный слой, который повсюду реализует функции управления. В соответствии с этим административные реформы могут рассматриваться как межформационное явление, изучение которого открывает возможности использования сравнительно-исторического подхода. В ходе рационализации общественных отношений современная наука выделяет три основных типа их организации, легитимности власти - традиционный, рациональный, и харизматический. Власть имеет традиционный характер в тех случаях, когда она освящена авторитетом издавна существовавших патриархальных установлений и властителей, а также религиозными нормами. Рациональная организация власти имеет место тогда, когда она опирается на определенную систему общих правил и норм, намеренно установленных с известной разумной целью. Наконец, третий тип власти, харизматический, предстает в исторической перспективе скорее как переходный тип власти от традиционной ее организации к рациональной, основываясь на признании исключительных, уникальных достижений индивидуальной личности и предписываемых ею образцов поведения. В этой перспективе

всякая крупная реформа политической системы может рассматриваться как результат и способ разрешения конфликта между традиционной организацией власти, с одной стороны, и рациональной — с другой. Процесс рационализации, который, как правило, связан с широким процессом модернизации всех сторон жизни общества, находит наиболее полное выражение в радикальных реформах традиционного государственного устройства. Именно таковы реформы органов власти и управления, осуществленные Петром в первой четверти XVIII в. в России. Создание рационально управляемого государства путем реформ, законодательного регламентирования, было осознанной целью Петра.

Известно, что всякому определенному типу организации управления соответствует специфический тип документального обеспечения. С изменением первого меняется и второй. При переходе от традиционной организации административной системы к более рациональной, особенно если он осуществляется быстрыми темпами, данная тенденция находит очень четкое выражение. Одни виды документов полностью исчезают, другие — впервые появляются в управленческой практике. Чем радикальнее проводимые преобразования, тем более сознательно государство стремится разрушить старые управленческие структуры, системы коммуникаций, обеспечивающие их нормативные документы. В то же время тщательно разрабатывается документация новой, рациональной организации управления. В ряде предшествующих работ автор рассмотрел этот процесс в ходе петровских преобразований, когда он проявился особенно явно¹. В настоящем исследовании нашей задачей является определение закономерности данного процесса путем выявления отдельных видов документации в других странах рассматриваемого периода. В центре нашего внимания оказываются при этом нормативные документы ряда стран, аналогичные русской Табели о рангах.

Основными компонентами сравнительно-источниковедческого исследования должны стать, во-первых, анализ видовой природы источников; во-вторых, их функционального, докумен-

товедческого аспекта и, наконец, в третьих, структуры содержащейся в них информации.

Табель о рангах — достаточно хорошо известный источник, неоднократно являвшийся предметом комментариев с различных точек зрения. В то же время изучение Табели о рангах не с юридической, а с источниковедческой точки зрения проведено недостаточно. Наибольший вклад в решение данной проблемы вносит труд В.А.Еврейнова "Гражданское чиновничество в России" (СПб., 1888)². В процессе подготовки реферма гражданского чиновничества в России XIX в. возникла настоятельная потребность в обращении к истории вопроса и, прежде всего — к основному документу, регламентировавшему иерархию чинов в империи. Еврейнов был первым исследователем, который рассмотрел Табель о рангах в связи с другими, прежде всего архивными источниками, проливающими свет на обстоятельства ее создания и некоторые особенности ее содержания. Он широко использовал документы фонда Кабинета Петра Великого, показал непосредственное участие преобразователя и его ближайших сотрудников в составлении и редактировании текста памятника. В его труде (в приложениях) были впервые опубликованы некоторые ценные документы Кабинета. Им выявлено влияние иностранного законодательства прежде всего Дании и Швеции — на текст Табели, ее структуру, терминологию, некоторые правовые нормы. В советской историографии эта тема долгое время не разрабатывалась. Большой вклад в источниковедческий анализ Табели внесён С.М.Троицким³. Одна из глав его книги специально посвящена истории разработки Табели о рангах. Рассматриваются ее редакции, дополнительные статьи, освещается обсуждение проекта Табели в Сенате, Военной и Адмиралтейской коллегиях, характеризуется окончательная редакция Табели о рангах, дается ее общая оценка. Основное внимание при этом уделяется вопросам происхождения источника, его авторству (кто являлся составителем), иностранным заимствованиям.

Одним из направлений изучения Табели на современном

этапе является анализ степени претворения принципов Табели в жизнь—реальную практику чиновничества в России XVIII—XIX вв. Эту проблему затрагивает, в частности, ряд западных исследователей, например Дж.Хассель в статье "Применение русской Табели о рангах в течение XVIII в."⁴.

В данной работе принят иной подход. Предшествующая историография в принципе исходила из рассмотрения Табели о рангах как уникального и специфически русского памятника. При такой направленности исследования его задача сводилась к выяснению источников Табели (как русских, так и иностранных), различных заимствований из них, принципов, положенных в основу создания документа, наконец, характера его функционирования в практике организации и функционирования русской гражданской службы. В нашу задачу, напротив, входит рассмотрение Табели о рангах в ряду других аналогичных памятников рассматриваемой эпохи. Применяемый при этом сравнительный источниковедческий подход предполагает выявление всего корпуса однотипных источников, проведение их внешней и внутренней критики и, наконец, осмысление их как определенного вида источников. При таком подходе центр тяжести исследования состоит уже не в определении уникальных, специфических черт данного памятника — Табели о рангах, а в определении тех черт данного документа, которые являются общими для всего данного вида источников. На наш взгляд только при таком подходе информационные возможности данного вида источников становятся более очевидными. Возникает возможность определить, почему в различных странах в одно и то же время возникают однотипные виды документов. Важной самостоятельной задачей при таком исследовании является выявление такого рода однотипных источников там, где они существовали.

В нашем распоряжении имеются источники по основным странам Европы, отражающие процесс рационализации административного управления в них периода утверждения и развития абсолютистских монархий, Речь идет о специально собранных и переведенных на русский язык табелях о чинах

европейских государств, отразивших реальное положение дел в этой области. В период подготовки административных реформ и, в частности, разработки Табели о рангах Петром было дано специальное указание российским послам и посланникам при крупнейших европейских дворах присылать в Кабинет материалы и прежде всего законодательные акты об организации чиновного строя в странах их пребывания⁵. В результате были получены ценнейшие документы как на языке подлинника так и в переводах на русский язык.

Об организации государственной службы Англии имеется два основных документа - "Статут или состояние новое Англии под государствованием короля Вильгельма III 1692 г."⁶ и более подробное "Известие чинов королевы Анны" 1707 г.⁷; о государственной службе Пруссии - "Регламент курфюрста Бранденбургского Фридриха 16 сентября 1699 г."⁸ "Королевское прусское учреждение о степенях" 1705 г.⁹, и "Устав о рангах Фридриха I 1713 г."¹⁰; Ряд законодательных актов, определявших иерархию служащих государственного аппарата был принят в Швеции - "Его королевского величества обновленный устав и регламент, касающийся ранга, который надлежит всего государству служителям во всяких случаях иметь" Карла XI 1696 г.¹¹, и "Королевский шведский регламент о рангах" Карла XII 1705 г.¹²; Дания представлена двумя нормативными источниками, - это "Указ о рангах" Христиана V от 11 февраля 1699 г.¹³ и "Новый указ о рангах" Фридриха IV от 11 февраля 1717 г.¹⁴ Имеются также весьма ценные документы сходного характера по Франции, Австрии, Венеции, Турции и Польше¹⁵.

Рассматриваемая в этом контексте Табель о рангах 1722 г. предстает в новом свете. С одной стороны этот важнейший законодательный акт уже не выступает как некоторая случайность или чисто русское явление, а является закономерным выражением тех же самых процессов, которые в разной степени имели место и в других абсолютистских странах. С другой стороны, не может быть сомнения и в том, что Табель о рангах является наиболее завершенным,

четким и ярким памятником такого рода, который, вооружив себя весь предшествующий опыт административной служб стран Европы, выразив его предельно лаконично и ясно, создает новую позицию для сравнения, дает возможность по-новому взглянуть на предшествующую традицию. Попробуем с этой точки зрения посмотреть на существенные особенности систем чиновных рангов в Европе конца ХVII – начала ХVIII в.

Французский абсолютизм, сформировавшийся постепенно и достигший к рассматриваемому времени апогея своего развития, сохранял во многом традиционную природу. Обращает на себя внимание разработанная система придворных чинов, совмещавших в себе ряд критериев – родовитость, принадлежность к знатному или даже правящему клану (династии), место в системе государственной службы, наследственность статуса, размер земельного владения, количество зависимого населения, величину доходов. В системе иерархии, отражающей особенности французского феодализма, родовитость играет первостепенную роль, хотя выслуга появляется и развивается параллельно с нею¹⁶. Высшие ступени придворной иерархии безраздельно принадлежат лучшим дворянским фамилиям. Эти придворные чины легко находят аналогию в чинах старой московской администрации, без труда переводятся на русский язык. Наблюдатель (А.А.Матвеев) называет их чинами "первого дворецкого", "надзирателя хлебников", "великого чашника" и "кравчего"¹⁷. Традиционной иерархии дворцовых чинов соответствует иерархия власти, престижа и богатства. Что касается военных чинов, то по регламенту Людовика XIV 1689 г., в ее основу положена иерархия выслуги, а не знатности¹⁸. Заметно и новое, бюрократическое сословие, которое, как показывают источники, играет все более существенную роль в реальном процессе управления, отодвигая представителей знати. Достаточно напомнить в этой связи о секретарях многочисленных советов и судьях в парламентах.

Обращаясь к английской иерархии чинов, русский наблюдатель подчеркивает, что высшую ступень занимает духо-

вное лицо — архиепископ Кентерберийский как примат королевства и первый председатель Тайного совета¹⁹. Специфика английской государственности — наличие парламента, сложной процедуры обсуждения и подтверждения королевских указов, нашла свое выражение в иерархии чинов, в частности в должности государственного печатника, который выступает "крепким остерегателем прав английских". Если законодательные акты королевской власти вступают в противоречие с фундаментальными законами страны, это должностное лицо не утверждает их. Соотношение знатности и чина в Англии имеет специфические черты. Знатность обеспечивает высокую престижность должностного лица, может способствовать эго карьере (особенно если речь идет о лицах королевской крови или знатных фаворитах), однако не обеспечивает автоматически реального влияния на решение дел.

Во Франции и особенно в Англии как показывают источники прослеживается тесное переплетение традиционных структур и принципов управления с новыми — рациональными, здесь не было резкой, законодательной реформы традиционных институтов, а скорее их плавный переход в новые административные структуры. Эта особенность связана с исторически сложившейся спецификой социальных структур. Во Франции и особенно в Англии традиционно были сильны органы местного самоуправления, парламенты, велик был социальный контроль со стороны сословных учреждений и, наоборот, публичная власть имела сравнительно более ограниченный круг средств для осуществления социального регулирования и управления. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, хорошо прослеживающееся на примере Англии, даже в иерархии чинов и должностей, ограничивало возможности бюрократии, несмотря на постоянный рост влияния чиновничества в управлении и принятии решений.

В отличие от стран Западной Европы, Восточная Европа рассматриваемого времени дает пример активного вмешательства государства в регламентацию сословного строя вообще, правящего класса и бюрократии, в частности. С этим связано

наличие здесь специальных законодательных актов, фиксирующих изменения иерархии чинов на переломном этапе перехода от традиционалистских принципов организации управления к рациональным. Рассмотренные нами законодательные акты Бранденбурга и Пруссии отражают динамику этого процесса. Так, Дворцовый регламент курфюрста Бранденбургского Фридриха 1699 г. характеризует патримониальные черты государственного управления и прежде всего те из них, которые сближают его с управлением королевским доменом²⁰. Этот регламент, ставший архаичным уже в момент его принятия, включает, поэтому, придворные должности, закрепляет и подтверждает связанные с ними привилегии и старинную практику дворцового управления. Принципиально иной подход находим в следующем документе — Королевском прусском учреждении о степени Фридриха I за 1705 г.²¹ В основу чиновного деления здесь положен уже не признак знатности, а признак выслуги, что выражается как в иерархии чинов, так и в разъясняющей части указа, направленной против конфликтов между знатью и бюрократией на почве местничества. Данный документ, таким образом, ставил целью формирование единой корпорации служилых чинов государства, определял по-новому их жалование, статус и престиж, поставленные всецело в зависимость от королевской власти. Устав о рангах 1713 г. означает новый шаг в том же направлении²². Этому способствовало укрупнение рангов, уменьшение их числа причем за счет старых придворных чинов. Указ отразил консолидацию бюрократии и усиление военной верхушки в Пруссии периода утверждения абсолютизма.

Существенные изменения в иерархии государственного управления произошли в Швеции. Регламент 1689 г., в котором предусматривались придворные и государственные чины, был признан устаревшим и в 1696 г. подвергнут критике в новом документе²³. Им стал "Его королевского величества обновленный устав и регламент, касающийся ранга, который надлежит всего государства служителям во всяких случаях иметь", подписанный Карлом XI 21 февраля 1696 г.²⁴ Единая иерархия рангов включала в себя чины военных, граж-

данских, а также придворных администраторов, в том числе особую категорию должностных лиц, осуществляющих функцию управления в регионах. Регламент выступал как важный инструмент усиления власти государя, поскольку предусматривал утверждение (конfirmацию) всех назначений на должности монархом, без которого патент на должность не получал законной силы. Новый документ — "Регламент" Карла XII 1706 г. практически сохранил в неизменном виде общее число рангов, иерархию, терминологию, указания о штрафах за нарушение закона²⁵. Современники отмечали в качестве специфической черты нового регламента ту его особенность, что он повысил статус военных перед гражданскими чинами. Кроме того, были сняты некоторые различия гражданских чиновников дворянского и недворянского происхождения, имевшие место ранее. Как известно, шведский административный опыт привлекал большое внимание Петра именно благодаря большой разработанности принципов чиновничества, а также условиями мобильности чиновничества. В этой связи особую ценность имеет документация, отражающая неформальное функционирование шведской табели. Мы имеем в виду "Ранг шведскому гражданскому штату 1719 г.", который содержит иерархию чиновников, отсутствующих в регламентах, поскольку они имеют низшие ранги и не получают патентов от короля²⁶. Этот документ несомненно был использован при разработке штатов коллежских чинов и Генерального регламента.

В эти же годы в Дании сходные процессы привели к изданию двух законодательных актов — "Указа о рангах" короля Христиана V от 11 февраля 1699 г.²⁷ и "Нового указа о рангах" Фридриха IV 11 февраля 1717 г.²⁸ Сопоставление текстов этих документов показывает, что при сохранении общих положений, в них имелись и определенные различия. Различия эти касались социального состава правящей элиты или высших рангов датской Табели. Если в предшествующем документе имелись категории чиновников, сохранявших свои привилегии только во время службы, то по новому положению чиновники высших ступеней без различия ранга сохраняли свои привилегии пожизненно. Чиновников низших шести степеней

данная привилегия не коснулась, обозначив рост социальной дифференциации внутри состава аппарата управления, консолидацию новой бюрократической элиты на основе принципа выслуги. Вероятно с этим связаны заимствования Петром указанных положений, которые были им распространены на всю иерархию служащих.

Сводный документ по австрийской гражданской службе "О чинах надворных цесарских" — не носит официального характера²⁹. Он составлен человеком, хорошо знающим дело, а главное, находящимся в курсе реального механизма управления (он знает даже дни недели, по которым подписывает бумаги император). Это позволило автору дать не только формальную иерархию гражданских, военных и придворных чинов империи, весьма разнородную и нечеткую в своих основополагающих принципах, но и сообщить ценные данные о материальном обеспечении служащих, а также о процедурах управления. Источник отражает сугубо традиционный характер администрации, проявляющейся в ее разделении по регионам, неупорядоченности материального содержания служащих ("кормление от дел"), приоритете знатности над выслугой во всех отношениях.

Основной смысл составления Табели о рангах в России состоял как и повсюду в рационализации чиновной иерархии, избавлении ее от традиционных пережитков — местничества, нерасчлененности функций, приоритета родовитости над компетентностью в делах. Важным результатом этого процесса должно было стать утверждение абсолютизма, т.е. установление полной зависимости благосостояния, статуса и престижа чиновничества от воли монарха — предоставляемых им чинов, должностей и связанных с ними привилегий. С большой степенью обобщения можно сказать, что процесс этот представлял собой, как говорили историки государственной школы, решающую фазу перехода родовых отношений (сохранявшихся в виде местничества) в государственные (т.е. бюрократические).

Смысл данных перемен хорошо понимали сами современни-

ки, во всяком случае те из них, которые вели работу по созданию Табели о рангах. Традиционная иерархия русских чинов старого типа нашла свое выражение в значительном корпусе источников. Это прежде всего такие учетные документы как Разрядные книги, Боярские книги и Боярские списки. Прекращение создания этих документов само по себе является достаточно убедительным свидетельством новых процессов, происшедших в структуре правящих верхов. Специальное рассмотрение этого вопроса показало, в частности, что последний Боярский список был составлен в 1713 г. и позволило раскрыть связь этого факта с падением роли Государева двора, Боярской думы, а также постепенным прекращением пожалований в традиционные чины³⁰. К рассматриваемому периоду петровских реформ они представляли собой анахронизм, сохранявший, впрочем, достаточно прочные корни в социальной психологии правящего класса.

Среди обобщающих документов, подготовленных в Кабинете Петра имеется уникальный источник, дающий сводную характеристику традиционных чинов русской (московской) администрации, причем, что особенно важно, как видели ее реформаторы. Это — "Показание древних российских чинов гражданских и придворных с изъяснением каждого"³¹. Документ в свое время был опубликован В.А.Евреиновым, но с того времени не становился предметом специального исследования³². С.М.Троицкий рассматривал его главным образом в связи с историей подготовки Табели о рангах³³.

В записке все чины подразделяются на придворные и гражданские, что само по себе является признаком нового отношения к чиновничеству. Попытка отделить традиционные дворцовые чины, связанные с обслуживанием царского двора, от администрации гражданского управления может рассматриваться как предварительное условие их реального разделения в управлении. Иерархию традиционных придворных чинов открывает дворецкий с путем (обер-маршал). Разумеется, идентификация данного старого московского чина с западно-европейским придворным чином могла быть произве-

дена только в рассматриваемое время, в период подготовки Табели о рангах, когда в распоряжении петровских экспертов уже были все источники о соответствующих чинах Западной Европы, рассмотренные нами ранее. Отметим, что в дальнейшем составители записки каждому из русских чинов стремились дать западный эквивалент, что было важно как подготовка к реформе чиновпроизводства. Интересной общей чертой записки является наличие комментариев о реальном значении и сфере компетенции каждого из чинов. Как мы видели ранее такие комментарии давались и по материалам западно-европейских чиновных иерархий. Стремление облизить и унифицировать иерархическую структуру различных государств отражает реальную общность рассматриваемых иерархических структур периода утверждения и расцвета абсолютизма.

Вернемся к придворной иерархии. Должность дворецкого с путем определяется как ведение дворцовым приказом, всеми дворцовыми людьми, дворцовыми волостями и положенными с них во дворец доходами и расходами. Дворецкий (гофмаршал) имеет те же обязанности. Группа придворных чинов связана с обслуживанием царского стола, комнат, а также царской охоты и конюшни. В их числе кравчий (обершенк), чашник из комнатных стольников (обер-мундшенк), постельничий (обер-камергер), комнатные стольники или спальники (действительный камергер), стряпчие с ключем, сокольничие, ловчие (обер-егермейстеры), ясельничий (обер-шталмейстер). Ряд должностей в Московском государстве, как и в других странах, носил подчеркнуто церемониальный характер, будучи связан с определенными придворными ритуалами. Среди них комнатные дворяне (камер-юнкер действительный), стольники (тигулярный камергер), стряпчие (гофмейстер), держащий шапку и посох при царских выходах. Далее следуют московские дворяне, в обязанности которых входит служба по нарядам, у дел и на воеводствах. Степенные ключники (гофмейстер) начальствуют над дворцовыми служителями, поварами и хлебниками, а также столовыми и питейными припасами и кушаньями. В общую иерархию придворных чинов включены жильцы, слу-

жские во дворце на караулах и по нарядам на службах, а также у дел в качестве стряпчих. Далее названы путные ключники (обер-кухнеймейстер), а также городовые дворяне, бывающие по нарядам на службе и у дел, шатерничий, ведающий шатерной казной, уборами Грановитой, Золотой и Ответной палат в связи с царскими выходами и посольскими приемами. На следующих ступенях придворной иерархии помещены — истопничий, конюшенный казначей, столповые приказчики (штабмейстеры), ведающие конюшнями в Москве и селах, чаршник (mundshenk), дворцовые стряпчие (кухнеймейстер), ведающий питейными и съестными припасами. Заканчивают придворную иерархию чинов стремянные конюхи, подключники (келлермейстер), комнатные истопники (камер-лакеи), кричетники, сокольники и охотники.

Традиционная иерархия чинов государева двора, хорошо известная по более ранним источникам, оказалась в рассматриваемом документе представленной довольно своеобразно и с отступлением от устоявшихся канонических форм. Такие думские чины как, напр., стольники, стряпчие, жильцы оказались в составе придворных чинов попеременно с недумскими чинами. В составе придворных чинов оказались категории московских и городовых дворян, несших не придворную, а военную или административную службу. Столь же своеобразно в рассматриваемом документе представлена иерархия гражданских чинов. Эта иерархия открывается должностью комнатного боярина, носителя которой "к царскому величеству в комнату входили и присутствовали тайным советом и у других дел". За ним следуют бояре, которые "при присутствии царского величества и не в присутствии с прочими бояры сидели в палате при советах и слушании дел". Отметим, что хотя речь идет о думских чинах, само понятие Боярской думы здесь уже не присутствует. Думские чины продолжает окольный чин — "должность его та же, что и боярина", а также казначей, — хранитель наличной денежной казны, золотой и серебряной посуды и государственных пасов. Думский дворничий — печатник определяется как хранитель государственных печатей, кото-

рыми скрепляют грамоты и указы, и в ведении которого находится Печатный приказ. Следом за ним обозначены думные дворяне, должность которых состоит в заседаниях с боярами при обсуждении дел в палате, думные дьяки — "должность их при его величестве в палате с бояры при слушании дел, по делам его величеству докладывати стоя, а без его величества с бояры — сидели обще, и по делам они, также и дьяки докладывали и об решении именные указы и боярские приговоры крепили одни они, думные дьяки. Они сидели в товарищах с бояры и особливо в приказах они с судьями сидели". Приказная администрация была представлена в документе дьяками, которые были, как известно, основными носителями бюрократического начала в традиционной администрации. Именно так понимал их место такой пронзительный наблюдатель как Котошихин³⁴. В рассматриваемом источнике их должность определяется так: "В приказах с бояры и с прочими судьями сидели и дела слушали и приговаривали обще, а оные приговоры крепили и помечали и указы закрепляли они, дьяки, одни". Приказную иерархию прерывают гости, которые "жалованы по заслугам ис купечных людей и употребляемы были на Москае и у города Архангельска для таможенных сборов, и в Москве же к литейному сбору, и на денежные дворы, и в Сибирской приказ к казне". Замыкают ряд гражданские чины: три категории подъячих — старые, средней статьи и молодые. В обязанность первой категории входит "по распоряжению судейскому даваны им псывтыя по городам или по делам, о которых они попечение имели, о сочинении и о скором отправлении, судьям докладывали и на тех делах для верности имена свои подписывали справою и по решению указы отправляли". В обязанность второй категории подъячих входило заменять старших при необходимости. Молодые подъячие обязаны были переписывать документы на белом и выполнять поручения старших и средних подъячих. Таким образом, в составе гражданских чинов оказались думные чины, выборные от купечества, руководители приказов и их административный штат в лице подъячих трех категорий. Отметим, что все обозначения сферы деятельности

различных чинов государства приведены в прошедшем времени, что свидетельствует о том, что в период создания документа изменения коснулись всей гражданской администрации традиционного типа, а также всех уровней ее иерархии.

Включение всех чинов, независимо от отраслей управленческой деятельности, в единую иерархию само по себе было знаком начавшихся перемен. Завершились эти перемены созданием Табелю о рангах, окончательно утвержденной 24 января 1724 г. Представляя собой закон о порядке государственной службы, Табель явилась итогом и законодательным закреплением реформаторской деятельности Петра в области гражданской, военной и судебной администрации, четко обозначив переход от патриархальной традиции управления к рациональной. Основное историческое значение Табелю состояло в рационализации (унификации, систематизации и т.д.) административной службы: в ее основание в качестве важнейшего принципа иерархического чиновного деления вместо происхождения, знатности рода или "породы" был положен принцип служебной годности. В социальном плане это означало (по крайней мере теоретически) известную демократизацию правящего сословия, поскольку узаконено было приобретение дворянства выслугою и пожалованием государя. Наконец, была создана четкая иерархическая система: новые должности расписывались по 14 классам или рангам, причем каждый из них в свою очередь подразделялся на чины военные, гражданские (статские) и придворные. Приобретение дворянства выслугою чина усиливало социальную мобильность правящего сословия, поскольку открывало (по крайней мере теоретически) прилив в его среду способных выходцев из других сословий. Табель закрепила отделение военной службы от гражданской и придворной, вводя иерархию особого типа внутри каждой из них и, в то же время приравнивая соответствующие однотипные чины различных отраслей управления друг к другу. Преимущество при этом (внутри определенного класса) отдавалось воинским чином перед всеми прочими). Данный принцип нашел отражение в полном названии документа: "Табель

о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины: и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж, воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был". О рациональности установленных Табелей принципов прохождения службы свидетельствует тот факт, что в основе своей она оставалась неизменной вплоть до конца Старого порядка в России. Из 14 классов, установленных Табелями о рангах, в гражданской службе сохранилось 12, а именно: канцлер (в военной службе соответственно генерал-фельдмаршал, в морской — генерал-адмирал); действительный тайный советник (генерал от кавалерии, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, адмирал); тайный советник (генерал-лейтенант вице-адмирал); действительный статский советник (генерал-майор, контр-адмирал); статский советник; коллежский советник (полковник, капитан 1-го ранга); надворный советник (подполковник, капитан 2-го ранга); коллежский ассессор (капитан и ротмистр); титулярный советник (штабс-капитан и штабс-ротмистр, лейтенант); коллежский секретарь (поручик, мичман); губернский секретарь (подпоручик и корнет); коллежский регистратор.

Как установил В.А.Евреинов, при расположении разных должностей по рангам принята была преимущественно датская система, а при составлении разъясняющих комментариев были использованы как датские так, особенно, прусские положения. Устанавливалось строгое почитание высшего ранга низшим и штрафы за нарушение субординации, причем они распространялись и на женщин, подведенных под ранги соответственно занимаемым ими придворным должностям, а при их отсутствии — по рангам их мужей и отцов. Различие рангов получило также внешнее выражение: каждому из них была предписана определенная форма, упряж и даже одежда для прислуги. Принципиальное отличие петровской Табели от прежней системы чиновного строя Московского государства состояло в том, что Табелями о рангах каждому разряду служащих, по отношению к другим разрядам, был дан определенный и четко зафик-

сированный законом статус в обществе, обеспечивающий престиж данного лица в социальной иерархии.

Мы рассмотрели корпус источников, отражающий особый этап изменений положения правящего сословия в эпоху утверждения абсолютизма, переходе от иерархии по происхождению к иерархии по службе. Это был период перехода от традиционного управления к более рациональному, к формированию бюрократии в качестве самостоятельного сословия. Каждый из рассмотренных нами источников важен для нас в данном случае тем, что отражает определенную фазу этого процесса, его общие черты и в то же время подчеркивает специфику проявления в различных странах. Среди них следует отметить прежде всего те страны, в которых за относительно узкий хронологически, отрезок времени — конца ХУП-первой четверти ХУИ в. были подготовлены и изданы законодательные акты, в той или иной мере меняющие существовавшую ранее иерархию чинов и рангов. Представлены также и те страны, в которых традиционная система не претерпела существенных изменений. В этом случае мы располагаем также ценными источниками, специально подготовленными для ознакомления с иностранным опытом. Типичным примером таких источников являются работы по Франции, Англии, Австрии, представляющие собой составленные экспертами записки, характеризующие положение вещей по имевшимся в их распоряжении данным, а также личным наблюдениям дипломатов. Весьма ценны также те комментарии и разъяснения, которые давались к законодательным актам.

Законодательные акты комментировались специалистами с различных точек зрения. Они учитывали время и обстоятельства их издания, стремились подчеркнуть то новое, что они вносили в чиновную иерархию, разъясняли терминологию чинов, что являлось необходимым условием при переводе их на русский язык.

Таким образом, проведенный анализ однотипных источников, фиксирующих (формально или неформально) реальную структуру чиновной иерархии разных стран Европы, позволяет

выявить принципиальную историческую закономерность. Она состоит в переходе от традиционных и в своей основе феодальных принципов организации государственной службы к новым, рациональным, ее устройствам. Как стало ясно из имеющихся источников, данная тенденция, представляя собой общеевропейский феномен, означает определенный разрыв преемственности принципов построения государственной службы. Внешним выражением процесса повсюду, независимо от национальной специфики его проявления, становится борьба принципа родовитости и принципа выслуги. Конечно, начало этой борьбы относится к гораздо более раннему периоду, проходит различные фазы. Поэтому, сопоставляя в данном случае источники одного временного отрезка, мы можем констатировать, что они выражают указанную закономерность с разной степенью силы и, соответственно, ее проявления в общественном сознании. В то же время очевидно, что конец ХУП-начало ХУШ вв. представляет собой качественно новый этап процесса перехода от родовитости к выслуге. Признаком этой качественной новизны как раз и выступает повсюду законодательное закрепление приоритета принципа выслуги над знатностью происхождения. Если в ряде стран мы наблюдаем в рассматриваемый период лишь пережитки традиционного уважения к знатности происхождения, то в других странах (прежде всего Восточной Европы) эта борьба носит еще достаточно острый характер и требует активного вмешательства государства в поддержку новых начал. Действительно растущее национальное государство нового времени с преобладанием публично-правовой регламентации социальных отношений в период утверждения абсолютизма, не могло мириться с сохранением частно-правовых отношений, господствовавших при феодализме. С этим связана, на наш взгляд, борьба государства с различными традиционными привилегиями различных групп и частных лиц, источником которых оно не является. Важнейшей из таких норм, регулирующей отношения внутри правящей верхушки явилось местничество и различные западные его аналоги. Замена местничества выслугой означала

радикальное изменение самих источников социальной мобильности, а следовательно характера правящей элиты.

Так, во Франции начала XVIII в. местничество по свидетельству Матвеева, выступает лишь как своего рода исключение для особ королевской крови. В целом же внимание обратило на себя отсутствие каких либо проявлений местничества в придворных церемониях и обыденной жизни знати. Сходная и даже более демократичная ситуация имела в это время место в Англии, где отдельные исключения такого рода (в положении королевских родственников или фаворитов) подтверждают правило — отсутствие влияния знатности на участие в управлении и месте в обществе.

В Пруссии борьба с местничеством в рассматриваемый период далеко не получила окончательного завершения. Положив принцип выслуги в основу Учреждения о степени 1705 г., Фридрих I разъяснял данную направленность акта в его преамбуле. Подчеркивалось, что единственным и основным критерием статуса является чин, полученный от монарха, независимо от знатности происхождения. Провозглашение нового принципа распространялось даже на размещение чиновников в коллегиях: им предписывалось отменить внешние различия между шляхетными и учеными лавками, оставив в качестве единого критерия старшинство в получении чина. В том же акте предусматривались также различные штрафы за нарушение нового порядка вещей. С том, что борьба с местническими порядками отнюдь не была завершена в рассматриваемую эпоху свидетельствует подтверждение этих кар в последующем уставе Фридриха-Вильгельма 1713 г. В этом контексте следует рассматривать и другие нормы Устава 1713 г. по ограничению числа придворных чинов и понижения в ранге некоторых придворных должностей. В шведском обществе местничества по-видимому не было, во всяком случае о нем нет упоминания в рассмотренных источниках. Единственным упоминанием о приоритете происхождения над выслугой в регламенте 1696 г. можно считать помещение гражданских чиновников из дворян выше нежели аналогичных чиновников недворянского

происхождения. В регламенте 1705 г. эта норма уже отсутствует, что показывает общую тенденцию к ослаблению влияния знати. Сходная тенденция изменений прослеживается и в Дании. Оставляя некоторые привилегии за высшей знатью, указ 1699 г. в то же время предусматривает возможность аннулирования выходцев из менее знатных слоев населения, пожалованных соответствующим высоким чином. Новый указ о рангах 1717 г. вновь подтверждал эту норму, причем для высших трех степеней иерархии чины оказывались действительными не только во время прохождения службы, но и по ее завершении, независимо от знатности происхождения.

О том, что с введением Табели о рангах местнические споры не были сняты окончательно, свидетельствуют многие источники. Здесь интересно отметить лишь, что борьба по этому вопросу развернулась уже в момент создания Табели. Когда уже подписанная Петром Табель была передана им для рассмотрения в Сенат (1721 г.), то, подготовив свои замечания, Сенат предложил согласовать новые принципы со старыми московскими чинами. Обладателям таких старых чинов было предложено определить, пожизненно, известные ранги, "ибо в России из тех чиновные определены и впретъ определяемы быть имеют губернаторы, вице-губернаторы, воеводы, и ежели ранги им будут не определены, то от подчиненных им будет не без противностей". Однако ходатайство с присвоением древним чинам рангов по Табели удовлетворено не было. Представителям аристократических фамилий нужно было теперь отстаивать свой статус на государственной службе.

Перед исследователями давно встал вопрос о том, является ли Табель о рангах Петра исключительно русским явлением или она выражает некоторую общую тенденцию развития административной системы ряда стран. Ставя эту проблему, историки в основном ограничивались рассмотрением непосредственных аналогов или даже источников Табели: спорили преимущественно о том, откуда заимствован этот законодательный акт, находя прототипы отдельных его норм в Швеции, Франции, Пруссии, Дании или других странах, в политических

идеях Лейбница (который рекомендовал введение Табели Петру), воззрениях самого преобразователя, принимавшего самое активное участие в разработке, написании и редактировании Табели. Не отрицая ценность такого подхода самого по себе, мы, однако, сочли возможным рассмотреть проблемы в более широком контексте сравнительного источниковедческого исследования. Если взглянуть на Табель как на исторический источник — законодательный акт, зафиксировавший новые (более рациональные) нормы функционирования государственного аппарата и отменивший тем самым старые, патриархальные (или менее рациональные) нормы, то становится ясной перспективность отыскания сходных установлений в прошлом и настоящем других стран и народов.

- 1 Медушевский А.Н. Делопродуцентные документы высших государственных учреждений и методы их изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985.
- 2 Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1988.
- 3 Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
- 4 Hassell J. Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review, 1970. Vol.29. P.283-295.
- 5 ЦГАДА. Ф. 370 (Кабинет Петра). Оп. I "Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений".
- 6 Там же. Д. 13. Л. 1-2.
- 7 Там же. Д. 13. Л. 3-4 об.
- 8 Там же. Д. 1. Л. 10.
- 9 Там же. Л. 29-40.
- 10 Там же. Л. 109-110 об.
- 11 Там же. Д. 19. Л. 1-5.
- 12 Там же. Л. 15-18 об.
- 13 Там же. Д. 56. Л. 1-17.
- 14 Там же. Л. 37-41.
- 15 Там же. Д. 58. Л. 3 и след.; Д. 15. Л. 14-17.
- 16 Савин А.Н. Местничество при дворе Людовика XIV // Сборник статей посвященный В.С.Ключевскому. М., 1909. С.281-290.

- 17 Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972; См. так же.: ЦГАДА. Ф. 370. Оп. I. Д. 3. "О чинах французского двора с изъяснением, кто чем управляет и какою кто имеет силу правления". Сравнение опубликованных записок Матвеева с текстом архивного документа показывает, что он представляет собой иной текст, в ряде случаев более полно или с иным обоснованием отражающий иерархию французских чинов.
- 18 ЦГАДА. Ф. 370. Оп. I. Д. 3.
- 19 Там же. Д. 13. Л. 8.
- 20 Там же. Д. I. Л. 10.
- 21 Там же. Л. 29-40.
- 22 Там же. Л. 109-110 об.
- 23 Там же. Д. 19.
- 24 Там же. Д. 19. Л. 1-5.
- 25 Там же. Л. 15-18.
- 26 Там же. Л. 29-29 об.
- 27 Там же. Д. 56. Л. 1-17.
- 28 Там же. Д. 37-41.
- 29 Там же. Д. 58. Л. 3 и след.
- 30 Боярские списки первой четверти ХУШ в. // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982.
- 31 ЦГАДА. Ф. 370. Оп. I. Д. 14. Л. 1-6.
- 32 Евреинов В.А. Указ. соч. С.95-98.
- 33 Троицкий С.М. Указ. соч. С. 66.
- 34 Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

ИСТОЧНИКИ В СОЧИНЕНИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

Развитие общественного сознания в России второй половины XVIII в. определило важную роль и популярность исторических знаний и занятия историей. Влиянием двух столиц — Петербурга и Москвы — определялся "накал" культурной жизни страны. Но весь спектр ее проявлений должен быть исследован на широком материале других городов, прежде всего, — губернских центров России.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась созданием целого комплекса разных по уровню, характеру и объему исторических сочинений на местах, который можно назвать историографией русской провинции того времени. Понятие "провинциальный" в интересующем нас смысле употребляли в своих работах Н. К. Пиксанов, О. Г. Ласунский, Н. А. Казакова¹. Определяя его, О. Г. Ласунский предлагал уйти от переносного значения слова и видеть его смысл отнюдь не в "метафорическом плане", как символ "всего застойного, инертного, враждебного социальному прогрессу и идейному началу", и не только в географическом смысле, как "расположенные вдалеке от столиц местности", но как термин, наполненный конкретно-историческим содержанием, как фактор истории России². Понятием "провинциальная историография" в настоящей работе обозначено явление исторической мысли, возникшее тогда, когда развитие знаний на местах оказалось достаточным для появления в городах России нескольких десятков исторических произведений³.

По происхождению весь массив российских местных исторических описаний XVIII в. можно разделить, с некоторой условностью, на три неравнозначные группы. Это, во-первых, произведения городского летописания, сохранившие старинные традиции изложения; во-вторых, комплекс "топографических описаний", связанный строго анкетной формой организации материала, и третья, наиболее интересная группа — автор-

ские историко-краеведческие произведения, представляющие новый способ исторического повествования⁴.

Источниковая база этих сочинений, пути авторов в осмыслении источников, их приемы работы весьма своеобразны и интересны в контексте истории источниковедения. Анализ некоторых источниковедческих вопросов, стоявших перед авторами обозначенного течения историографии, и составляет предмет рассмотрения в настоящей статье.

Изучение провинциальных исторических описаний и их источниковедческих аспектов в дореволюционной литературе началось довольно поздно. В последней четверти XIX в. находим лишь отдельные упоминания об историках-краеведах в связи с изучением демократического элемента в работах по истории литературы, сословных групп⁵. Первый обзор описаний местностей России принадлежит А.Н.Пыпину, составившему широкий перечень "литературы описаний": географических словарей, месяцесловов, "путешественных записок", топографических описаний⁶. Среди них он поместил и некоторые краеведческие сочинения, выделив работы П.И. и Н.П. Рычковых, В.В.Крестинина, А.И.Фомина, А.Шафонского и А.Засецкого⁷. Источниковедческие оценки Пыпин не давал, если не считать его беглого замечания с недостатке критического отношения к источникам у П.И.Рычкова и упоминания с собирания местных памятников Крестининым и Фоминым.

Не появилось серьезных работ и на рубеже XIX-XX вв., когда о трудах местных историков вспоминали, в основном, на страницах своих периодических изданий деятели губернских ученых архивных комиссий.

В советское время в работах по исторической географии, истории источниковедения, в историографии русского города местные описания привлекались как источник, изучалось творчество отдельных провинциальных авторов. В общих и учебных курсах историографии содержались оценки или обзоры (С.Л. Пештич) "памятников местной истории"⁸.

Источниковедческие вопросы изучаемого течения мысли впервые в советской историографии рассмотрел С.Н.Валк⁹.

Ему принадлежит постановка вопроса об историческом источнике в русской историографии XVIII в., получившая затем развитие в позднейших исследованиях. В 60-е гг. тема определения источника и отношения к нему историков XVIII в. была возобновлена А.Т.Николаевой, Л.Н.Пушкаревым, позднее — в статьях С.С.Илизарова, поддержана в новейших работах В.П.Козлова¹⁰. Исследователи изучили трудные вопросы определения и понимания категории "источник", рассмотрели классификация источников, приемы их отбора и начальной критики в XVIII в. Этот важный анализ проводился на текстах сочинений Татищева, Щербатова, Болтина, Ломоносова, Миллера, Шлецера, Новикова, Голикова. Из историко-краеведческих произведений привлекались только труды Рычкова и Крестинина, весь остальной материал провинциальной историографии не рассматривался.

То же можно сказать и об исследованиях по исторической географии. Правда, здесь была серьезная работа выявления по всем регионам топографических описаний¹¹, изучались связанные с их происхождением анкетные обследования русских провинций¹². Тексты топографических описаний рассматривались как источники по исторической географии и, практически, не связывались с развитием исторической мысли.

Отмеченная особенность характерна и для работ по городскому летописанию. Изучено позднее городское летописание Вологды, Устюга, Нижнего Новгорода¹³. Решенная для этих памятников проблема происхождения и источников может быть лишь началом, отправной точкой в рассматриваемой теме по истории исторической мысли. С другой стороны, в упомянутых статьях С.С.Илизарова есть правильная постановка вопроса о городских летописцах ("хрониках") как об историографических памятниках и сделан ряд важных наблюдений по осмыслению источников в этих произведениях¹⁴. Но продолжение обследования, предлагаемого Илизаровым, неизбежно упрется в неизученность большинства городских летописцев. В своих работах исследователь не проводит разграни-

чения между сочинениями по истории города и поздними городскими летописцами, между тем, на наш взгляд, это разные по происхождению группы. Вторая связана с летописной "генетикой", поэтому историографический анализ ее произведений требует в каждом конкретном случае предшествующего рассмотрения редакции произведения¹⁵.

В последние годы изучение отдельных работ провинциальной историографии началось в исследованиях по истории краеведения¹⁶. Некоторые наблюдения и замечания по текстам местных описаний высказывались историками в статьях по истории генеалогии, археографии¹⁷, других специальных дисциплин. Эти наблюдения не дают целостной картины интересующего нас направления, поскольку определялись другими задачами авторов исследований.

Таким образом, обзор трудов по исторической мысли русской провинции показывает малоизученность проблемы в целом и убеждает в необходимости продолжения исследования многих вопросов. Среди них — состояние источниковедческих представлений провинциальных авторов, их отношение к источникам.

Понимание категории "источник" и употребление этого термина (или заменяющих его) в трудах крупнейших историков XVIII в. прослежено С.Н.Валком, Л.Н.Пушкаревым, С.С.Илизаровым¹⁸. Как воспринимали сам термин, а главное, его содержание провинциальные историки?

Анализ показывает, что вслед за Татищевым, Миллером, Шлецером, отдельные издания работ которых были известны, на местах знали и употребляли в значении "источник" термины "исторические остатки", "архивные письма", "записки", "свидетельства", "известия". Так обозначает свои источники большинство авторов 70–80-х гг. XVIII в. Термин "источник" в значении "то, откуда черпают знание", употребляет в своих трудах В.В.Крестинин¹⁹. Характерное разъяснение приводит автор Владимирского описания 1798 г. И.Дмитриевский. Он пишет, что его сведения "...почерпались из единого, почти так сказать можно, источника... Но когда в

самом начале которого источника вода истекает с некоторою мутностью, то при первом почерпнутии иногда и не удастся всех тут лежащих частиц ... усмотреть, тем более, если рачения к рассмотрению прилагаемо не было"²⁰.

Совершенно ясно, что авторы описаний отделяют обобщающий смысл категории "источник" от отдельных конкретных видов исторических материалов. Это заложено уже в заголовках сочинений: "Описание Курскаго наместничества из древних и новых разных о нем и з в е с т и й", "...Описание Воронежской губернии, собранное из историй, а р х и в с к и х з а п и с о к и с к а з а н и й". Даже в группе городских летописцев, наиболее консервативной по изложению, находим частые оговорки, откуда составитель знает о повествуемом. Потребность в источниковой подкреплённости изложения особенно хорошо видна в начальных главах описаний, где обычно отводится место средневековому периоду. Авторы, не имевшие в своем распоряжении исторических материалов, иногда оговариваются, что не рассказывают о древности своего края, при этом ссылаются на "темные" времена, от которых нет свидетельств, на пожары и войны, которые "остатки древних летописей и записок, служащих к объяснению истории, истребили", реже — на собственную неосведомленность²¹.

Отношение к источнику как к необходимому инструменту видно и по ссылкам на используемые материалы. В лучших провинциальных описаниях Вологды, Казани, Курска, Воронежа, Пскова, как и в ранних работах Рычкова и Крестинина, появляются обязательные постраничные, иногда очень подробные ссылки, "от коих книг" черпал свои знания автор. В этом смысле мы наблюдаем даже некоторый парадокс с текстами топографических описаний: анкеты не требовали ссылок, текст имел формуляр "вопросов-ответов" и тогда наиболее подготовленная часть авторов ощущает вместо облегчения от готовой формы изложения свою скованность ею, она уже привыкла писать по источникам. Так происходит, например, с Евгением Болговитиновым, который вышел из положения,

перенеся топографическое описание в таблицу в конце, а основную часть отдав историческому повествованию²².

Если само понятие источника в провинциальной историографии, таким образом, к 70-м гг. оказывается воспринятым, то вопрос о т о р а источников находится в самом неразвитом состоянии. Большинству авторов незнакомы размышления о том, каковы подразделения материалов при задачах исторического исследования. Проблема отбора и классификации подменяется отысканием возможно большего количества упоминаний. Отчетливая у Татищева схема пяти родов источников по их достоверности, осталась для провинциальной историографии, фактически, не востребованной.

Собирание исторических источников было развито во второй половине XVIII в. как никогда ранее. Можно говорить уже о выполнении поставленной Миллером задачи системного, а не первичного собирания, о многочисленных библиотеках в русских провинциальных центрах, коллекциях любителей-книжников, заказных рукописных сборниках, редактировании записываемых текстов²³.

Обратимся к тому, что удавалось привлечь провинциальным историкам в качестве источника, то есть к определению круга используемых ими материалов.

На первом месте среди источников стоит летопись. Тут нет противоречия с прежде сказанным об отсутствии отбора. Доверие к летописи объяснялось сразу несколькими причинами. Она привлекала к себе тем, что начинали описания с древности, где летопись — главный свидетель; приемами описания прошлого, над которыми трудилась мысль начинающего историка; авторитетом ее у Татищева. Характер использования летописи — пересказ или переложение. Прямые заимствования сопровождалась часто замечаниями: "как в летописи сказано", "из летописцев явствует", "как летопись сказывает", "в древнем летописце так повествуется" и подобными, или "в летописцах не значится", "по летописи сведений не отыскано". В редком случае выбора версии изложения историку в провинции помогал опять-таки летописный

материал ("...а в другом летописце вернее сказано...").

Подобный характер использования летопися встречаем в начальных главах сочинений, посвященных колонизации того или иного края, о том, "как грады утвердишася". По летописям воспроизводится версия о происхождении названия Вологды от вологов, о замоедах в Мезени в текстах ранних топографических описаний²⁴. В Вятке, богатой памятниками предшествующей рукописной традиции, в конце ХУШ в. спорили о древнем населении сразу по трем летописным версиям: вятичи, ставшие "вятчанами", новгородцы — "вятчане" и устюжане — "вятчане"²⁵. В истории Твери Д.Карманова в главе о тверских князьях автор сетует, что не смог отыскать о Твери полных летописцев, географических известий, "а самое нужнейшее — полное родословие тверских князей ... не имел"²⁶. По местным летописям пишет о первых князьях края устюжанин Лев Вологдин, хотя ему был известен "Краткий российский летописец с родословием" М.В.Ломоносова²⁷.

Потребность воссоздать гражданскую историю, "своеобразный местный патриотизм", по выражению Д.В.Черепнина²⁸, привели во второй половине века к обновлению городского летописания. Само явление позднего городского летописания вряд ли следует трактовать как факт, стоявший "... в стороне от магистрального пути развития исторической науки"²⁹, скорее наоборот потребности ее вызвали к жизни это явление. Сближение задач позднего летописания и исторической мысли провинции тонко уловила Н.А.Казакова; подметившая в истории позднего вологодского летописания момент, когда местный летописец превращается в произведение провинциальной историографии — сочинение о Вологде Алексея Засецкого³⁰.

Городская повесть и городской летописец — любимые источники провинциальной историографии. В Устюге местное сочинение Якова Фриза восходит к летописцам Стефана Воробьева и Льва Вологодина, в Вологде раннее летописание легло в основу летописца Ивана Слободского, а затем в описа-

ние А.Засецкого³¹. "История о первоначалии Костроми" Николая Сумарокова стала источником костромских записок Ивана Васькова, передавшего эстафету исторического повествования протоиерею Диеву³², в Вятке летописец конца ХУП в. стал основой "Вятского летописца" и "Повести о стране Вятской", использованных в "истории Вятчага" А.Вештомова в начале XIX в.³³ Можно легко увеличить число примеров преемственности исторических работ от поздних городских хроник, а их в свою очередь — от ранних летописей. Важнее об значить повторяющуюся особенность: местные летописные традиции влияют на позднее гордцовое летописание, рождение историко-краеведческих работ происходит "на стыке" последних редакций гордцовых летописцев и новых форм исторического повествования.

Возвращаясь к рассмотрению круга источников провинциальной историографии, выделим особо три традиционных: Степенную книгу, фольклор, писцовые материалы. Степенная книга, на которую часто ссылаются авторы разных описаний, подсказала иную, чем летопись, форму повествования "по князьям". Ею успешно пользовались в своих кратких исторических справках составители топографических описаний. В "Кратком историческом присовокуплении" к Владимирскому топографическому описанию рассказ ведется по городам и округам, что есть в соответствии с формой топографических описаний, однако внутри "топографических" разделов — по княжениям представителей местных княжеских родов. Происходит своеобразное наложение топографического описания по анкете на прием повествования Степенной книги³⁴. Исторические справки "по князьям" имеются в топографических описаниях Твери, Вятки, во многих поздних городских летописцах. Менее зависимы от формы Степенной книги авторские историко-краеведческие сочинения, в них, как правило, местным княжениям посвящен отдельный небольшой раздел средневековой истории края.

Сложнее вопрос об использовании фольклорных источников. Поскольку проверить устные источники авторов трудно,

то в установлении характера их использования приходится довольствоваться замечаниями и оговорками, сделанными в текстах описаний. Местные предания, легенды, были, агиографические сказания передаются в пересказах. Почти каждый автор спешит заявить о "баснословности" передаваемого сюжета, оставляя замечание, вроде: "между народом носится басня, что..."³⁵. Так, например, передаются легенда о названии Торопца, сказание о Плещеевом озере, предание о Кучковичах³⁶. Важно отметить, что скептические оговорки не отменяют пересказ устного источника, что свидетельствует, на наш взгляд, об отношении к таким материалам как к литературным памятникам у наиболее опытной части авторов-историков провинции. В текстах местных исторических описаний встречаются иногда уникальные известия, взятые из устных преданий, что придает в таких случаях тексту статус источника³⁷. Однако это не меняет характер описания как памятника исторической мысли, поскольку таких известий очень немного и определить степень достоверности их, практически невозможно. Впрочем, в каждом конкретном случае вопрос о достоверности требует отдельного рассмотрения, исходя из существования записи сказания, параллельных источников и т.п.³⁸

Разбор используемых источников завершим указанием на писцовые материалы. Вкрапления фрагментов кадастровых источников встречаются уже в ранних местных исторических описаниях 60-х гг. Характер делопроизводственного документа приучал историков к точности, навыку комментирования, пока еще поверхностного, приему введения документов в ткань своего повествования. Данные неопубликованных писцовых книг использовались в описаниях облика городов Курска, Вологды, Тамбова, Калуги, Костромы, Торопца, Воронежа, Новгорода, Архангельска. В качестве подобных иллюстраций приводились обычно выписки из писцовых книг. Более глубокое источниковедческое знакомство с писцовыми материалами в литературе связывают с работами по истории Холмогор и Воронежа, В.Крестинин привел в работе о Холмогорах обще

данные о происхождении переписей, а Евгений (Болховитинов) провел широкое сопоставление сведений писцовых книг за разные годы³⁹. Совпадение характера кадастровых описаний, сообщавших фактический материал об отдельном городе, местности, и краеведческой направленности исторических сочинений, созданных в провинции, объясняет известную популярность писцовых материалов у историков.

Таким образом, собирание и использование довольно широкого круга исторических материалов для местных описаний, представления авторов о категории "источник", отделение своих материалов от трактовок в изложении — это свидетельства значительного распространения исторических знаний и начавшегося изучения источника во второй половине XVIII в. не только в работах видных историков, но и в трудах провинциальных авторов.

Из сочинений, созданных в русской провинции, учебники историографии упоминают лишь работы Крестинича и Рычкова. Их помещают среди нескольких произведений, определяемых как новое, "раннебуржуазное" течение исторической мысли⁴⁰. Наблюдения убеждают в необходимости раздвинуть рамки исследовательских оценок, сместив акцент с идеологических определений на конкретный анализ.

В российской провинции второй половины XVIII века было написано более двадцати оригинальных произведений, несколько десятков исторических введений и справок для топографических описаний и городских летописцев; явление провинциальной историографии — важный показатель реального развития исторической мысли своего времени.

1 См.: Пиксанов Н.И. Областные культурные гнезда. М., 1928; Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (воронежский край в "эпоху Чернышевского"). Воронеж, 1985; Казакова Н.А. Вологодское летописание XVIII-XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. XII. С. 68.

2 Ласунский О.Г. Указ. соч. С. 4-5.

3 В статье рассматриваются сочинения, созданные в центре европейской части страны, в основном, в губернских го-

- родах русской провинции; украинско-белорусский и урал-сибирский регионы имели свои, сильно отличавшиеся традиции в развитии исторической мысли. Оговоримся, что выделение "провинциальной историографии" носит, во многом, условный характер и объясняется исследовательской задачей; историография русской провинции неотделима от общерусской исторической мысли.
- 4 Обозначенные группы далеко не равнозначны по количеству произведений, объему у них исторического материала, уровню исполнения. Рамки настоящей статьи не позволяют детально охарактеризовать эти различия, тесно связанные с происхождением каждого комплекса сочинений.
 - 5 См., напр.: Семевский В. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. С.ХУ; Черняев П.Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины // Филологические записки. Воронеж, 1904. Вып. 3-4; Шапов А.П. Сочинения. СПб., 1908. Т.Ш.
 - 6 Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. С.97-133.
 - 7 Там же. С. 127-133.
 - 8 Пештич С.Л. Русская историография ХУШ в. Л., 1971. Ч. Ш. С.144-172.
 - 9 Валк С.Н. Исторический источник в русской историографии ХУШ века // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7-8. С.36-49. См. также: Валк С.Н. В.Н.Татишев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы ХУШ в. в истории русской культуры. К 70-летию П.Н.Беркова. М.; 1966. С.66-73.
 - 10 Николаева А.Т. Краткий очерк развития источниковедения в России в ХУШ веке. Уч. пособие. М., 1962; Она же. Русское источниковедение ХУШ века. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1968; Пушкарев Л.Н. Определение исторического источника в русской историографии ХУШ-ХХ вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С.75-76; Илизаров С.С. Русский город глазами историков ХУШ в. // Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1976; Он же. Городовое летописание как источник по историографии города. (К постановке вопроса) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980; Он же. О формировании термина "исторический источник" в русской исторической литературе ХУШ в. // Источниковедение стечественной истории. М., 1984; Козлов В.П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России ХУШ - первой четверти ХХ в. // Вспомог. ист. дисц. Л., 1989. Т.ХХ. С.9-27; Продолжение. Л., 1990. Т.ХХ1. С.5-17.

- II См.: Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. М., 1953. Вып.31. С.87-107; Никитин Н.П. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в. // Вопросы географии. М., 1950. Вып.17. С.91; Сивков К.В. Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во второй половине XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 8. См. также: Историческая география России XVIII в. М., 1981. Ч. I-II; Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 4.
- I2 См.: Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. // ЛЗК за 1927 г. Л., 1929; Дик Н.И. Ломоносовский период в развитии русской географии. М., 1976; Эммаусский А.В. Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80-90-е гг. XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып.7. С.204-215. В настоящее время изданы тексты топографических описаний Воронежского, Тобольского, Иркутского, Киевского наместничеств.
- I3 См.: Казакова Н.А. Вологодское летописание ХУП-ХУШ вв. // Вспомог. ист. дисс. Л., 1981. Т.ХП. С.66-90; Сербина К.Н. Устюжское летописание ХУI-ХУШ вв. Л., 1985; Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники ХУП в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987.
- I4 Илизаров С.С. Русский феодальный город... С.18-20; Он же. С формированием термина "исторический источник"... С.199-207.
- I5 О сближении исторического повествования в позднем городском летописании и первых историко-краеведческих произведениях см. далее.
- I6 См., напр.: Майорова А.С. "Описание шестимесячной осады" П.И.Рычкова — первый исторический труд о событиях Крестьянской войны 1773-1775 гг. // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12. С.66-79; Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула, 1984; Глаголева О.Е. Культура русской провинции конца ХУШ — первой половины XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1987.
- I7 См., напр.: Каменский А.Б. К истории изучения генеалогии в России в ХУШ в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С.150-159; Афиани Б.Ю. Начало журнальной археографии в России в ХУШ в. // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С.26-34.

Отдельные важные аспекты развития культуры и знания в русских провинциях ХУШ в. поднимались в зарубежной литературе, посвященной, в основном, русскому дворянству, см., напр.: Rogger H. National Consciousness in Eighteenth century Russia. Cambridge, Mass., 1960; Raeff M. Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth century nobility. N.Y., 1966; Jones R. Provincial Development in Russia: Catherine II and Jacob Sivers. New Brunswick, 1974.

- 18 Валк С.Н. Исторический источник в русской историографии...; Пушкарев Л.Р. Определение исторического источника...; Илизаров С.С. О формировании...
- 19 См., напр.: Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском домостроительстве Двинского народа на Севере. СПб., 1785. Предупреждение. С.4. Первые случаи употребления термина "источник" в значении "то, откуда черпают знание", проследил С.С.Илизаров в сочинениях известных историков XVIII в. (Илизаров С.С. О формировании... С.201-204).
- 20 Дмитриевский Ив.О начале Владимира, что на Клязьме. 1798. ПИБ РО. Эрм. 344. Л.5 об.
- 21 Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785. С.13; Иродионов П. Исторический, географический и политический известия до города Торопца и его округа... СПб., 1788. С.9, 21; Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир, 1906. С.117; Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васильевым. М., 1792. С.55; Историческое описание города Пскова и его древних пригородов... составленное ...Николаем Ильинским. СПб., 1790. Ч.1. Предисловие.
- 22 Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное... Евгением Волховитиновым. Воронеж, 1800.
- 23 См., напр.: Мартынов Ф.Ф. Книга в русской провинции 1760-1790-х гг. // Книга в России до середины XIX века /Под ред. А.А.Сидорова, С.П.Дунцова. Л., 1978. С. 119-122; Коланев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л., 1988; Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Воспламененные к Отечеству любовью. (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990. С.92-97.
- 24 Топографическое и историческое описание города Мезени и округи. Архив Ленинградского отделения Института Истории АН СССР (Архив ДОИИ). Ф.56. № 497. Л.98-125; Краткое описание городов Архангельска, Вологды и Устюга. Архив ДОИИ. Ф.56. № 1158. Л.84.
- 25 Летопись о стране Вяцкой, Повесть о стране Вятской // Труды Вятской губернской ученой архивной комиссии. 1906. Вып. Ш. Стд.2. С.23-47; Вештомов А. История Вятчан. Архив ДОИИ. Ф.115. № 408. Л.2, 4-5.
- 26 Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Подг. В.Колосов. Тверь, 1893. С.19. Сходные замечания имеются и в "Описании Курскв-

- го наместничества из древних и новых разных о нем известий.. собранное Сергеем Ларионовым..." (М., 1786. С.10).
- 27 Летопись Великоустюжская. Подг. А.А.Титов. М., 1889. С.П, УЛ-УШ. См. об этом: Сербина К.Н. Устюжское летописание...С.97-119.
- 28 Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. С.260.
- 29 Илизаров С.С. Русский феодальный город... С.20.
- 30 Казякова Н.А. Вологодское летописание... С.68.
- 31 Историческое и физическое описание областного города Устюга Великого. СПб. Собр. Титова. № 3402; См.: Сербина К.Н. Указ. соч. С. 118; Засецкий А. Историческая, и топографическая известия по древности о России и частно о городе Вологде... собранныя Алексеем Засецким. М., 1780; См.: Казакова Н.А. Вологодское летописание ... С.68.
- 32 См.: Шипилов А.Д. Историко-кредведческая деятельность в Костромской губернии в конце ХУШ - начале XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1984.
- 33 См. примеч. 25.
- 34 Топографическое описание Владимирской губернии... С. 109-116.
- 35 Там же. С. 115. О "баснословности" устных источников оставили свои замечания авторы описаний Твери, Всро-нежа, Торонца, Пскова и других городов.
- 36 Иродионов П. Указ. соч. С. 9, 12; Топографическое описание Владимирской губернии... С.115.
- 37 См. известия о приездах Ивана Грозного в Вологду. Анализ вологодских описаний, содержащих такие известия см.: Казакова Н.А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IУ в Вологде // Вспомогательные ист. дисц. Л., 1978. Т.Х. С.200-206; о Симеоне Бекбулатовиче см.: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов... СПб., 1790. Ч. IУ. С.201; Карманов Д.И. Указ. соч. С.99; о царевиче Дмитрие см.: Топографические известия, служащая для полного географического описания Российской империи. СПб., 1772. Т. I. Ч.Ш. С.270-271.
- 38 Опыт подробного исследования местных сказаний см.: в статье: Иванов В.В., Топоров В.Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии // Учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1973. Вып.308. С.46-82.
- 39 Крестинин В.В. Начертание истории города Холмогор... СПб. 1790. Предупреждение; Евгений (Болховитинов). Историческое, географическое и экономическое описание... См. также подробный разбор известий в работе:

Петухов В.И. Материалы писмовых книг в исторической литературе XVIII — нач.XIX в. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С.192-196.

- 40 См., напр.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т.1. С.208; Черепнин Л.В. Указ. соч. С.260; Историография истории СССР. Под ред. В.Е.Илларицкого, И.А.Кудрявцева. Изд. 2-е. М., 1971. С.95-100; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Дссоветский период. М., 1973. С.82-86.

РОССИЙСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В ОСВЕЩЕНИИ
ПОДЦЕНЗУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В настоящей статье предпринимается попытка анализа комплекса газетных публикаций о генерал-губернаторах и губернаторах 50-60-х гг. XIX в. Московской и Калужской губерний, чтобы определить характер газетной информации о верхушке губернской администрации, получить представление о газетах как источниках для изучения российского чиновничества¹.

В ходе выявления газетных материалов просматривались источники библиографической², биографической³, справочной⁴ информации, юбилейные издания посвященные отдельным представителям чиновной бюрократии⁵. Кроме того, был произведен выборочный просмотр различных по политической и тематической направленности центральных газет: "Голос", "Русский инвалид", "Свет", "С.-Петербургские ведомости", "Новое время", "Московские ведомости". Из местных газет просматривались губернские ведомости тех регионов, с которыми непосредственно была связана губернаторская деятельность чиновников (владимирские, волыньские, воронежские, екатеринославские, иркутские, калужские, коненские, новгородские, пензенские, с.-петербургские, смоленские, тамбовские, тобольские). Внимание обращалось на годы, совпадавшие с юбилеями служебной деятельности (В.А.Арцимовича, В.А.Долгорукова) и на годы смерти чиновников. Пресса, как правило, откликнулась на эти события публикуя короткие известия или пространные материалы в виде биографических статей, очерков, некрологов. Сплошному просмотру были подвергнуты калужские и московские губернские ведомости за 50-60-е гг. Не принимались во внимание газетные публикации лишь упоминавшие чиновников, например, краткие сведения о приемах, юбилейных торжествах, раутах и т.п., краткие некрологи-объявления в траурной рамке, сообщавшие о

времени и месте смерти чиновника.

Выявленная в газетах 4I публикация названа в перечне приложения⁶. Из них 23 учтены в указанных справочных изданиях, 18 выявлено при просмотре центральных и губернских газет (№ 3-4, 8, 10-12, 14, 16-17, 21, 27-28, 35-36, 38-41)⁷. Материалы перечня в суммарном виде позволяют судить о специфике и информационных возможностях газет для изучения губернского чиновничества. Отличительная черта учтенных публикаций — их анонимность. Авторскую подпись имеют 5 материалов. 6 заметок подписано псевдонимами, из которых нами раскрыто 3 (№ 4, 8, 29).

Выявленные материалы касаются 9 из 20 начальников двух губерний служивших в рассматриваемое время⁸. Более всего публикаций относится к В.А.Арцимовичу — 13 (№ 1-13) и Н.П.Синельникову — 11 (№ 28-38), далее отметим сведения о В.А.Долгорукове (№ 17-21), А.И.Баранове (№ 14-16), П.А.Тучкове (№ 39-41), А.В.Оболенском (№ 23-24), М.А.Офросимове (№ 25-26), Э.В.Лерхе (№ 22) и А.К.Сиверсе (№ 27). Более 2/3 отобранных публикаций — это статьи, написанные по поводу смерти какого-либо лица (№ 3-4, 6-7, 10-11, 13-17, 19-28, 35-41), либо заметки (№ 1, 5, 8, 12, 18), посвященные юбилеям высокопоставленных чиновников (Арцимовичу, Долгорукову), с биографическими экскурсами и оценками их деятельности.

2I публикация — материалы центральных газет. В губернской прессе появилось лишь 4 некролога (№ 3, 13, 23, 35)⁹. Это можно объяснить тем, что речь идет не только о чиновниках, возглавлявших губернскую администрацию, а о государственных деятелях, близких к императорскому двору. На страницах же губернской газеты публиковались обычно некрологи наиболее известных среди местного населения администраторов, внесших своей деятельностью заметный вклад в управление губернией.

Обратимся к изучению конкретного материала, в первую очередь, к биографическим сведениям о чиновниках. Подавляющее большинство заметок в освещении служебной биографии

составлены по типовой форме, напоминающей послужной список чиновника. Это позволяет соединить основные сведения в таблицу. Публикации, которые не вписываются в общую схему изложения, рассматриваются отдельно. Составленная таблица включает 12 показателей. Ранг и должность чиновника (вопросы 1-2) указывают на место его в служебной иерархии российской бюрократии. 3-й показатель указывает на возраст чиновника. Придворные чины и звания, присутствие в "свите его императорского величества" (вопрос 4) выявляют близость сановника к царскому двору. 5-й пункт содержит данные о наградах чиновника. Орденские знаки, медали и т.п., вручаемые за отличия по службе, служебную выслугу, участие в военных походах давали служебные привилегии и права. Показатели 6-7 проливают свет на социальное происхождение чиновника, его принадлежность к дворянским родам. Титулы, в отличие от орденов, не предоставляя их владельцам дополнительных прав, подчеркивали степень знатности рода. Образовательный уровень чиновника отражают показатели 8-9. Последние вопросы (10-12) непосредственно касаются служебной деятельности сановника.

Таблица, включающая данные 30 некрологов и близких им по характеру публикаций, в первую очередь, показывает степень насыщенности каждой из групп материалов биографическими сведениями. О 6-ти чиновниках (Арцимовиче, Баранове, Долгорукове, Сиверове, Синельникове и Тучкове) имеются сведения по всем показателям таблицы. В трех группах материалов, посвященных Лерхе, Оболенскому и Обросимову отсутствуют данные соответственно по 3 (1,5, 6), 6 (3, 5, 8-11) и 1 (5) показателям. Из таблицы четко видно, что почти все публикации содержат исходные для характеристики представителей правительственной бюрократии данные. Последний административный пост чиновника упоминается во всех 30 корреспонденциях, служебный ранг - в 28, время поступления на службу и сведения о ее прохождении - в 27. Несколько реже встречаются сведения об образовании и возрасте¹⁰ чиновников. Соответственно в 23 и 21 публикации.

Немногим более половины публикаций — по 17, содержат данные о придворных чинах, наградах и происхождении сановников. Родовые титулы отмечены во всех заметках. Почти также фиксируется в них и участие лиц в военных походах. На это указывается в 19 из 21 публикации. Из таблицы видно, что из 9 групп материалов наименее богаты биографическими сведениями статьи об Арцимовиче. В 4 из 7 упоминается о наградах, в 3-х — о возрасте и придворном звании, в 2-х — о его происхождении. Это объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что о данном чиновнике написано немало публикаций в виде очерков, авторы которых акцентируют внимание на портретных зарисовках и оценках деятельности губернатора. Отдельные факты из его биографии сообщаются ими лишь мимоходом, в дополнение к основной канве повествования.

Таблица не раскрывает степень полноты сведений газет о службе чиновников. Знакомство же с содержанием рассматриваемых материалов показывает, что они, как правило, отражают лишь отдельные факты биографий представителей высших бюрократических кругов, от времени окончания ими учебных заведений и должности при поступлении на службу, до последнего занимаемого административного поста. Публикаций, которые содержали бы развернутые экскурсы в службу чиновников, крайне мало. Среди них некрологи и биографические заметки о московских генерал-губернаторах Долгорукове (№ 18-20) и Тучкове (№ 39). В них рассказывается о различных более или менее заметных фактах их служебных биографий. Авторы заметок, например, перечисляют некоторые выполненные чиновниками разовые служебные поручения, более полно освещают их участие в войнах, наряду с полученными наградами выделяют особые знаки благодарности Берховской власти. Ознакомление с опубликованными материалами, выявляет следующую их особенность. При освещении службы администраторов, авторы корреспонденций ограничиваются лаконичным (и иногда даже фрагментарным) перечислением дат жизни и деятельности того или иного лица, совместно

Таблица
 Количество газетных публикаций содержащих биографические сведения
 о чиновниках

Вопросы	Публикации посвященные:										Всего публикаций содержащих данные информации
	В.А.Арцимовичу	А.М.Баранову	В.А.Долгорукову	Э.В.Дерхе	А.В.Оболенскому	М.А.Фроминову	А.К.Сиверсу	Н.П.Синельникову	П.А.Тучкову		
1. Класс ранга	7	3	5	1	2	1	1	6	3	3	28
2. Должность	7	3	5	1	2	2	1	6	3	3	30
3. Возраст	3	2	5	2	-	2	1	6	1	1	21
4. Придворные чины и звания. Присутствие в свите е.и.в.	3	3	5	*	*	2	1	*	3	3	17
5. Награды и особые заслуги	4	2	4	-	-	-	1	5	1	1	17
6. Социальное происхождение	2	3	5	-	1	2	1	2	1	1	17

7. Титулы (князья, графы)	5	2	1	1	8
8. Образование:					
высшее	1				
среднее	3			4	23
9. Какое учебное заведение окончили и когда					
гражданские	6		2	1	24
военные	3				
10. Когда и где начал службу в гражданских учреждениях					
в армии	3		2	6	3
в гражданских учреждениях	6			1	27
11. Прохождение службы (главные вехи)					
в армии	3		2	6	3
в гражданских учреждениях	6		2	6	27
12. Участие в военных походах					
в военных походах	3		2	*	4
в кампаниях	5		2	3	19

* Данное лицо не имело придворных чинов, родовых титулов и на участвовало в военных кампаниях. Указывает на отсутствие сведений в источниках.

ванных, вероятнее всего, из послужных списков.

Источниковедческий анализ заключенных в некрологах и биографических статьях фактических данных, отражающих статус и деятельность высокопоставленных сановников, свидетельствует в целом о их достоверности. Это подтверждается сопоставлением приводимых в газетных публикациях сведений с официальными документами, в первую очередь с послужными списками¹¹ — источниками в силу особых причин фиксирующими наиболее адекватную информацию. Сравнительный анализ показывает, что все 30 публикаций содержат весьма точные данные по 10 из 12 показателям анкеты (№ 1-9, 12). Но публикациям свойственны и отдельные фактические неточности главным образом в датах. Так, в 3 публикациях об Арцимовиче (№ 4-5, II) неверно указывается время его участия в ревизии сенатора Н.Н. Анненкова Западной Сибири — 1847 г. (вместо 1850 г.)¹². В статье г. Джаншиева (№ 8) вкралась ошибка в годе назначения Арцимовича тобольским губернатором — 1856 г. (нужно 1854 г.)¹³. В двух статьях об этом же администраторе № 5, II) неправильно названа фамилия сенатора, с которым Арцимович ревизовал в 1842 году Орловскую и Калужскую губернии (Беляев — надо Бегичев). В публикациях о генерал-губернаторе Долгорукове (№ 18-19) указано, что обучение в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он закончил в 1829 г. На самом деле это произошло на год раньше¹⁴. В некрологе о губернаторе Дерхе (№ 22) говорится, что после вице-губернаторства в Архангельске он был переведен на такую же должность в Калугу, хотя в Калуге он служил губернатором¹⁵. Фактические неточности можно найти и в статьях о губернаторе Синельникове (№ 28, 35, 37). Подобные погрешности, которые могли быть вызваны недостаточной осведомленностью авторов публикаций, описками в материалах использованных для воссоздания служебных биографий, не искажают сути заключенной в них информации, но не исключают при этом ее дополнительной проверки.

Содержащиеся в некрологах и юбилейных статьях экскур-

сы в служебные биографии сановников отражают лишь часть источниковой информации. В ряде публикаций (№ I, 4, 6-9, 13, 17-18, 35, 39) авторы не ограничиваясь сухим изложением фактов из биографии избранного лица, стремились отметить духовно-нравственные и служебные его качества, хотя делали это крайне односторонне. Тем не менее, было бы неправильно априорно отрицать значимость приводимых в публикациях штрихов и зарисовок к портретам чиновников. Важность этих сведений можно показать на примере комплекса публикаций о губернаторе Арцимовиче (№ I, 4, 6-9, 13). Об этом администраторе мы располагаем значительным количеством материалов. Их авторы стремились назвать принципы, которыми Арцимович руководствовался в период своей служебной карьеры: следование духу и букве закона (№ 4, 6-8), отстаивание интересов широкого круга сословий (№ 4), умение подбирать верных и преданных делу помощников (№ 4, 8)¹⁶.

Приведенные оценки совпадают со свидетельствами непосредственных очевидцев деятельности калужского губернатора, с материалами делопроизводства. Например, чиновник канцелярии Арцимовича Н.В.Сахаров так характеризовал его отношение к обращающимся к нему людям. "И всесильные у себя представители отдельных частей местной администрации, и представители крупного рабовладения и капитала, и мелкий чиновник, и заурядный обыватель и бесправный еще тогда крестьянин, — все пользовались одинаково равным приёмом и одинаковым вниманием, никому ни малейшего оттенка предпочтения или невнимания"¹⁷. Сослуживец Арцимовича, талантливый публицист и известный общественный деятель П.И.Обнинский писал о мировых посредниках Калужской губернии "первого призыва": "Виктор Антонович ... образовал соотав, подобно которому не имела ни одна губерния, — здесь я повторяю лишь всем известный и общепризнанный теперь факт"¹⁸. Оценки современников подтверждают две написанные Арцимовичем записки: "О причинах упадка губернаторской власти", хранящаяся в его личном фонде¹⁹, и — "О предпо-

лагаемом учреждении генерал-губернаторств", опубликованная в 1908 г. М. Лемже²⁰. Они были составлены в 1858 г. и направлены министру внутренних дел С. С. Ланскому (вторая от имени министра была подана Александру П.). В записке "О причинах упадка губернаторской власти", Арцимович критикует административный произвол и грубость губернаторов дореформенной эпохи, противопоставляет действовавшей системе управления, законность, т. е. формальный принцип буржуазного правопорядка²¹. Критикуя существующую систему управления, он выступает против сословных привилегий дворян: "... Задача благоустроенного управления должна заключаться в общем развитии всего народа и в защите всех сословий государства"²². Реализовать это, считал Арцимович, можно лишь после отмены крепостного права. Но он призывал, чтобы и до этого губернаторы "... одинаково внимали нуждам всех сословий, ибо только полная равномерная ко всем справедливость могут сделать власть начальника губернии полезною и необходимою для всех жителей губернии"²³. Во второй записке излагается система "законных мер", направленных на усиление губернских властей. Арцимович обращает внимание на необходимость расширения социальной базы местной власти, привлечение к управлению и участию в крестьянской реформе лиц из разных сословий и званий, руководствуясь только их убеждениями и преданностью делу²⁴.

Записки Арцимовича обосновывали в либеральном духе необходимость радикальных реформ, без изменения основ существующего строя. Они показывают, что их автор был противником отживших крепостнических отношений. Тем самым разные источники едины в характеристике Арцимовича — либерального деятеля, оставившего заметный след в истории России периода крестьянской реформы.

В публикациях об Арцимовиче немало хвалебных, хотя и фрагментарных высказываний о личностных качествах губернатора. Авторы подчеркивают лишь привлекавшие их стороны деятельности и характера Арцимовича ("неподкупный", "гу-

манный", "стойкий", "деятельный", "честный", "смелый", "бескорыстный" и т.п. — № I, 4, 6—9, 13). Содержатся и прямые панегирики: "доблестный служитель земного правосудия", "умный и энергичный проводник многих реформ прошлого царствования", "честный и стойкий друг обездоленных и ревнитель общественной пользы" (№ 8) и т.п. Не менее лестны отзывы в освещении деятельности губернатора по отмене крепостного права. Так, Г. Джаншиев замечает: "Он ... дал всей крестьянской реформе такой высокий и благородный тон, что деятельность В.А. Арцимовича ставилась в образец другим губерниям и даже стала известна за границей. Виктор Антонович и его сотрудники приобрели большую популярность не только в интеллигентных сферах, но даже и у крестьян" (№ 8).

В радужных красках деятельность Арцимовича по претворению в жизнь крестьянской реформы оценивает не один Джаншиев, но и др. "... Калужская губерния была едва ли не единственная, где введение уставных грамот не сопровождалось крестьянскими беспорядками. Великая реформа была введена мирно и легально, без малейшего потрясения", — подчёркивает другой автор (№ 6).

Утверждения о том, что крестьянская реформа в Калужской губернии благодаря выдающимся административным способностям губернатора была проведена абсолютно спокойно, без всяких потрясений — не находят подтверждения в официальных документах. По данным академика Н.М. Дружинина только до I января 1862 г. центральные органы власти зарегистрировали в губернии 79 массовых выступлений крестьян (отказов от отбывания повинностей, неподчинения помещикам, сопротивления при описи имущества, самостоятельной смены старост и т.д.). В II имениях волнения были подавлены военной силой²⁵. Арцимович, следуя волеизъявлению царя, несмотря на свою "гуманность" в случае открытых крестьянских выступлений, отдавал распоряжения о вводе войск, не возражал против применения арестов и розог²⁶.

Таким образом, содержащиеся в газетных публикациях

отрывочные свидетельства, затрагивающая деятельность Арцимовича по осуществлению крестьянской реформы в Калужской губернии, далеко не во всем соответствовали действительности. Авторы заметок изображали Арцимовича в облагораживающем свете, (с романтической окраской его портрета), как идеального губернатора. Но, хотя Арцимович, принадлежа к числу наиболее образованных администраторов и разделял либеральные идеи, он был верным исполнителем самодержавной власти. Такой вывод подтверждают документальные свидетельства о его деятельности по реализации реформы в Калужской губернии²⁷.

В перечень включены также материалы о практической деятельности отдельных хозяев губернии (№ 2, 29-34). Из 7 публикаций - 6 посвящены московскому губернатору Синельникову²⁸, его административной деятельности на посту начальника Воронежской и Волынской губерний. В одной публикации упоминается калужский губернатор Арцимович (№ 2).

Опубликованные материалы о Синельникове позволяют получить представление о направлениях его губернаторской деятельности, выявить некоторые личностные качества и черты одного из российских администраторов предреформенной эпохи.²⁹ Центральное место отводится описанию энергичных действий Синельникова по благоустройству губернских центров (№ 29-33). Данные материалы дают возможность судить о характере отражения на страницах губернской прессы хозяйственно-бытовой деятельности Синельникова³⁰. Авторы газетных публикаций, касаясь данного вопроса, ограничиваются констатацией очевидных фактов, общими на этот счет суждениями. Местные корреспонденты - чиновники губернских учреждений - не углубляясь в анализ описываемого, дают лишь краткие итоги административной деятельности Синельникова.

Обращает на себя внимание еще одна публикация о Синельникове, - напечатанный в Воронежских губернских ведомостях циркуляр губернатора от 5 августа 1857 г., адресованный уездным присутственным местам и должностным лицам

губернии (№ 34). Автором краткого предисловия этого документа был местный чиновник Н.В.Воскресенский, в 30-х гг. служивший помощником председателя Воронежского губернского статистического комитета. Циркуляр Синельникова предавал огласке и обличал вскрытые при ревизии уездных канцелярий взяточничество, вымогательства должностных лиц, крайне медленное рассмотрение дел и жалоб в присутственных местах. Данный документ может служить дополнением к воспоминаниям Синельникова, в которых этот вопрос достаточного освещения не получил. Ознакомление с содержанием циркуляра позволяет установить, что искоренение чиновничьего произвола и злоупотреблений ограничивалось мерами административного характера. "Я не могу и не должен служить с чиновником торгующим службою". Из приведенной почти полностью 2-й статьи циркуляра следует, что единственным средством борьбы с укоренившимся беззаконием чиновников было увольнение уличенных в таких поступках служащих. Пытался воздействовать губернатор и на чиновников, уклонявшихся от служб. "Я настоятельно требую, — обращаюсь к таким служащим Синельников, — исполнять бумаги своевременно и не выходить из присутствия, не исполнив всего, что возможно" (Ст.5). О каких-либо иных мерах борьбы против злоупотреблений чиновников, их нежелания добросовестно исполнять служебные обязанности, в циркуляре ничего не сообщается³¹.

Рассмотрение газетных публикаций о верхах губернской администрации дает нам право судить о характере содержащейся в них информации и возможных путях ее использования для изучения истории российской бюрократии середины XIX в. Среди газетных материалов явно преобладают некрологи и заметки, посвященные юбилеям служебной деятельности чиновников, односторонне охватывающие этапы их служебной биографии с момента окончания учебного заведения, поступления на службу до ее завершения. Сообщаемые сведения, как правило, дают лишь общее представление о службе отдельных сансвников. Табличный метод обработки данных, выявил,

что большинство публикаций касаются чиновничьих биографий: о их чине, должности, возрасте, образовании, происхождении и т.п. Эти показатели, отражая единичные факты, сама по себе имеют ограниченное значение, но взятые в совокупности могут служить полезным материалом для изучения состава высшей губернской бюрократии.

Сопоставление содержащейся в публикациях биографической информации с аналогичными сведениями послужных списков выявило достаточно высокую степень надежности газетных материалов в освещении деятельности чиновников, что позволяет использовать некоторые из них (содержащие относительно подробные биографические сведения) в качестве источника для изучения служебных биографий высокопоставленных сановников. В первую очередь это касается тех случаев, когда мы не имеем возможности использовать послужные списки (по причине их утраты или дефектов в документах).

1. Вопрос об источниках изучения российской бюрократии затрагивается в ряде работ по истории самодержавия и правительственного аппарата. См.: Ершкий Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века). М., 1981. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Ореховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х годах XIX в. Горький, 1974; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974. Газетная периодика, как иллюстративный материал привлекалась лишь в исследованиях П.А.Зайончковского (Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов; Российское самодержавие в конце XIX в.).

2. Косованов В.П. Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках, опубликованных с 1612 по 1923 год включительно. Красноярск, 1930. Т.Ш; Межов В.И. Сибирская библиография. СПб., 1891-1892. Т. 1-3. Названные библиографии просматривались с целью выявления газетных публикаций о губернаторах В.А.Арцимовиче и Н.П.Синельникове. Первый, в 1854-1858 гг. губернаторствовал

- в Тобольске, второй, в 1871-1873 гг. был генерал-губернатором Восточной Сибири; Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911-1912. Вып. 1-5.
- 3 Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.6; Пг., 1916. Т.7; СПб., 1914. Т.10; СПб., 1905. Т.12; СПб., 1904. Т.18.
 - 4 Лященко А.И. Волынские губернские ведомости (1838-1888 гг.) // Живая старина. 1898. Вып. 2; Пятидесятилетие воронежских губернских ведомостей. Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников / Сост. Н.В.Воскресенский. Воронеж, 1888. Т.1; Тихонравов К.Н. Указатель местных статей помещенных в неофициальной части Владимирских губернских ведомостей с 1838 по 1868 г. Владимир, 1868, Токмаков И. Список главных начальников Москвы со времени перенесения царского пребывания в С.-Петербург. С 1710-1895 г. М., 1895; Устинов Н.А. Литература о Харьковской губернии. Харьков, 1887.
 - 5 В.А.Арцимсыч. Воспоминания-характеристики. СПб., 1904; Двадцатипятилетнее управление московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Статьи и известия напечат. в "Русских ведомостях" за 1865-1890 гг. М., 1890.
 - 6 Перечень не учитывает опубликованные на страницах газетной прессы мемуарные произведения. Выявленные газетные публикации мемуаров о высших губернских сановниках указаны в статье: Иванов В.А. Деятельность губернаторов центра России 60-х гг. XIX века в освещении мемуаристов // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С.204-209.
 - 7 Здесь и далее ссылки на приводимые в перечне публикации даются прямо в тексте в скобках.
 - 8 Речь идет о московских генерал-губернаторах: В.А.Долгорукове, П.А.Тучкове, М.А.Офросимове; московских губернаторах - Н.П.Синельникове, А.В.Оболенском, А.К.Сиверсе и А.И.Баранове; калужских губернаторах - В.А.Арцимовиче и Э.В.Лерхе. Список высшим чинам государственного губернского и епархиального управлений 1850-1865, 1867-1869 СПб., б.г.
 - 9 Как уже было замечено, во внимание не принимаются краткие некрологи-объявления. Если учесть и их, то соотношение центральных и местных публикаций некрологов будет как 40 к 8.
 - 10 Возраст либо прямо указывается в публикациях, либо устанавливается на основе даты рождения.
 - 11 В данном случае нами использованы хранящиеся в архивах СССР послужные списки и содержащие биографическую информацию материалы (рапорты и записки) о следующих чи-

новниках: В.А.Арцимовиче (ЦГИА СССР. Ф.1330. Оп.1. Д. 223. Л.4 об.-6; Ф.1363. Оп.8. Д.693. Л.4-33; ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф.320. Оп.1. Д.108. Л.1-50), А.И.Баранове (ЦГВИА СССР. Ф.400. Оп.9. Д.14537. Л.3-3 об.), В.А.Долгорукове (ЦГВИА СССР. Ф.489. Оп.1. Д.7316. Л. 155 об.-170; ЦГИА СССР. Ф.1162. Оп.6. Д.180. Л.21-58; Ф.1284. Оп.44. 1865 г. Д.109^Б Л.190-226), Э.В.Лерхе (ЦГИА СССР. Ф.1284. Оп.40. 1864 г. Д.80. Т.9. Л.59 об.-76; Ф.1349. Оп.3. Д.1274. Л.75 об.-81; ОР ИРЛИ. Ф.320. Оп.1. Д.1250. Л.1 об.-19), А.В.Оболенском (ЦГВИА СССР. Ф.400. Оп.9. Д.7615. Л.67-73; Ф.489. Оп.1. Д.7315. Л. 103 об.-115; ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.222. Д.228. Л.1-11), М.А.Сфросимове (ЦГИА СССР. Ф.1162. Оп.6. Д.391. Л.33-52 об.), А.К.Сиверсе (ЦГИА г.Москвы. Ф.16. Оп.222. Д.288. Л.1-18), Н.П.Синельникове (ОР ИРЛИ. Ф.320. Оп.1. Д.2693) и П.А.Тучкове (ЦГВИА. Ф.395. Оп.31. Д.690. Л. 3-6 об., 9-22; Ф.489. Оп.1. Д.7071. Л.86 об.-87, 184 об.-186; ЦГИА СССР. Ф.1162. Оп.6. Д.5636. Л.5 об.-17).

- 12 Как следует из послужных списков сенатора Арцимовича, он был назначен старшим чиновником к генерал-адъютанту Анненкову 19 декабря 1860 г. См.: ЦГИА СССР. Ф.1363. Оп.8. Д.693; ОР ИРЛИ. Ф.320. Оп.1. Д.108. Ревизия сенатора Анненкова Западной Сибири "для осмотра главных частей военно-сухопутного управления" была назначена указом Сената от 15 декабря 1860 г. ЦГИА СССР. Ф. 1397. Оп.1. Д.2. Л.1.
- 13 См. послужные списки Арцимовича (сноска II).
- 14 ЦГВИА СССР. Ф.489. Оп.1. Д.7316; Л.155 об. См. другие формулярные списки Долгорукова (сноска II).
- 15 См. формулярные списки Лерхе (сноска II).
- 16 Авторство А.Ф.Кони установлено по сюжету и стилю изложения, а в отдельных частях и по дословному совпадению с его очерком об Арцимовиче. В.А.Арцимович. Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С.3-10.
- 17 Сахаров Н.В. Калужские губернаторы. (Из воспоминаний Н.В.Сахарова) // Русский архив. 1916. № 1/3. С.231.
- 18 Обнинский П.Н. Виктор Антонович Арцимович в Калуге в 1861-1863 годах // Русская старина. 1897. № 4. С.111.
- 19 ЦТАСР. Ф.815. Оп.1. Д.79.
- 20 Лемке М. Очерки освободительного движения "шестидесятых годов". СПб., 1908. С.456-467. Приложение 3.
- 21 ЦТАОР. Ф.815. Оп.1. Д.79. Л.2 об.
- 22 Там же. Л.8 об.
- 23 Там же.
- 24 Лемке М. Указ. изд. С.465.
- 25 Дружнин Н.М. Сенаторские ревизии 1860-1870-х годов.

- (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. М., 1966. Т.79. С.141. Подробно об этом см.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. документов /Под ред. С.Б.Окуня и К.В.Сивкова. М., 1963; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.: Сб. документов /Под ред. Л.М.Иванова. М., 1964.
- 26 Дружинин Н.М. Указ. соч. С.142.
- 27 Там же. С.147.
- 28 Н.П.Синельников был московским гражданским губернатором в 1855—1856 гг. Все выявленные о нем газетные материалы отражают его губернаторскую деятельность в Волынской (1852—1855 гг.) и Воронежской (1857—1859 гг.) губерниях. ОР ИРЛИ. Ф.320. Оп.1. Д.2392.
- 29 Заметим, что содержащиеся в газетных публикациях сведения о практической деятельности Синельникова в Воронежской и Волынской губерниях совпадают как с показаниями непосредственных очевидцев (см., например: Кельш Н. Воспоминание о Н.П.Синельникове // Исторический вестник. 1893. № 12. С.876—880; Слетов П.С. Воспоминание о Н.П.Синельникове // Исторический вестник. 1893. № 1. С.231—237), так и свидетельствами самого губернатора (записки сенатора Н.П.Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 2. С.380—397).
- 30 Согласно закону "наблюдение за надлежащим устройством городов", было одной из главнейших обязанностей гражданских губернаторов. Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т.2. Свод законов государственных и губернских. Ч.2. Учреждения губернские. Ст.363.
- 31 Факт преследования Синельниковым лихоимцев, казнокрадов и других нарушителей закона находит подтверждение в показаниях современников губернатора. См., например: Кельш Н. Указ. соч., С.877; Слетов П.С. Указ. соч. С.231.

П Е Р Е Ч Е Н Ъ *

В.А.Арцимович

1. [Полувековые юбилеи В.Д.Философова, Н.И.Стояновского и В.А.Арцимовича] // Волжский вестник. 1891. № 141.
2. Калужский житель. "Крестьянское дело в Калужской губернии" // День. 1863. 19 января, № 3.
3. [В.А.Арцимович.] Некролог // Калужские губернские ведомости. 1893. № 26
4. [Кони А.Ф.] "Памяти В.А.Арцимовича" // Новое время. 1893. 4 марта. № 6111.
5. "Четыре юбилея" // Новости и биржевая газета. 1891. 17 июня. № 165.
6. П.Л. "Тяжелая утрата" // Новости и биржевая газета. 1893. 6 марта. № 63.
7. Кони А.Ф. "Памяти В.А.Арцимовича" // Право. 1903. 2 марта. № 10. Стб. 676-678.
8. [Г.Джаншиев.] "К пятидесятилетию юбилею В.А.Арцимовича" // Русские ведомости. 1891. 15 июня. № 162.
9. [После юбилея В.А.Арцимовича] // Русские ведомости. 1893. 6 января. № 5.
10. "В.А.Арцимович. (Некролог)" // С.-Петербургские ведомости. 1893. 5 марта. № 62.
11. [В.А.Арцимович.] Некролог // Сын отечества. 4 марта. 1893. № 61.

* В перечне публикации систематизированы по группам, каждая из которых посвящена отдельному чиновнику. Внутри групп — по алфавиту изданий. Статьи, публиковавшиеся без заглавия даны в квадратных скобках ([...]). В квадратных скобках заключены также фамилии авторов публикаций, опубликованных анонимно. Авторские и издательские названия произведений заключены в кавычки. Звездочкой (* ж), без нумерации обозначены выявленные краткие некрологи-объявления с московских и калужских администрациях 50-60-х гг. XIX в.

12. [50-летний юбилей В.А.Арцимовича] // Тобольские губернские ведомости. 1891. № 30.
13. И.Б. В.А.Арцимович. Некролог // Тобольские губернские ведомости. 1893. № II.

А.И. Баранов

14. [Баранов А.И. Некролог] // Новое время. 1888. 20 июля. № 4450.
15. "Генерал от артиллерии Баранов. (Некролог)" // Русский инвалид. 1888. 27 июля. № 161.
16. [Баранов А.И. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1888. 20 июля. № 198.

В.А. Долгоруков

17. "Князь Владимир Андреевич Долгоруков (Некролог)" // Московские ведомости. 1891. 22 июня. № 170.
18. "Князь Владимир Андреевич Долгоруков и его именитый род. (По поводу двадцатипятилетия служения его сиятельства в должности московского генерал-губернатора 1865-1890 гг.)". Новости дня. 1890. 31 августа. № 2575.
19. "Князь В.А.Долгоруков. (Некролог)" // Новости дня. 1891. 21 июня. № 2367.
20. "Генерал-адъютант князь Долгоруков. (Некролог)" // Русский инвалид. 1891. 26 июня. № 139.
21. "Генерал-адъютант князь В.А.Долгоруков. (Некролог)" // С.-Петербургские ведомости. 1891. 23 июня. № 167
- ж [В.А.Долгоруков. Некролог] // Московские ведомости. 1891. 22 июня. № 170.
- ж [В.А.Долгоруков. Некролог] // Новое время. 1891. 2 июля. № 5509.

А.Г. Казначеев

- ж [А.Г.Казначеев. Некролог] // Новое время. 1888. 24 июня. № 4424.

Э.В. Лерхе

22. Сенатор Эдуард Васильевич Лерхе. Некролог // Новое время. 1889. 4 июня. № 4763.

А.В. Оболенский

23. [А.В.Оболенский. Некролог] // Биржевые ведомости. 1884. 8 декабря. № 239.
24. [А.В.Оболенский. Некролог] // Новое время. 1884. 7 декабря. № 3154.
* [А.В.Оболенский. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1884. 4 декабря. № 335.

М.А. Фросимов

25. [М.А.Фросимов. Некролог] // Иллюстрированная газета. 1868. 29 февраля. № 9.
26. [М.А.Фросимов. Некролог] // Московские ведомости. 15 февраля. № 34.
* [М.А.Фросимов. Некролог] // Антракт. 1868. 18 февраля. № 7.
* [М.А.Фросимов. Некролог] // Голос. 1868. 14 февраля. № 35.
* [М.А.Фросимов. Некролог] // Новое время. 1868. 7 февраля. № 34.
* [М.А.Фросимов. Некролог] // Русский инвалид. 1868. 14 февраля. № 43.
* [М.А.Фросимов. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1868. 15 февраля. № 44.

А.К. Сиверс

27. "Граф А.К. Сиверс" // Харьковские губернские ведомости. 1887. № 221.
* [А.К.Сиверс. Некролог] // Харьковские губернские ведомости. 1887. № 187.

Н...Синельников

28. "Сенатор Я.П. Синельников. (Некролог)" // Владимирские губернские ведомости. 1892. № 41.

29. П[ерлштейн] А. "Открытие Житомирского дворянского театра" // Волынские губернские ведомости. 1855. № 42.
30. Кузин В. [Обед, данный жителями г.Воронежа в честь начальника губернии Н.П.Синельникова и краткие сведения о деятельности его] // Воронежские губернские ведомости. 1857. № 44.
31. "Выписка из Варшавской газеты за 1858 год о деятельности Н.П.Синельникова как Болынского губернатора" // Воронежские губернские ведомости. 1859. № 2.
32. Дихачёв Е. "О Николае Петровиче Синельникове" // Воронежские губернские ведомости. 1861. № 30.
33. [О деятельности Н.П.Синельникова по благоустройству г.Воронежа в бытность его Воронежским губернатором (с 28 января 1857 г. по 3 августа 1859 г.)] // Воронежские губернские ведомости. 1883. № 31.
34. Воскресенский Н. [О деятельности Н.П.Синельникова по управлению Воронежской губернией] // Воронежские губернские ведомости. 1883. № 32.
35. "Николай Петрович Синельников. (Некролог)" // Иркутские губернские ведомости. 1892. № 44.
36. "Сенатор Н.П.Синельников. Некролог" // Московские ведомости. 1892. 10 октября. № 291.
37. [Н.П.Синельников.] Некролог // Новое время. 1892. 9 октября. № 5968.
38. [Н.П.Синельников. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1892. 9 октября. № 275.
- ж [Н.П.Синельников. Некролог] // Иркутские губернские ведомости. 1892. № 43.
- ж [Н.П.Синельников. Некролог] // Московские ведомости. 1892. 9 октября. № 280.
- ж [Н.П.Синельников. Некролог] // Новости и биржевая газета. 1892. 9 октября. № 279.
- ж [Генерал от кавалерии, сенатор Николай Петрович Синельников] // Харьковские губернские ведомости. 1892. № 254.

Н.М. Смирнов

- ж [Н.М.Смирнов. Некролог] // Голос. 1870. 5 марта. № 64.
- ж [Н.М.Смирнов. Некролог] // Калужские губернские ведомости. 1870. № 13.
- ж [Н.М.Смирнов. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1870. 5 марта. № 63.

Д.Н. Толстой

- ж [Д.Н.Толстой. Некролог] // Баржевные ведомости. 1884. 25 марта. № 60.
- ж [Д.Н.Толстой. Некролог] // Московские ведомости. 1884. 15 марта. № 74.
- ж [Д.Н.Толстой. Некролог] // Свет. 1884. 25 марта. № 68.

П.А. Тучков

- 39. С.Яковлев. "Павел Алексеевич Тучков. (Биографический очерк)" // Московские ведомости. 1864. 13 февраля. № 36; 15 февраля. № 38.
- 40. [П.А.Тучков. Некролог] // Русский инвалид. 1864. 22 января. № 17.
- 41. [П.А.Тучков. Некролог] // С.-Петербургские ведомости. 1864. 23 января. № 18.
- ж [П.А.Тучков. Некролог] // Голос. 1864. 23 января. № 23.
- ж [П.А.Тучков. Некролог] // Московские ведомости. 1864. 22 января. № 17.

Н. Н. АРДАШЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ПИСЦОВЫХ КНИГ

В настоящем сообщении делается попытка реконструкции и анализа неопубликованной и утраченной статьи Н. Н. Ардашева "О древнейших новгородских писцовых книгах Деревской, Бежецкой и Шелонской пятин". Источниками для нашей работы послужили некоторые черновики, отчеты и рабочий дневник Ардашева, обнаруженные в ЦГАДА среди документов делопроизводства Московского архива Министерства юстиции.

Николаю Николаевичу Ардашеву (1862—1923 гг.)¹, сотруднику МАМЮ (1887—1895, 1902—1923 гг.), профессору Московского археологического института (с 1907 г.) принадлежит видное место в ряду русских историков-архивистов и археографов. (Достаточно назвать его очерки по истории Поместно-Вотчинного архива, помещенные в "Описании документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ", один из первых литографированных курсов русской дипломатики, читанный в 1907/8 учебном году, проект "Об основных положениях транскрипции текста при издании документов XVI—XVII вв."². Над статьей о новгородских писцовых книгах Ардашев работал в 1912—1917 гг. Она предназначалась для "Сборника МАМЮ" о землевладении бояр Романовых, приуроченному к 300-летию династии. Главным составителем сборника являлся Ардашев, начальник Поместно-вотчинного отделения МАМЮ³.

Ардашев еще ранее начал изучение истории земельного описания. 10 апреля 1904 г. он выступил с сообщением "Приправочные книги XV—XVI вв. (Пересмотр вопроса в связи с архивными данными о постановке "писцового дела")" в Археографической комиссии Московского археологического общества⁴.

Чтобы придать описанию исследовательский характер, он призывал обследовать данные о водяных знаках бумаги, переплете, чернилах, почерках, скрепах должностных лиц,

пометах, приписках, указаниях на перебивку листов, имена переписчиков копий и т.д. По инициативе и под редакцией Ардашева Московский археологический институт издавал расходные документы Поместного приказа (Соколова А.А., фон-Мекк А.К. Расходные книги и столпы Поместного приказа. М., 1910)⁵.

В 1912 г. началась подготовка "Сборника МАМО". Ардашев в работе над статьей для него использовал сведения из "Собрания государственных грамот и договоров", "Актов исторических", "Актов юридических", "Дополнений к актам историческим", "Русской исторической библиотеки", "Обозрения писцовых книг по Новгороду и Пскову" П.И.Иванова, тщательно просматривал издания Археографической комиссии "Новгородские писцовые книги XV-XVI вв." (СПб., 1858-1915. Т. I-6), а также труды К.А.Неволина, И.Д.Беллева, архимандрита Сергия, Н.Ф.Яницкого, И.Ч.Миклашевского, В.Ф.Загородского, Н.Н.Исрлдмана, А.А.Кауфмана, А.М.Андряшева, Д.Я.Самокусова, С.К.Боголюбского (порядок перечисления определен Ардашевым)⁶. Первый раздел сборника представлен в основном извлечениями из писцовых книг XVI-начала XVII в., причем сверка с подлинниками позволила составителям избежать ряд неточностей. К примеру, в издании Н.В.Калачова "Писцовые книги XVII века" (СПб., 1872-1879. Ч. I-2) по тверской писцовой книге 1540 г. село Тургенеро принадлежало не князю Глинскому, а князю Микулинскому⁷. Оказалась ценной для готовившегося Ардашевым сборника писцовая книга 1616 г., ошибочно отнесенная к Рязани в I-м томе "Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМО" (СПб., 1869. № 398). Он разделил материал на группы, соответствовавшие периодам земельного описания⁸. Ардашев обследовал в МАМО новгородские писцовые книги XV-XVI вв., сотрудник МАМО А.В.Глаголев по его поручению просмотрел грамоты Коллегии экономии по Новгороду⁹. Для сборника было скопировано 5 тысяч листов документов, из них подготовлено к изданию около 10 печатных листов. Статья Ардашева, обобщавшая собранный обширный материал, разделила судьбу

сборника (задержанного в типографии из-за трудностей военного времени). Но эта статья представляет интерес для оценки значения МАМД как одного из научных центров, роли Ардашева в исследовании источников о феодальном землевладении XVI-XVII вв.

Изучая в МГАМИД новгородские писцовые книги, Ардашев обращал внимание на I) особенности письма с украшениями в виде вязя; 2) "хараксы" — разлиновки с большими полями по сторонам; 3) приписки или поправки, сделанные на этих полях; 4) "пописи" или почерк разных подъячих, выполнявших спешную переписку; 5) вставки среди текста на специально оставленных для того местах; 6) пагинацию листов; 7) литературу тетрадей; 8) литерную нумерацию списываемых погостов; 9) пометы на самом краю листов в виде начальных букв каких-то слов, отдельных выражений и целых фраз, не связанных с содержанием писцовых книг — пометы подыльчегосправдыва по работе подъячих-пищиков; 10) подписи (найде-на только одна — "Истомка Нькифоров сын Задубрянский"); II) верхе, понтюзо и филигранные бумаги писцовых книг¹⁰. 2-я и II-я рубрики введены Ардашевым впервые по сравнению с другими исследователями.

Ардашев установил, что рукописи древнейших новгородских писцовых книг не подлинники, а списки-противни первых лет XVI в., и не "писаны скорописью XV в.", как полагали раньше. Сохранившаяся на книге Бежецкой пятин помета о переписке ее в Судном столе и сопоставление с писцовыми книгами середины XVI в. показали, что списки были сняты в Москве для Новгорода, и это не могло происходить в Поместном приказе, не имевшем Судного стола, заказчиком выступал Новгородский приказ. Списки Новгородской приказной или съезжей избы соответствовали "большим книгам" — подлиннику центрального приказа. С изложением этих положений Ардашев выступил в Московском обществе истории и древностей российских, не встретив возражений¹¹.

Сохранилась часть черновика статьи Ардашева, касающаяся писцовых книг Деревской и Белонской пятин¹². Пер-

вая книга была опубликована П.И.Савваитовым под названием "Переписная оброчная книга Деревской пятинны около 1495 года" ("Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией". СПб., 1858-1862. Т. I, 2). Книги по Шелонской пятине издавались А.И.Тимфеевым (Т. 4. СПб., 1886) и С.К.Богоявленским (Т. 5. СПб., 1905).

Внешний вид писцовой книги Деревской пятинны заставил Ардашева усомниться в ее подлинности. Для окончательного решения вопроса Ардашев считал нужным сравнить ее с одновременным описанием прочих пятин Новгородского уезда. "Справка" - приготовление писцовой книги, по мнению Ардашева, могла состояться через несколько лет (до 10 и даже более) после начала описания 7004-го года (1495/6), поэтому его не удивляло, что книга Деревской пятинны датируется, по крайней мере, на 4 года позднее и не скреплялась "руками" писцов. Вслед за К.А.Неволиным¹³ Ардашев считал, что обе части книги Деревской пятинны первоначально имели общую литерацию славянскими буквами тетрадей вместо представленной в позднейшее время отдельной пагинации арабскими цифрами. Местами на листах осталась первоначальная литерация отдельных тетрадей, принадлежавшая разным подьячим, которым раздали текст в переписку. Этим Ардашев объяснял наличие в книге скорописи разных почерков.

По расходным столбцам Поместного приказа начала XVII в. Ардашев представлял себе, как спешно производилось переписывание старых писцовых книг для вновь посылаемых писцов с расплетением переплетов и оплатой по алтыну от тетради. По предположению Ардашева, один подьячий мог передавать часть полученного им текста другому, поэтому разные почерки встречаются не только в тетрадях одной "статьи", но и на разных листах - считая обе перегнутые половинки - в одной тетради. Ардашев выделял две подьяческие пометы: "пиши" и "прав". Указание "пиши" могло относиться к заполнению пустых мест на листе - этим он объяснял наличие вставок в тексте. Вторая помета показывает, что все переписанное подвергалось проверке.

До Ардашева не акцентировали внимание на учреждении, в котором велась работа над книгой. Содержащиеся сведения об этом довольно противоречивы. На обложке из новой бумаги второй части книги Деревской пятинны написано почерком XIX в. "7005/1495. Поместного приказа по Новгороду переписная книга погостам, деревням и находящимся в них крепостьям". По версии Ардашева, такой заголовок мог быть основан на старой описи, пропавшей в 1812 г. В транскрипции он не увидел особенностей новгородского гсворе, а в книгах других пятин обратил внимание на прямое указание о их московском происхождении: "Лета 7[054]-го февраля в 19 день со книги Бежецкие пятинны привез из Москвы в Великий Новгород [...] псдьячей Нечай Александров".

Книга Деревской пятинны была названа в издании Археографической комиссии переписной оброчной книгой, но Ардашев считал это неприемлемым, не находящим подтверждение в писцовых книгах других пятин или в каком-либо тексте XVI-XVII вв. Встречающееся в книге указание на платимый "оброк великому князю" он рассматривал как признак вида земельного владения, а не вида описания. В комментарий к "Сборнику МАМО" была включена полемика с А.М.Гневушевым, автором книги "Очерки экономической истории сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве" (Киев, 1915), считавшим писцовую книгу Деревской пятинны подлинной, тогда как, по мнению Ардашева, это противень¹⁴.

Изучая писцовые книги Шелюнской пятинны, сохранившиеся в четырех отрывках, Ардашев приводил в систему "метки" погостов, обозначенные славянскими буквами на полях листов против написанного вязью названия погоста. Сделанные также, как и вязь заглавий, они не похожи на какие-либо позднейшие надписи. Данная литерация позволяла восстановить первоначальный вид книги, но в издании Археографической комиссии не воспроизвели эту литерацию в тексте, не оговорили ее в примечаниях и не упомянули о ней в предисловии. Ардашев заметил, что отдельные литеры соответствуют

главам, то есть оглавлению псгостов в начале книги, составленному в ХУП в.

Ардашев обосновал расширение им датировки книги Деревской пятинны: начало описания — 7004 (1495/6) г., скончательная "справка" — 7008 (1499/1500) г. Документальная датировка рукописи писцовой книги Бежецкой пятинны, изданной Богоявленским ("Новгородские писцовые книги". СПб., 1910. Т. 6) 7009/1501 г., по мнению Ардашева, переносит время создания недатированной книги Деревской пятинны на первые годы ХУП в., с чем совпадают филигранные ее бумаги¹⁵. По его наблюдению, филигранные книги Вотской пятинны общие с книгами Деревской и Шелонской пятинны¹⁶. Большинство предшественников Ардашева не занимались изучением филиграней писцовых книг.

Кроме сошных книг МГАМИД, Ардашев обследовал такую же дворцовую книгу Шелонской пятинны 1500/1501 г., дошедшую в списке ХУШ в., хранившуюся в МГАМИД под № 706. (Издана Богоявленским: "Новгородские писцовые книги". СПб., 1905. Т. 5). На бумаге филигрань "1752-й год". Ардашевым этот список был датирован 1752—1756 гг. Его составили в Канцелярии межевых дел Новгородского уезда со списка из приказа Большого дворца 1671—1677 гг. (время "сидения" дьяка Федора Тутчева, скрепившего оригинал). По утверждению Археографической комиссии, "рукопись АМО № 705 есть копия, снятая с рукописи № 706". Ардашев же показал, что в книге № 705 только выписка из книги № 706 Григорья Волосатого 7032 (1524/5) г. с некоторыми дополнительными справками по писцовой книге Григория Собакина 7042 (1534/5) г., отписной книге Деметрия Дмитриева 7055 (1546/7) г. и из книги дворцовых земель Матвея Валуева 7007 (1498/9) г. Большая часть книги № 705 заключает в себе выписки из даточных и переписных книг 7165 (1658/9), 7136 (1677/8), 7197 (1688/9), 7204 (1696/6) гг. и др. На основании позднейших новгородских писцовых книг было определено имя второго писца, товарища Матвея Валуева — Ивана Свербеева¹⁷.

Участие Ардашева в подготовке "Сборника МАМО" пока-

зывает, что научная жизнь в МАМО не затухала в годы первой мировой войны и продолжалась до самого конца существования архива. Ардашев не только следовал общим направлениям источниковедческой критики и археографическим приемам изучения и издания писцовых книг (наиболее подробно обоснованным К.А.Неволиным, А.Никитским и А.М.Андряшевым), но показал, что скрупулезное исследование этих источников полнее выявляет их особенности.

- I Об Н.Н.Ардашеве см.: Памятная книжка МАМО. М., 1890. С.230-231; Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т.1. Стб. 716; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т.3. С.622-623; Шохин Л.И. Начало переписания фонда Поместного приказа в 1918 году // Архивы СССР: История и современность. М., 1939. С. 72-81.
- 2 См.: Протоколы заседаний Предварительного комитета XVI археологического съезда в Пскове 2-6 января 1912 г. М., 1912. С. 7-8.
- 3 См. подробн.: Шохин Л.И. О подготовке серийного документального издания "Сборник МАМО" // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С.206-212.
- 4 См.: Древности / Труды Московского археологического общества. М., 1907. Т.21. Вып. 2 (протоколы). С.86.
- 5 О предложенных Ардашевым правилах издания см.: ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМО). Оп.1. Д.8973. Л.2440 и об.
- 6 Там же. Д. 9682. Л.32 об.
- 7 Там же. Д.802. Л.67-76.
- 8 Там же. Д. 9682. Л.37 об., 33-35.
- 9 Там же. Д. 4787. Л.1 об., 8.
- 10 Там же. Д. 9722. Л.46 об.-47.
- 11 Там же. Л.47-48. Ардашев с удивлением отметил, что его выводы отчасти подтвердились наблюдениями хранителя Патриаршей библиотеки Н.П.Попова над рукописями макарьевских Четых-Миней.
- 12 Там же. Д. 8320. Л.7-35, 53-54.
- 13 Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1852. Прил. УШ, IX, X.
- 14 ЦГАДА. Ф. 337. Оп. I. Д. 4787. Л.12 об.- 14.
- 15 Там же. Д. 3726. Л. 216-217 (верстка "Романовского" сборника); Д. 8320. Л.56-63 (черновики Ардашева).
- 16 Там же. Л. 242 (гранки с правкой Ардашева).
- 17 Там же. Д. 9722. Л. 49 об.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	3
Медушевский А.Н. Источниковедение в трудах С.О.Шмид- та.....	6
Богатырев С.Н. Грамоты Боярской думы XVI века в до- кументах Посольского приказа.....	19
Булгаков М.Б. Угличская таможенная уставная грамота Воскобойник Н.И. Английский источник о правлении и гибели Лжедмитрия.....	36 45
Воскобойникова Н.П. К истории описания Сольвичегод- ского уезда во второй половине XVI—первой четверти XVII в.	76
Козляков В.Н. Источники о новичном верстании в пер- вой половине XVII века	89
Казакова Н.А. Посольские дела как источник информа- ции о Западной Европе первой половины XVII в. (По материалам фонда сношений Рос- сии с Голландией).	105
Демкин А.В. Документы торговой миссии Т.Келлермана и В.Воронины в Нидерланды и Гамбург в 1670/71 гг.	122
Овчинников Р.В. О грамоте (фирмане) индийского па- лишаха Аурангзеба. (К истории русско-ин- дийских связей в конце XVII века).....	131
Богданов А.П. Краткий Московский летописец.....	140
Медушевский А.Н. Табель о рангах как предмет сравни- тельно-источниковедческого исследования..	161
Севастьянова А.А. Источники в сочинениях провинци- альной историкографии России второй пол- вины XVIII века.....	163
Иванов В.А. Российские губернаторы в освещении под- цензурной периодики.....	198
Шохан Л.И. Н.Н.Ардашев — исследователь и издатель царских книг.....	219

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подписано к печати 12.03.92. Формат 60x84/16. 14,25 п.л.
9, I уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 4р.60к. Заказ № 23

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19